

Ширли Джексон

МЫ ЖИВЕМ В ЗАМКЕ

Серия «Вот эта книга!»

Annotation

«Мы живём в замке» — американский готический роман, настоящий психологический триллер. Был отобран Times magazine в числе 10 лучших романов года, выдержал 13 изданий.

В центре романа — две сестры, родные которых таинственным образом погибли... Ширли Джексон пишет об ужасах и зле, скрытых в нашем ежедневном существовании, о борьбе, которую незримо ведут между собой люди, связанные узами родства, о тайных войнах, происходящих внутри одной человеческой души.

«Эта книга — адское варево из ужаса и напряженного ожидания, она околдует вас, и вы наверняка станете ее следующей жертвой. Величайший дар Ширли Джексон — не создавать мир фантастики и ужаса, а скорее, находить гротескное в обыденном».

New York Times

- [Ширли Джексон](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
-

Ширли Джексон
«Мы живём в замке»

Посвящается
Паскалю Ковичи

Меня зовут Мари Кларисса Блеквуд. Мне восемнадцать лет, и живу я с сестрой Констанцией. Будь я чуть неудачливей, вполне могла бы родиться оборотнем — у меня, как у них, средний и безымянный пальцы на руках одинаковой длины, — ну да ладно, какая уж есть. Я не люблю умываться, а еще собак и шума. Люблю сестру Констанцию, а еще Ричарда Плантагенета и гриб *Amanita phalloides* — бледную поганку... Других родственников у меня нет — все умерли.

Срок сдачи библиотечных книг, которые стоят на полке в кухне, вышел еще пять месяцев назад; знай я наперед, что книги эти не придется возвращать, что оставаться им у нас на веки вечные, — выбирала бы придирчивей. Вещи, раз попавшие к нам в дом, переставляются редко: Блеквуды никогда не любили перемен. Мы пользуемся, конечно, недолговечными предметами — книгами, цветами, ложками, — но зиждется хозяйство лишь на прочных, вечных вещах. Если что возьмем — непременно положим на место. Мы убираем под столами и стульями, под кроватями и картинами, под коврами и лампами, но не сдвигаем их ни на миллиметр; черепашковый туалетный прибор у мамы на подзеркальнике незыблем. В нашем доме испокон века жили Блеквуды и всегда поддерживали строжайший порядок; стоило очередному отпрыску привести жену в дом, ее вещам отводилось определенное место; дом наш покоился на многих и многих слоях блеквудской собственности, благодаря этому он выдержал натиск внешнего мира.

Книги из библиотеки я принесла в пятницу, в конце апреля. Пятницы и вторники были ужасными днями: я ходила в поселок — в библиотеку и за продуктами. Констанция не ходила дальше сада, а дядя Джулиан не мог.

Поэтому в поселок дважды в неделю я выбиралась не из гордости, даже не из упрямства, а просто оттого, что хотелось читать и есть. Но, возможно, именно из гордости я заглядывала в кафе к Стелле — выпивала чашку кофе и лишь потом шла домой; я убедила себя, что зайти к Стелле дело чести; как ни хотелось мне домой, я неизменно шла туда; да и заметь Стелла, что я иду мимо, она бы решила, что я боюсь, а такого позора мне не вынести.

— Доброе утро, Мари Кларисса, — говорила Стелла, протирая стойку влажной тряпкой. — Как поживаешь?

— Спасибо, очень хорошо.

— А как поживает Констанция Блеквуд?

— Очень хорошо, спасибо.

— А как сам?

— Лучше не бывает. Будьте любезны, черный кофе.

Если кто-нибудь входил и усаживался за стойку, я оставляла кофе недопитым и, нарочито не торопясь, уходила, кивнув Стелле на прощанье. «Будь здорова», — привычно говорила она мне вслед.

Книги в библиотеке я выбирала с толком. Разумеется, и в нашем доме есть книги, две стенки в папином кабинете доверху заставлены книгами, но мне нравятся сказки и книги по истории, а Констанция любит книги про еду. Дядя Джулиан книг в руки не брал, но любил по вечерам, оторвавшись от своих бумажек, смотреть, как читает Констанция.

— Что ты читаешь, дорогая? Как это мило: дама с книгой.

— Я читаю «Кулинарное искусство», дядя Джулиан.

— Восхитительно.

Он довольно кивал и умолкал, но ненадолго, и вчитаться по-настоящему нам было трудно; а книги, что стоят сейчас на полке в кухне, ни Констанции, ни мне открыть так и не довелось. Из библиотеки я вышла погожим апрельским утром, сияло солнце, неверные и чудесные посуды весны ощущались повсюду, они проступали сквозь поселковую копоть и грязь. Помню, как я остановилась на ступеньках библиотеки с книгами в руках, как глядела на нежную зелень веток на фоне неба и мечтала пройти домой по небу, а не через поселок — об этом я мечтала всегда. Я могла перейти улицу прямо у библиотеки и дойти до продуктовой лавки по другой стороне, но пришлось бы миновать универмаг и мужчин, что сидят перед входом.

В этом поселке мужчины никогда не стареют и вечно сплетничают, зато женщины быстро старятся от пепельной, злой усталости и всегда молча ждут, когда же мужчины сподобятся встать и пойти домой. Еще я могла перейти улицу возле продуктовой лавки, так даже лучше, хотя путь лежал мимо почты и дома Рочестеров; там во дворе валяются груды ржавых железок, сломанные машины, пустые газовые баллоны, старые матрасы, водопроводные краны, умывальники — все, что Харлеры сносят в дом и, по-видимому, искренне любят.

Дом Рочестеров самый красивый в поселке, здесь когда-то была библиотека, обитая ореховым деревом, на втором этаже — зал для танцев, а вдоль веранды — заросли роз; здесь родилась наша мама, и по закону дом должен был бы достаться Констанции. Я, как всегда, предпочла идти мимо почты и дома Рочестеров, хотя мне неприятен дом, где родилась мама. Но

здесь безопасней: эта сторона по утрам в тени и оттого безлюдна; да и мимо универсама проходишь только раз, на обратном пути, — на два раза меня б не хватило.

За поселком — на Холмистой улице, на Речной и у Старой горы — выстроили красивые новые дома Кларки, Каррингтоны и им подобные. Чтобы попасть к себе, им тоже приходится ехать через поселок — ведь Главная улица, это, по сути, шоссе, которое пересекает наш штат; но отпрыски Кларков и Каррингтонов учатся в частных школах, еду на их кухни доставляют из больших городов, письма и газеты с поселковой почты им развозят на машине, сами же обитатели Старой горы отправляют письма в городе и стригутся у городских парикмахеров.

Меня всегда потрясает: поселковые, что живут в грязных домишках на шоссе и на Проточной улице, улыбаются, радостно кивают и машут руками, когда мимо едут Кларки и Каррингтоны; стоит Хелен Кларк зайти в продуктовую лавку Элберта за банкой томатного соуса или за кофе, которые позабыла купить ее кухарка, все наперебой говорят: «Доброе утро» — и сообщают, что погода наладилась. Дом Кларков новее, но ничуть не красивее дома Блеквудов. Папа первым привез в дом рояль, прежде в поселке их и не видывали. Каррингтонам принадлежит бумажная фабрика, зато Блеквудам — вся земля от шоссе до реки. Шепарды, что живут у Старой горы, дали поселку деньги на постройку магистрата; белое со шпилем здание возвели на зеленой лужайке, а перед входом установили пушку. Тогда поговаривали: надо бы сделать в поселке новую размежевку, снести лачуги на Проточной и отстроить весь поселок под стать магистрату, но никто и пальцем не шевельнул — может, боялись, что тогда и Блеквуды вздумают посещать заседания магистрата? Поселковые получают там разрешения на охоту и рыбную ловлю, а раз в год Кларки, Каррингтоны и Шепарды приходят на заседания магистрата и торжественно голосуют за то, чтобы убрать харлеровскую свалку с Главной улицы, убрать скамейки от универсама, — и каждый год поселковые радостно и дружно голосуют против. За магистратом сворачивает налево Блеквудская улица — это дорога домой. Блеквудская улица окружает наши земли, сбоку тянется проселочная ограда, поставленная папой. В ней, неподалеку от магистрата, есть калитка, рядом лежит черный камень; я отпирала калитку, запирала ее за собой и шла через лес домой.

Поселковые издавна нас ненавидели.

* * *

По дороге в магазин у меня была своя игра. Она походила на ребячьи настольные игры, в которых поле делят на клеточки и игроки передвигают по ним фишки, бросая кости; игроков всегда подстерегают опасности: «пропусти ход», «отступи на четыре клетки», «вернись на старт», но если повезет, выпадает «перескочи на три клетки вперед» или «сделай дополнительный ход». Мой путь лежал от библиотеки по Главной улице до лавки и обратно, к черному камню, — тогда я выигрывала. В тот день я стартовала хорошо и без помех преодолела пустынный отрезок Главной улицы; неужели весь день будет удачным? Такое иногда случалось, но чтоб весной, да поутру, — очень редко. Если день окажется удачным, я непременно принесу в жертву кольцо или брошь — в знак благодарности.

Вначале я шла очень быстро, глубоко вдыхала — чтоб не сбиться с ритма — и не оглядывалась; я несла библиотечные книги и сумки для продуктов и смотрела, как двигаются мои ноги: одна за другой, одна за другой, в маминых старых коричневых туфлях. Из окна почты за мной кто-то наблюдал; мы перестали получать газеты и отключили телефон шесть лет назад — мучения, с ними связанные, были тогда просто нестерпимы, — но стерпеть этот мимолетный взгляд из окна почты я могла: смотрела старушка мисс Даттон, она никогда не гладела в открытую, как другие, всегда — из-за спущенных штор или занавесочки. На дом Рочестеров я не глядела. Невыносимо думать, что тут родилась мама. Интересно, Харлеры знают, что занимают дом, где по праву должна бы жить Констанция? У них во дворе такой грохот, что мне своих шагов не слышно. Может, Харлерам кажется, что немолчный шум отпугивает злых духов или он услаждает их музыкальный слух? Наверно, в доме у Харлеров не лучше, чем во дворе: вместо стульев — старые ванны, вместо стола — остов древнего «форда»; едят они из разбитых тарелок и непрерывно гремят консервными банками, а голоса — точно трубы иерихонские. Возле дома Харлеров на тротуаре всегда грязь и пыль.

Теперь надо перейти улицу — читай «пропусти ход», — я уже стояла прямо против продуктовой лавки. Я всегда нерешительно мялась на обочине — посмешищем для недобрых глаз, — а мимо мчались машины. Большой частью — проходящие, их привело и уведет шоссе, водители таких машин на меня не глядели; зато местную машину я узнавала тут же по быстрому злобному взгляду из-за руля; интересно, спустись я с тротуара — вильнет на меня машина, быстро и будто бы случайно? Просто испугать, посмотреть, как отскочу? И раздастся хохот — отовсюду, со всех сторон: из-за занавески на почте, от универмага, с порога продуктовой лавки, все — и мужчины, и женщины — злорадно расхохочутся, глядя, как Мари

Кларисса Блеквуд отпрянет в сторону. Порой я пропускала два и даже три «хода», прежде чем перейти: дожидалась, пока дорога в обоих направлениях совсем расчистится.

Посреди улицы тень кончилась, и я попала под яркое, обманчивое апрельское солнце; к июлю поверхность дороги размягчится от жары, ноги будут увязать, и переходить улицу станет еще опасней. «Мари Кларисса Блеквуд попала под машину при попытке высвободить ногу, увязшую в асфальте», — «вернись на старт и начни игру заново». И дома к июлю станут еще отвратительней. Вообще, в нашем поселке нерасторжимы место, время и стиль, будто здешнему люду не обойтись без уродливых хибар, будто уродство у них в крови. Кажется, дома и магазины сколочены с презрительной поспешностью — поскорей прикрыть скудость и мерзость; а дома Рочестеров и Блеквудов и даже магистрат точно ветром занесло из далекой чудесной страны, где живы лад и красота. А вдруг эти дивные дома попали в плен — в отместку Рочестерам и Блеквудам за их жестокие сердца — да так и остались пленниками поселка и теперь гниют медленно и необратимо, и распад их являет убожество селян? Вдоль Главной улицы вереница лавок и магазинчиков, все — неизменного тускло-серого цвета. Над ними, по второму этажу, тянется ряд безжизненных блеклых занавесок — там живут владельцы магазинов. В этом поселке любой всплеск цвета обречен на поражение. И уж, конечно, не Блеквуды наслали порчу на поселок — таковы здешние жители, и это единственное достойное их место.

Подходя к магазинам, я всегда думала о гнили, о черной мучительной гнили, гложущей изнутри все и вся. Пускай тут все сгниет!

У меня был список — что покупать. Констанция составляла его каждый вторник и пятницу перед тем, как мне выходить из дома. Народ в поселке злился, что у нас всегда вдоволь денег — можем купить все, что хотим; конечно, все наши деньги мы из банка забрали, и люди — я знала — твердили теперь об этих деньгах, припрятанных прямо в доме, точно Констанция, дядя Джулиан и я сидим вечерами среди груд золота, позабыв про библиотечные книги, играем с монетами, ласкаем их, зарываем в них руки по локоть, пересчитываем, раскладываем на кучки и снова рассыпаем — веселимся как можем, запершись на все замки. Я уверена, что в поселке множество гнилых душ алчет наши златые горы, но народ труслив и боится Блеквудов. В лавке я вместе со списком доставала кошелек, чтобы Элберт знал — деньги у меня есть — и не посмел отказать в продуктах.

Сколько бы народу ни было в лавке, меня обслуживали мгновенно; мистер Элберт или его бледная скупердяйка жена спешили подать мне все,

что попрошу. Иногда на каникулах им помогал в лавке старший сын, тогда они спешили вдвойне, чтобы ему не пришлось меня обслуживать. Однажды какая-то девчушка, не поселковая, разумеется, подошла ко мне совсем близко, и миссис Элберт ее оттащила, да так грубо, что девочка вскрикнула. Воцарилось долгое молчание; нарушила его в конце концов сама миссис Элберт: «Желаете еще чего-нибудь?»

Когда поблизости были дети, я старалась не двигаться и не дышать — я их боялась. Боялась — вдруг дотронутся до меня, и тут же налетят мамы, точно стая когтистых коршунов; мне всегда виделась именно такая картина: птицы тучей налетают сверху, клюют и рвут острыми как нож когтями. Сегодня Констанция составила очень длинный список, но детей в лавке, к счастью, нет, да и женщин не так уж много; «дополнительный ход», — подумала я и поздоровалась с мистером Элбертом.

Он кивнул в ответ: совсем не поздороваться не мог, но женщины в лавке глаз с него не спускали. Даже отвернувшись, я спиной чувствовала, как застыли они: кто с консервной банкой, кто с неполным пакетом печенья или вилок салат в руках, — ждали, пока за мной закроется дверь, тогда снова зажурчит их болтовня. Где-то среди них затаилась и миссис Донелл, я заметила ее, когда входила; неужели она снова меня поджидает? Миссис Донелл всегда норовила что-нибудь сказать, она из тех немногих, кто непременно заговаривал.

— Запеченную курицу, — сказала я мистеру Элберту; в другом конце лавки его скупердяйка жена открыла холодильник и, вынув курицу, принялась заворачивать.

— Баранью ножку, — продолжала я. — Дядя Джулиан обожает по весне запеченную баранину. — Тут я явно переборщила: люди в лавке изумленно ахнули. Выскажи я все пожелания — бросились бы врассыпную, точно кролики, но зато потом, на улице, подстерегали бы все как один.

— Пожалуйста, луку, — вежливо сказала я мистеру Элберту, — кофе, хлеба, муки. Грецких орехов и сахару — у нас почти не осталось.

Где-то за моей спиной раздался приглушенный смешок; мистер Элберт глянул туда и снова — на продукты, которые выкладывал на прилавок. Скоро миссис Элберт добавит сюда сверток с курицей и мясом, мне нет нужды оборачиваться.

— Молока, сливок, масла. — Шесть лет назад Харрисы перестали доставлять нам молочные продукты, и я покупала молоко и масло в лавке.

— И еще яиц. — Констанция забыла внести яйца в список, но дома

оставалось всего два.

— Коробочку ореховой карамели. — Вечером дядя Джулиан вволю пощелкает, похрустит, весь перемажется и, покуда не расправится с последней конфетой, спать его не уложишь.

— Блеквуды всегда любили богато поесть, — прозвучал сзади голос миссис Донелл. Кто-то хихикнул, кто-то шикнул. Я и головы не повернула: хватит того, что они толпятся за спиной, нечего смотреть в их ненавидящие глаза на серых, стертых лицах. Чтоб вы все сдохли! Как же мне хотелось произнести это вслух. Констанция говорила: «Делай вид, что тебе наплевать. Обратишь внимание — только хуже будет», — наверно, она права, но все же — чтоб вы все сдохли! Вот было бы здорово: прихожу однажды утром в лавку, а они — все до единого, даже Элберты и дети, — кричат от боли, корчатся на полу и умирают у меня на глазах. А я переступаю через их тела, беру с полок все, что пожелаю, и, пнув напоследок миссис Донелл, отправляюсь домой. Я никогда не стыдилась этих мечтаний и хотела только одного: чтобы они сбылись. «Ненависть — чувство вредное, — говорила Констанция, — оно точит силы», но я все равно ненавидела и удивлялась, зачем Богу вообще понадобилось создавать этих людишек.

Мистер Элберт разложил мои покупки на прилавке и ждал, глядя мимо меня, в сторону.

— На сегодня все, — сказала я. Он, так и не взглянув на меня, записал на листке цены, подсчитал сумму и передал мне листок: я всегда проверяла — не обманул ли. Я пересчитывала очень тщательно, не упуская малейшей возможности досадить им, но, увы, он ни разу не ошибся. Продуктов набралось две сумки, и — делать нечего — придется тащить их на своем горбу. Помочь мне никто никогда бы не вызвался, согласись я даже принять их помощь.

«Пропусти два хода». Нагруженная покупками и библиотечными книгами, я иду очень медленно, а дорога лежит мимо универмага в кафе Стеллы. На пороге лавки я помедлила: хотелось найти какую-то мысль, зацепку, чтоб охранила и помогла в пути. За моей спиной уже зашевелились, захекали. Вот-вот заговорят снова; а Элберты небось таращатся друг на друга с дальних концов лавки и с облегчением вздыхают. Я нацепила на лицо ледяную маску. Буду думать, как мы станем обедать в саду; я шла, глядя прямо под ноги, — мамины коричневые туфли шагали: раз-два, раз-два, — а мысленно расстилала на столе зеленую скатерть и несла в сад желтые тарелки и белое блюдо с клубникой. Да-да, желтые тарелки! — а на меня глазели мужчины возле универмага, — и дяде

Джулиану достанется вкусное яйцо всмятку, и он будет обмакивать в него гренки, и я напомню Констанции: пусть набросит дяде Джулиану шаль на плечи, ведь еще холодно, зима только-только кончилась. Не оборачиваясь, чувствую, как тычут в меня пальцами и ухмыляются. Чтоб вы сдохли, а я пройду по вашим трупам! Ко мне обращались редко, судачили меж собой. «Вон блеквудская девчонка идет, — глумливо пищал один. — Девушка Блеквуд с ихней фермы». — «Да, жаль Блеквудов, — говорил кто-то едва слышно. — И девочек жаль». — «Отличная у них ферма, — завистливо говорили они. — К ней бы руки приложить — враз разбогатеешь». — «Разбогатеешь, коли не помрешь сперва: чтоб там сеять — три жизни иметь нужно, зато из земли все само прет». — «Сидят на земле — точь-в-точь собаки на сене». — «Разбогатеть — раз плюнуть». — «Жаль девчонок». — «На земле у Блеквудов любая чертовщина вырастет».

Я шагаю по их трупам, мы обедаем в саду, и на плечах у дяди Джулиана шаль. Сейчас надо держать сумки покрепче: однажды, недоброй памяти утром, я уронила сумку именно тут: разбились яйца, пролилось молоко, и я подбирала что могла, а люди что-то злорадно кричали. Я твердила себе: что бы ни случилось — не убегай; я лихорадочно запикивала банки и коробки в сумку, сгребала рассыпанный сахар и твердила себе: только не убегай.

На тротуаре перед Стеллиным кафе была трещина, прямая, точно указательный палец. Была она там испокон века. Другие отметины обезобразили поселок на моей памяти: когда я училась в третьем классе, строили магистрат и Джонни Харрис отпечатал свою пятерню на бетонном цоколе, а сын Мюллера нацарапал свои инициалы на библиотечном крыльце. Но трещина перед кафе была испокон века, да и само кафе стояло столько же. Я помню, как каталась тут на роликах, стараясь не попасть в трещину, а то — я так загадала — маме головы не сносить; помню, как катила здесь на велосипеде, а волосы мои развевались по ветру; поселковые нас в те времена еще терпели, хотя папа всегда считал их отребьем. Мама однажды сказала мне, что помнит трещину с детства, когда жила еще в доме Рочестеров; значит, когда они с папой поженились и она переехала к Блеквудам, трещина уже была; я думаю, что трещина, словно указующий перст, была здесь с незапамятных времен — с тех пор, как воздвигли поселок из серой лежалой древесины и уродливые люди со злобными лицами возникли из мерзкого ниоткуда и поселились тут навсегда.

Когда у Стеллы умер муж и ей выплатили страховку, она купила кофеварку и заменила старую стойку мраморной, иных перемен в

заведении не происходило, сколько я себя помню; когда-то мы с Констанцией заходили сюда после уроков — потратить карманные деньги и купить папе газету; теперь уж мы газет не покупаем, а Стелла по-прежнему продает газеты, журналы, грошовые леденцы и блеклые открытки с изображением магистрата.

— Доброе утро, Мари Кларисса. Как поживаешь? — сказала Стелла; я села у стойки, поставив сумки на пол; порой мне хотелось пощадить Стеллу — одну из всех, — когда они начнут умирать по моему велению; Стелла в сравнении с ними казалась даже доброй; кроме того, она сохранила хоть какую-то окраску. Была она кругленькой и розовой и носила яркие ситцевые платья, они блекли не сразу под стать всему вокруг, а сохраняли, пусть совсем недолго, свой цвет.

— Спасибо, очень хорошо.

— А как поживает Констанция Блеквуд?

— Очень хорошо, спасибо.

— А как сам?

— Лучше не бывает. Будьте любезны, черный кофе.

— На самом деле я люблю кофе с сахаром и сливками, чтоб не горчило, но я заходила к Стелле из гордости, значит — никаких поблажек.

Если кто-нибудь появлялся в кафе, я поднималась и тихонько уходила; но случались и неудачные дни. В то утро, не успела Стелла поставить передо мной чашку, на пороге возникла тень, и Стелла, взглянув туда, сказала: «Доброе утро, Джим». Она перешла к другому концу стойки — видно, надеялась, что он сядет там, а я смогу незаметно уйти, но не тут-то было. Пришел Джим Донелл — мне определенно не везло. Вообще-то, все поселковые на одно лицо, но некоторых я запомнила и могла ненавидеть прицельно; Джим Донелл с женой из их числа; они ненавидели нас неистово, а остальные — из тупой, стародавней привычки. Эти остальные прошли бы к Стелле в конец стойки, но Джим Донелл направился прямо ко мне и сел рядом, как можно ближе: он явно решил испортить мне утро.

— Поговаривают, вы уезжаете. — Он повернулся на стуле: хотел взглянуть на меня в упор.

Сел бы подальше! Стелла прошла к нам за стойкой; ну пусть, пусть Стелла попросит его подвинуться — я спокойно выберусь и возьму сумки, и не придется протискиваться мимо Джима Донелла.

— Поговаривают, вы уезжаете, — повторил он значительно.

— Нет, — ответила я, поскольку он ждал ответа.

— Странно. — Он взглянул на Стеллу и снова на меня. — Могу поклясться, кто-то сказал мне, что вы уезжаете.

— Нет, — повторила я.

— Джим, тебе кофе? — спросила Стелла.

— И кто это брякнул, что они уезжают, а, Стел? Кому такое в голову пришло, раз они вовсе не уезжают? — не унимался он. Стелла укоризненно покачала головой, но еле сдержала улыбку. Я опустила глаза: мои руки тербели бумажную салфетку на коленях — отрывали уголки; усилием воли я успокоила руки и задумала, как увижу клочок бумаги, вспомню, что нужно быть добрее к дяде Джулиану.

— Ума не приложу — как эти сплетни расползаются? — произнес Джим Донелл. Когда-нибудь Джим Донелл умрет; может, у него внутри уже завелась гниль, которая его погубит. — Ну где еще сыщешь таких сплетников? — спросил он Стеллу.

— Не трогай ее, Джим, — сказала Стелла.

А дядя Джулиан совсем старый, и он умирает, умирает неотвратно; он умрет прежде Джима Донелла, прежде Стеллы, прежде всех. Бедный, старый дядя Джулиан умирает, и я твердо решила быть к нему добрей. И сегодня мы устроим на лужайке праздничный обед. Констанция принесет шаль, накинет ему на плечи, а я буду валяться на траве.

— А я никого и не трогаю, Стел. Разве я кого трогаю? Просто спрашиваю мисс Мари Клариссу Блеквуд, правду ли говорят в поселке, будто она и ее старшая сестрица от нас уезжают. Куда подальше. Насовсем. — Он помешивал сахар в чашке; краешком глаза я следила, как кружится и кружится ложечка, и мне хотелось смеяться. Отчего-то было до нелепого глупо: ложечка кружится, а Джим Донелл говорит. Интересно, протяни я руку и останови ложечку — замолчит он? Возможно, и замолчит, мудро рассудила я, возможно, он попросту выплеснет кофе мне в лицо.

— Куда подальше, — повторил он печально.

— Перестань! — попросила Стелла.

Отныне я стану внимательно слушать рассказ дяди Джулиана — всегда. И я несу ему ореховой карамели — это очень, очень хорошо.

— А я-то загрустил, — продолжал Джим Донелл, — негоже поселку терять одно из лучших семейств. Очень печально. — Он резко повернулся, поскольку на пороге появился новый посетитель; я смотрела на свои руки на коленях, на дверь не оглядывалась, но Джим Донелл сказал: «Привет, Джо», и я поняла, что это плотник Данхем.

— Джо, ты только вообрази! Весь поселок твердит, что Блеквуды уезжают, а вот мисс Мари Кларисса Блеквуд говорит — ничего подобного.

Все замолчали. Данхем, должно быть, нахмурился и переводил взгляд с Джима на Стеллу и на меня, пытаюсь уразуметь смысл каждого слова.

— Правда, что ли? — произнес он наконец.

— Слушайте, вы, оба, — начала было Стелла, но Джим Донелл перебил ее; он говорил, сидя ко мне спиной и вытянув длинные ноги — не обойти, не выбраться:

— Я только сегодня объяснял людям, как плохо, когда покидают нас старожилы. Хотя, по чести сказать, большинство Блеквудов нас уже покинули. — Он засмеялся и хлопнул ладонью по стойке. — Покинули, — повторил он. Ложечка в его чашке уже не кружилась, а он все говорил. — Поселок теряет свое лицо, когда уезжают старожилы. А кой-кому может показаться, будто их вытурили, — медленно произнес он.

— Верно, — сказал Данхем и засмеялся.

— Подумают, вытурили с распрекрасных земель с оградками, и тропинками, и роскошной жизнью. — Он никогда не останавливался, пока не уставал. Раз задумав что-то сказать, он повторял это снова и снова, обсасывал и так и сяк; у него, очевидно, было не так уж много задумок, и каждую приходилось выжимать до последней капли. Кроме того, собственные мысли с каждым повтором веселили его все пуще, теперь завелся — не остановишь, пока не заметит, что оказался без слушателей. Для себя я решила: никогда ни о чем не думай больше одного раза, — и спокойно сложила руки на коленях. «Я живу на Луне, — сказала я себе, — живу в домике на Луне совсем одна».

— Что ж, — продолжал Джим Донелл; от него к тому же шел дурной запах, — буду всем рассказывать, что прежде знал Блеквудов. Лично мне они ничего такого не сделали, лично со мной они были крайне вежливы. Правда, к обеду меня не приглашали, чего не было, того не было, — засмеялся он.

— Уймись, — сказала Стелла резко. — На ком другом язык-то точи.

— На ком это я язык точу? Я что, по-твоему, к ним на обед напрашивался? Я что, сбрендил?

— И мне есть что рассказать, — вступил Данхем. — Чинил раз у Блеквудов крыльцо, а мне так и не заплатили. — Он говорил правду. Констанция тогда послала меня сказать, что по плотницкой расценке ему не заплатит: криво прибить сырую доску — дело нехитрое; его же просили, чтоб ступенька получилась как новенькая. Я вышла и сказала, что мы платить не будем; он ухмыльнулся, сплюнул, поднял молоток, вовсе отодрал доску и, отшвырнув ее, сказал: «Чините сами». Потом залез в свой грузовичок и укатил.

— Так и не заплатили, — повторил он.

— Бог с тобой, Джо, это просто недосмотр. Немедленно пойдй к мисс

Констанции Блеквуд, и она отвалит тебе все, что причитается. Только, если тебя пригласят к обеду, Джо, будь тверд и откажись.

Данхем рассмеялся:

— Еще не хватало у них обедать. Но вот ступеньку я им чинил, и мне так и не заплатили.

— Странно, — сказал Джим Донелл. — Дом чинят, а сами уезжать собираются.

— Мари Кларисса, — Стелла подошла ко мне. — Иди-ка ты домой. Слезай со стула да иди домой. Пока ты здесь, покоя не жди.

— А вот это верно замечено, — подхватил Джим Донелл. Но под взглядом Стеллы он убрал ноги с прохода и дал мне пройти. — Так что, мисс Мари Кларисса, вы только покличьте — мы все сбежимся и вмиг ваши вещички упакуем. По первому слову, Маркиска.

— А сестрице от меня передайте, — начал было Данхем, но я поспешила уйти; оказавшись на улице, услышала за собой громкий смех, смеялись все: и Джим Донелл, и Данхем, и Стелла.

У меня на Луне чудесный домик с камином и садиком (что может вырасти на Луне? Надо спросить Констанцию), и я обязательно буду обедать в саду на Луне. Все на Луне ярких, непривычных цветов; пусть домик будет лазурным. Ноги мои в коричневых туфлях мерно двигались — левая, правая, левая, правая, — а сумки с продуктами тихонько покачивались в такт; у Стеллы я побывала, осталось только миновать магистрат; там в эту пору пусто, лишь какие-то людишки выписывают справки владельцам собак, да сдирают налог с проезжих водителей, да рассылают счета за воду, канализацию и мусоропровод, да штрафуют за костры и рыбную ловлю; людишки эти сидят глубоко во чреве магистрата и согласно скрипят перьями; их мне бояться нечего — разве что задумаю половить рыбу в запретное время. Я ловлю алых рыбок в лунных реках... И вдруг я заметила мальчишек Харрисов: они сидели во дворе перед домом и шумно ссорились с пятью соседскими мальчишками. Я заметила их, обогнув магистрат; еще не поздно повернуть и пойти другой дорогой — по шоссе до протоки, а там, за протокой, как раз наша тропинка, — но я и так уже задержалась, да и далекий это путь с такими тяжелыми сумками, к тому же неприятно идти вброд в маминых коричневых туфлях; «я живу на Луне», — подумала я и прибавила шагу. Они увидели меня сразу. Чтоб вы сдохли, чтоб вы сгнили, чтоб валялись в корчах и истошно кричали, чтоб извивались и стонали у моих ног!

— Маркиса! — закричали они. — Маркиса, Маркиса! — и все до единого облепили забор.

Их, верно, обучили родители — все эти Донеллы, Данхемы, Харрисы поганые; небось проводили им спевки, старательно учили, голоса ставили — иначе откуда бы такой слаженный хор?

Эй, Маркиса, — кличет Конни, — хочешь мармеладу?
Нет, — ответила Маркиса. — Ты подсыпешь яду!
Эй, Маркиса, — кличет Конни, — не пора ли спать
Где скелет гремит костями — там твоя кровать.

Я не понимаю их языка: на Луне мы говорим тихонько, будто журчим; мы поем при свете звезд и глядим сверху на мертвый, высохший мир; вот ползабора уже позади.

— Маркиса! Маркиса!

— А где старушка Конни? Обед стряпает?

— Хочешь мармеладу?

Удивительно: я спрятала душу глубоко-глубоко; шла вдоль забора и ровно и строго, нарочито неспешно переставляла ноги, а душа моя затаилась. Они глазели — я это чувствовала, даже слышала их голоса, даже видела их, а душа моя была глубоко. Чтоб вы все сдохли!

— Где скелет гремит костями — там твоя кровать!

— Маркиса!

Однажды, когда я проходила здесь, на крыльцо вышла мать Харрисов: ей, видно, любопытно стало — чего это детки разорались. Она стояла там, смотрела, слушала, и я остановилась против нее, поглядела прямо в пустые, выцветшие глаза; я знала — заговаривать нельзя, но знала, что не удержусь. «Неужели вы не можете их приструнить? — спросила я в тот день, надеясь, что не все еще умерло у нее в душе; может, и ей доводилось бегать по траве, разглядывать цветы, радоваться и любить. — Неужели вы не можете их приструнить?»

— Детки, не обзывайте тетю, — произнесла она, но ничто в ней не дрогнуло, она продолжала получать свое убогое удовольствие. — Не обзывайте тетю.

— Хорошо, мама, — послушно отозвался один.

— К забору не подходите, тетю не обзывайте.

И я пошла дальше: они все орали и верещали, а женщина стояла на крыльце и смеялась.

Эй, Маркиса, — кличет Конни, — хочешь мармеладу?

Нет, — ответила Маркиса. — Ты подсыпешь яду!

Чтоб у них языки сгорели — сгорели в жарком пламени, и глотки чтоб сгорели сейчас, когда они изрыгают эти слова, и кишки чтоб у них обуглились в мучениях, точно на сотнях костров.

— Прощай, Маркиса! — закричали они, когда я дошла до конца забора. — И больше не приходи.

— Прощай, Маркиса! Привет Конни!

— Прощай, Маркиса! — Но я уже дошла до черного камня — там калитка и тропинка к дому.

Чтобы отпереть ворота, сумки пришлось поставить на землю; замок был совсем простой, висячий, такой запросто собьет любой мальчишка, но на калитке висела табличка: ЧАСТНОЕ ВЛАДЕНИЕ. ПРОХОДА НЕТ, — и дальше никто не шел. Таблички, ворота и замки появились, когда папа перекрыл тропинку; прежде все сокращали путь до шоссе — шли по тропинке из поселка к автобусной остановке мимо нашего дома, так короче метров на четыреста. Но мама терпеть не могла, чтоб шастали взад-вперед возле дома, и вскоре после женитьбы папе пришлось перекрыть тропинку и обнести оградой все земли Блеквудов — от шоссе до протоки. Другой конец тропинки — туда я ходила редко — упирался в ворота, на них тоже был висячий замок и табличка: ЧАСТНОЕ ВЛАДЕНИЕ. ПРОХОДА НЕТ. Мама говорила: «Для простого люда существует шоссе, а мой дом — для меня».

Наши гости, заранее приглашенные, подъезжали к дому по аллее, она тянулась от ворот, выходящих на шоссе, до парадного входа в дом. В детстве я, бывало, лежала у себя в спальне, в глубине дома, и представляла площадку перед входом оживленным перекрестком: по аллее туда—сюда разъезжают достойные люди, опрятные и богатые, разодетые в шелка и кружева, им к нам в гости можно; а по тропинке снуют жители поселка — украдкой, воровато оглядываясь, подобострастно уступая дорогу. «Им сюда не проникнуть, — убеждала я себя, а в темноте на потолке качались черные тени деревьев, — им сюда не проникнуть, тропинка закрыта навсегда». Иногда я доходила до ограды и, прячась за кустами, смотрела, как люди тянутся из поселка к остановке прямо по шоссе. Насколько я знаю, никто и никогда не пытался пройти по тропинке с тех пор, как папа запер калитку и ворота.

Я втащила сумки, и тщательно заперла калитку, и замок подергала — держит ли? Теперь я в безопасности. Тропинка вилась в сумраке: когда папа стал тут хозяином, блеквудские земли пришли в запустение, и деревья, кусты, травы разрослись привольно, зелень стояла стеной везде, кроме большой поляны да сада с огородом, превратилась в густые заросли, и никто, кроме меня, не ведал тайных путей. Я шла по тропинке легко — я уже дома, и мне знаком каждый куст, каждый поворот. Констанция знает названия всех растений, мне же довольно знать, как и где они растут, знать, что они преданно укроют меня от любой опасности. На тропинке только

мои следы: в поселок и обратно. За поворотом могли попасться и следы Констанции — она иногда выходила мне навстречу, но в основном ее следы в саду и в доме. Сегодня она встречала меня в конце сада — я увидела ее, как только свернула: стоит на фоне дома, освещенная солнцем. И я побежала навстречу.

— Маркиска, — улыбнулась она. — Гляди, как я сегодня далеко зашла.

— Слишком далеко, — сказала я. — Не успеешь оглянуться — ты и в поселок за мной увяжешься.

— Может, и схожу как-нибудь.

Я похолодела, хотя знала, что она просто дразнит; потом вымученно засмеялась:

— Тебе там не шибко понравится. Ну-ка, не ленись, возьми хоть одну сумку. А где мой кот?

— Ты же опоздала, вот он и принялся бабочек гонять. Ты яйца купила? Я забыла написать.

— Купила-купила. Давай устроим обед на лужайке.

В детстве я свято верила, что Констанция — сказочная принцесса. И все пыталась ее нарисовать: с длинными золотыми локонами и синими-синими — аж грифель крошился — глазами; на каждой щеке — ярко-розовое пятнышко; я всегда удивлялась своим рисункам: Констанция и впрямь была именно такая, даже в самые трудные времена — розово-белозолотистая, — и ничто не могло ее затмить. В моем мире и по сей день Констанция — самая дорогая драгоценность. Я пошла в дом следом за ней, по мягкой траве, мимо выращенных ею цветов, а из цветов появился мой кот Иона и увязался за мной.

Констанция уже стояла в высоком проеме парадных дверей, я поднялась по ступеням, положила сумки на стол в огромной прихожей и заперла двери. Мы не откроем их до вечера — наша жизнь протекает в задней части дома, на лужайке и в саду, туда не проникнет никто. Фасад сурово и негостеприимно глядит на шоссе и на поселок, он нас надежно укроет. Порядок мы поддерживаем во всем доме, но крутимся в основном на кухне — только спим наверху, а дядя Джулиан и спит в теплой комнатухе возле кухни; все наши окна выходят на широкую чудесную лужайку, на любимый каштан и цветы Констанции; чуть подальше начинаются сад и огород — тут Констанция возится целыми днями, а еще дальше, за деревьями, — протока. И если мы сидим на лужайке за домом, нас ниоткуда не видно.

Дядя Джулиан восседал за огромным письменным столом и копался в своих бумажках; я сразу вспомнила, что обещала быть к нему добрее.

— Ты разрешишь дяде Джулиану поесть ореховых карамелек? — спросила я Констанцию.

— После обеда, — Констанция бережно вынимала покупки из сумки; любая еда ценилась ею чрезвычайно, к продуктам она прикасалась осторожно и уважительно. Меня же к еде не подпускала, мне не разрешалось ни готовить, ни собирать грибы, лишь иногда я приносила овощи с огорода и рвала яблоки со старых яблонь.

— Сегодня делаем плюшки, — Констанция говорила нараспев, почти пела от радости: она раскладывала продукты. — Дяде Джулиану дадим яйцо всмятку, плюшку и немножко пудинга.

— Вкуснота, — сказал дядя Джулиан.

— Маркисе — что-нибудь соленькое, питательное, но не жирное.

— Иона поймает мне мышку, — шепнула я коту, примостившемуся у меня на коленях.

— Я всегда так рада, когда ты приходишь из поселка. — Констанция взглянула на меня и улыбнулась. — И потому, что еду приносишь. И потому, что скучаю.

— А я-то как счастлива, когда прихожу из поселка.

— Очень было тяжело? — Она легонько провела пальцем по моей щеке.

— Тебе незачем знать.

— Я тоже когда-нибудь пойду в поселок. — Она заговорила об этом уже второй раз — и я снова похолодела.

— Констанция, — произнес дядя Джулиан. Он взял со стола обрывок бумаги, внимательно посмотрел на него и нахмурился. — У меня нет никаких данных, выкурил ли твой отец сигару в то утро.

— Ну конечно, он всегда курил в саду по утрам, — сказала Констанция. — Твой котик ловил рыбу в протоке, — обратилась она ко мне, — и вернулся весь в грязи. — Она сложила сумку и убрала ее в ящик для сумок, потом расставила на полке библиотечные книги — тут им суждено остаться навсегда. Нам с Ионой отводилось место в уголке, чтоб не мешали Констанции готовить; мы замирали: любо-дорого смотреть, как она порхает в лучах солнца.

— Сегодня день Хелен Кларк, — сказала я. — Не страшно тебе?

Констанция обернулась с улыбкой:

— Ничуть. И вообще, мне гораздо лучше. А к чаю приготовлю пирожные с ромом.

— А Хелен Кларк как завопит да как стрескает все до одного.

Даже теперь у нас с Констанцией оставался узкий, круг знакомых — они изредка наведывались на собственных машинах и подкатывали к дому

по аллее. Хелен Кларк приезжала на чай по пятницам, а по воскресеньям по дороге из церкви заглядывали то миссис Шепард, то миссис Раис, то старуха Кроули: они сокрушались, что мы опять пропустили чудесную проповедь. Ответных визитов мы не наносили, но они приходили регулярно, отсиживали несколько минут — как подобает; иногда приносили цветы из своих садов, книги или ноты — пусть Констанция попробует сыграть эту вещицу на арфе; разговаривали церемонно, смеялись приглушенно и неизменно приглашали нас к себе, хотя знали, что мы не придем. С дядей Джулианом они были обходительны, терпеливо выслушивали его речи, а нам предлагали покататься на машине и называли себя нашими друзьями. Между собой мы с Констанцией поминали их обычно добрым словом: они ведь искренне верили, что их визиты нам в радость. По тропинке они не ходили. Иногда заглядывали в сад — Констанция показывала чудесную новую клумбу или срезала для них черенок розы, — но ни на шаг от нее не отходили; потом садились в свои машины у парадных дверей и отбывали по аллее через ворота. Несколько раз приезжали мистер и миссис Каррингтоны — узнать, как мы справляемся; мистер Каррингтон был когда-то папиным близким другом. В дом они никогда не входили, от угощения отказывались — просто подъезжали к парадному входу и разговаривали, не выходя из машины, очень недолго. «Как вы справляетесь? — всегда спрашивали они, переводя взгляд с Констанции на меня и снова на Констанцию. — Как же вы справляетесь совсем одни? Может, вам чем-нибудь помочь? Не стесняйтесь, просите. Как вы справляетесь?» Констанция всегда уговаривала их пройти в дом: нам в детстве внушили, что держать гостей у порога — дурной тон, но Каррингтоны в дом не шли.

— Интересно, — сказала я, вспомнив о них, — если я попрошу у Каррингтонов лошадь, мне подарят? Я б каталась по большой поляне верхом.

Констанция повернулась и, нахмурясь, долго глядела на меня.

— Ты не попросишь, — проговорила она наконец. — Мы ни у кого ничего не просим. Запомни.

— Да я просто подразнить, — сказала я, и она опять заулыбалась. — И нужен-то мне на самом деле крылатый конь. Мы бы с ним катали тебя на Луну и обратно.

— А помнишь, как ты мечтала завести грифона? — сказала она. — Ладно, мисс Бездельница, бегите-ка накрывать на стол.

— В тот последний вечер они ужасно ссорились, — произнес дядя Джулиан. — Она говорила: «Я не потерплю, я не вынесу этого, Джон

Блеквуд», а он говорил: «У нас нет другого выхода». Я, разумеется, подслушивал у двери, но подошел слишком поздно и не понял, о чем речь. Наверно, опять о деньгах.

— Но они жили вполне мирно, — сказала Констанция.

— Да, они были предельно вежливы друг с другом, племянница; вероятно, это ты и принимаешь за мирную жизнь, но не дай нам Бог такого мира. Мы с женой всегда предпочитали поорать друг на друга вволю.

— Не верится, что уже шесть лет прошло, — сказала Констанция. Я взяла желтую скатерть и отправилась на лужайку накрывать на стол, а Констанция за спиной у меня сказала дяде Джулиану: — Иногда кажется, все отдам — только бы их вернуть.

* * *

Мне в детстве верилось: вот вырасту большая и дотянусь до самого верха окон у мамы в гостиной. Окна огромные — стекло снизу доверху; дом замышляли как летний, но зимнего пристанища у нас так и не появилось, и поэтому папа установил отопление; по закону нам должен был достаться дом Рочестеров в поселке, только нам его не видать никогда. Окна в гостиной занимают всю стену — от пола до потолка; до верха я так ни разу и не дотянулась; голубые шелковые занавески в длину больше четырех метров — мама неизменно сообщала об этом гостям. В гостиной два больших окна, два таких же высоких в столовой — напротив, через прихожую. Все фасадные окна снаружи кажутся узкими, а дом благодаря им представляется мрачным и высоким — выше, чем на самом деле. В самой же гостиной было чудесно. Мама привезла в приданое стулья с золочеными ножками, здесь стояла ее арфа, и комната сияла бликами зеркал и стекол. Нам с Констанцией удавалось посидеть там только по пятницам, когда к чаю приезжала Хелен Кларк, но содержали мы здесь все в идеальном порядке. Констанция мыла окна и забиралась на стремянку, чтобы достать до самого верха; мы протирали фигурки из дрезденского фарфора, которые стоят на камине; я накидывала на щетку тряпку и смахивала пыль с лепнины; лепнина кудрявилась по потолку, точно крем по свадебному пирогу: фрукты, листья, ленты с бантиками, а из них выглядывают купидончики; я пятилась вдоль стен, глядя вверх, голова кружилась, Констанция подхватывала меня, и мы весело смеялись. Потом натирали полы и подштопывали обивку с выпуклым узором роз на стульях

и кушетках. Золотой волан венчал высокие окна, а золотой орнамент обрамлял камин. В гостиной висел мамин портрет. «Я не потерплю беспорядка в моей чудесной комнате», — говаривала мама, и нас с Констанцией туда вообще не пускали, а теперь у нас тут все сияет и блестит.

Мама всегда накрывала чай своим гостям на низеньком столике возле камина, теперь здесь устраивалась Констанция. Она садилась на розовый диван под портретом мамы, а я — в угол, на стульчик. Мне доверяли разносить чашки и блюдца, подавать бутерброды и пирожные, но чай она наливала сама. Я пила чай потом, на кухне: никогда не ем, если кто-то смотрит. В тот день, когда Хелен Кларк пришла на чай в самый последний раз, Констанция накрыла на стол как обычно: красивые тонкие розовые чашки — мама тоже их предпочитала — и два серебряных блюда: на одном бутерброды, на другом пирожные с ромом; еще два таких пирожных ждали меня на кухне — вдруг Хелен Кларк все съест. Констанция сидела на диване очень спокойно, сложив руки на коленях. Я стояла у окна и поджидала Хелен Кларк — она никогда не опаздывала.

— Тебе не страшно? — спросила я Констанцию, и она ответила:

— Нет, ничуть. — Да и не глядя, просто по голосу, я чувствовала, что она и вправду спокойна.

* * *

Машина показалась из-за поворота, и я увидела в ней двоих!

— Констанция, она еще кого-то привезла!

Констанция на мгновение замерла, а потом твердо сказала:

— Ничего, все обойдется!

Я обернулась: она была по-прежнему спокойна.

— Я их прогоню, — сказала я. — Пускай впредь думает.

— Не волнуйся. Вот увидишь, все обойдется.

— Я не дам им тебя пугать.

— Рано или поздно, — сказала она, — мне придется сделать первый шаг.

Я похолодела.

— Но я их все-таки прогоню.

— Нет. Ни в коем случае.

Машина остановилась возле дома, и я пошла в прихожую распахнуть

двери; отперла я их загодя, поскольку делать это перед носом у гостей — дурной тон. Я вышла на крыльцо и поняла, что все не столь ужасно: Хелен Кларк привезла не чужака, а миссис Райт; она уже раз приезжала — маленькая и сама напуганная больше всех. Для Констанции это не такое уж испытание, но все же Хелен Кларк могла бы меня предупредить.

— Здравствуй, Мари Кларисса. — Хелен Кларк вышла из машины и направилась к открытой веранде перед домом. — Чудесный весенний день сегодня, правда? А как поживает дорогая Констанция? Я вам привезла Люсиль.

Думает, ей все с рук сойдет, точно к Констанции, что ни день, приезжают полужнакомые люди. До чего же неохота ей улыбаться!

— Ты же помнишь Люсиль Райт? — спросила она, а бедняжка миссис Райт пропищала, что ей безумно хотелось повидать нас снова. Я распахнула парадные двери, и они вошли. Плащей на них не было — день и вправду выдался теплым, — но у Хелен Кларк хватило ума задержаться в прихожей: «Скажи дорогой Констанции, что мы уже здесь». Она давала мне время подготовить Констанцию к приходу миссис Райт; я проскользнула в гостиную, где тихо ждала Констанция, и сказала:

— С ней миссис Райт — та, напуганная.

Констанция улыбнулась:

— Да, слабовато для первого шага. Все будет прекрасно, Маркиска.

В прихожей Хелен Кларк нахваливала нашу лестницу: рассказывала миссис Райт слышанную-переслышанную историю о точеных перилах и балясинах, которые делали в Италии на заказ; бросив на меня мимолетный взгляд, она сказала:

— Ваша лестница — одна из достопримечательностей округа, Мари Кларисса. Разве можно скрывать от людей такое чудо? Пойдем, Люсиль. — И они вошли в гостиную.

Констанция была предельно собрана. Она поднялась им навстречу, улыбнулась и сказала, что рада их видеть. Хелен Кларк отродясь была неуклюжей, войти и сесть оказалось для нее столь сложно, что она всех вовлекла в причудливый суетливый хоровод: едва Констанция договорила, Хелен Кларк толкнула миссис Райт, та боком отлетела в дальний угол гостиной, точно крокетный шар, и плюхнулась там — совершенно не намеренно — на крошечный, неудобный стул. А Хелен Кларк направилась к дивану Констанции, чуть не опрокинув чайный столик; в комнате полно стульев и еще один диван, но она уселась вплотную к Констанции, которая не выносила рядом никого, кроме меня. Развалившись на диване, Хелен Кларк сказала:

— Как приятно снова видеть тебя.

— И мне так приятно быть вашей гостьей, — восторженно воскликнула миссис Райт. — А лестница у вас — просто чудо.

— Хорошо выглядишь, Констанция. В саду работала?

— Да как тут дома усидишь — хороший день выдался, — засмеялась Констанция. Держалась она прекрасно. — Такое счастье — на грядках копаться, — обратилась она к миссис Райт. — А вы случайно не любите садовничать? Первые весенние дни — счастье для садовода.

Она говорила слишком много и слишком быстро, но, кроме меня, никто этого не замечал.

— Я люблю сад, — воодушевилась миссис Райт. — Очень люблю.

— А как Джулиан? — перебила ее Хелен Кларк. — Как старик Джулиан?

— Спасибо, прекрасно. Хочет сегодня пить с нами чай.

— Ты знакома с Джулианом Блеквудом? — обратилась Хелен Кларк к миссис Райт, та замотала головой и поспешно сказала:

— Я так буду рада с ним познакомиться, я так наслышана... — и умолкла.

— Он слегка... эксцентричен, — произнесла Хелен Кларк и со значением улыбнулась Констанции, точно выдала семейную тайну. По словарю «эксцентричный» означает «странный, отличающийся от нормального»; в таком случае Хелен Кларк куда эксцентричнее дяди Джулиана — такая неуклюжая, непредсказуемая и к чаю приводит кого попало; а дядя Джулиан живет себе поживает, тишь да гладь — и никаких неожиданностей. Так что пусть Хелен Кларк не обзывается — никакой он не эксцентричный, — я вспомнила, что обещала быть добрей к дяде Джулиану.

— Констанция, ты всегда была одной из моих ближайших подруг, — говорила тем временем Хелен Кларк; вот чудачка, неужели не видит, как Констанция подобралась, сжалась от ее слов? — И я хочу дать тебе один совет — помни, это дружеский совет.

У меня даже сердце захолонуло, я поняла, что она скажет, сегодняшний день неуклонно, неумолимо катится к чему-то ужасному. Я сидела на стульчике и пристально глядела на Констанцию: ну пусть, пусть она вскочит и убежит, пусть не слушает, что сейчас скажет Хелен Кларк, но та продолжала:

— Сейчас весна, ты молода, прекрасна, ты имеешь право на счастье. Пора вернуться к людям.

Услышь Констанция эти слова какой-нибудь месяц назад, зимой, она

бы отшатнулась и убежала, но теперь слушала и улыбалась, хоть и качала головой.

— Хватит затворничать и каяться, — продолжала Хелен Кларк.

— Я бы очень хотела собрать друзей на скромный обед... — начала миссис Райт.

— Ты забыла молоко, пойду принесу. — Обращаясь исключительно к Констанции, я встала. Она удивленно обернулась.

— Спасибо, моя хорошая.

Я вышла из гостиной и отправилась на кухню. Еще утром там было солнечно и радостно, а теперь — мрачно и уныло. Констанция избегала людей столько лет и вдруг ведет себя так, словно и вправду собирается к ним выйти. И речь об этом заходит сегодня уже в третий раз; целых три раза — значит, всерьез! Я не могла дышать, тело будто стянуто проволокой, а голова — огромный шар и вот-вот лопнет; я подскочила к задней двери и высунулась на улицу — глотнуть свежего воздуха. Хотелось побежать: вот добегу до ограды и обратно — и станет легче; но нет — Констанция одна с ними в гостиной, надо спешить. Все же я разрядилась — хлопнула об пол молочник, за которым пришла, мамин молочник, — а осколки оставила: пусть Констанция полюбуется. Потом взяла другой молочник, похуже и не в цвет чашкам; молоко наливать мне разрешалось — я налила до краев и понесла в гостиную.

— ...делать с Мари Клариссой, — говорила Констанция, она улыбнулась, когда я вошла. — Спасибо, дорогая, — она бросила взгляд на молочник и снова на меня. — Спасибо, — повторила она, и я поставила молочник на поднос.

— Понемножку для начала, — сказала Хелен Кларк. — Конечно, все удивятся, будьте уверены, но раз-другой навестить старых друзей можно, да и в город за покупками съездить — уж в городе тебя никто не узнает.

— И ко мне на скромный обед, — с надеждой подсказала миссис Райт.

— Я подумаю, — Констанция засмеялась, точно сама себе удивлялась, а Хелен Кларк довольно кивнула.

— И надо обновить гардероб, — сказала она.

Я вышла из своего угла, взяла у Констанции чашку и отнесла миссис Райт; та приняла чашку дрожащей рукой.

— Благодарю, дорогая. — Чай подрагивал в чашке: немудрено, миссис Райт у нас всего-то второй раз.

— Сахару? — предложила я. Просто не смогла удержаться, да и положено спросить — из вежливости.

— Ах нет, — сказала она. — Нет, спасибо. Не надо сахару.

Ни я, ни Констанция черного не носили, а миссис Райт, очевидно, решила, что к нам подобает ездить в черном: на ней было скромное черное платье и нитка жемчуга. Прошлый раз она, помнится, тоже была в черном — одета всегда со вкусом, но здесь, в маминой гостиной, вкусы иные. Вернувшись к Констанции, я взяла блюдо с ромовыми пирожными и отнесла его миссис Райт; с моей стороны это тоже было дурно — сперва надо предлагать бутерброды, — но мне хотелось досадить ей: нечего приходить в трауре в мамину гостиную.

— Сестра испекла пирожные сегодня утром, — сказала я.

— Благодарю. — Робкой рукой она потянулась к блюду, взяла пирожное и аккуратно положила на край блюда. Ну хоть плачь, до чего вежлива! И я сказала:

— Возьмите два. Моя сестра изумительно готовит.

— Ах нет, — сказала миссис Райт. — Нет-нет, большое спасибо.

Хелен Кларк один за другим уплетала бутерброды, причем тянулась за ними через чашку Констанции. Нигде больше она не позволит себе такого нахальства — только у нас. Ей наплевать, что думаем мы с Констанцией о ее манерах, она считает, что мы безумно счастливы ее видеть. «Уходи, — мысленно приказала я. — Уходи, уходи». У нее, наверно, для визитов к нам есть особые наряды. Представляю, как она перебирает свои вещи и говорит: «Не стану выбрасывать это платье, в нем можно ездить к дорогой Констанции». Я мысленно принялась облачать Хелен Кларк: сначала одела в купальник — зимой, на заснеженном пляже; потом посадила высоко на дерево в тоненьком легком платьице с розовыми оборочками — они цеплялись за ветки и рвались, рвались; наконец она совсем застряла в сучьях и заверещала — я едва не рассмеялась вслух.

— Да и к себе можешь гостей пригласить, — говорила Констанция Хелен Кларк. — Лишь старых друзей для начала, хотя многие желали бы общаться с тобой; ну, дорогая, — несколько старых друзей, как-нибудь вечером. Или к обеду? Нет, пожалуй, к обеду для начала не надо. Рановато пока.

— Я и сама... — начала было опять миссис Райт; чашка с чаем и блюдо с пирожным аккуратно стояли на столике подле нее.

— Впрочем, почему бы и не к обеду? — задумалась Хелен Кларк. — В конце концов, надо решиться.

Вот сейчас я тоже скажу. Констанция на меня не смотрит — только на Хелен Кларк.

— Почему бы не пригласить наших добрых селян? — спросила я громко.

— Боже милостивый, Мари Кларисса, — сказала Хелен Кларк. — Ты меня напугала. — Она засмеялась. — Не припомню, чтобы Блеквуды знали с жителями поселка.

— Они нас ненавидят, — сказала я.

— Я их сплетен не слушаю, и ты, надеюсь, тоже. И ты, Мари Кларисса, знаешь не хуже меня, что эту ненависть ты просто придумала; будь сама приветливей — никто и слова дурного про тебя не скажет. Разумеется, когда-то давно, может, и недолюбливали, но ты сделала из мухи слона.

— Люди всегда сплетничают, это в крови, — примиряюще сказала миссис Райт.

— Я всем всегда говорю, что дружу с Блеквудами и ни капельки этого не стыжусь. А тебе, Констанция, надо общаться с людьми своего круга. Они друг о друге не сплетничают.

До чего же они занудные — Констанция, по-моему, изрядно устала. Пускай уходят, а я сяду расчесывать Констанции волосы, и она заснет.

— Дядя Джулиан! — Я услышала тихий шорох кресла-каталки и вскочила открыть дверь.

Хелен Кларк сказала:

— Неужели ты думаешь, что люди побоятся сюда прийти?

Дядя Джулиан остановился на пороге. Ради общества он надел свой самый модный галстук и долго умывался — до румянца на щеках.

— Побоятся? — переспросил он. — Сюда прийти?

Он поклонился: сперва миссис Райт, потом Хелен Кларк.

— Приветствую вас, мадам, — произнес он. — Приветствую вас, мадам. — Он, я знала, не помнил ни единого имени, не помнил даже, видел ли эти лица прежде.

— Вы хорошо выглядите, Джулиан, — сказала Хелен Кларк.

— Побоятся прийти сюда? Прошу прощения, что повторяю ваши слова, мадам, но я потрясен. Обвинение в убийстве с моей племянницы снято. Теперь сюда можно приходиться совершенно безбоязненно.

Миссис Райт дернулась было к своей чашке, но потом сложила руки на коленях.

— А угроза, скажу я вам, существует везде, — продолжал дядя Джулиан. — Я имею в виду угрозу отравления. Моя племянница может поведать вам о самых неожиданных опасностях: о садовых цветах, которые страшнее ядовитых змей, о простейших травах, которые полосуют ваши внутренности, словно нож. О, мадам, моя племянница может...

— У вас чудесный сад, — проникновенно обратилась миссис Райт к

Констанции. — Вы просто кудесница.

Хелен Кларк твердо сказала:

— Джулиан, все давно забыто. Никто об этом и не вспоминает.

— А жаль, — отозвался дядя Джулиан. — Есть что вспомнить, это одна из величайших тайн нашего времени. Моего, во всяком случае. Я ее расследую, это труд всей моей жизни, — сообщил он миссис Райт.

— Джулиан, — поспешно перебила Хелен Кларк; миссис Райт слушала как замороженная. — Джулиан, вам изменяет такт и вкус.

— Вкус, мадам? А вы пробовали на вкус мышьяк? По опыту знаю: поначалу разум напрочь отказывается верить, и лишь потом осознаешь...

Еще минуту назад бедняжка миссис Райт скорее откусила бы себе язык, чем заговорила об этом, но теперь, едва дыша, спросила:

— Неужели вы все помните?

— Помню. — Дядя Джулиан вздохнул и радостно закивал. — Возможно, — с готовностью предположил он, — вам эта история неизвестна? Так я...

— Джулиан, — сказала Хелен Кларк. — Люсиль и слушать вас не желает. Как не стыдно такое предлагать!

Миссис Райт очень даже желала слушать; мы с Констанцией переглянулись, готовые поддержать серьезный разговор, хотя в душе веселились вовсю. Дяде Джулиану повезло: выпал случай поразглагольствовать, ведь он всегда так одинок.

А для бедной, бедной миссис Райт искушение оказалось слишком велико — она уже едва сдерживалась. Сидела, густо покраснев и никак не решаясь спросить; но дядя Джулиан был искусителем, и вечно сопротивляться благонравная миссис Райт не могла.

— Все случилось в этом самом доме, — произнесла она как заклинание.

Никто не сказал ни слова, все вежливо слушали, и она прошептала:

— Простите меня, простите.

— Ну, конечно, в этом доме, — сказала Констанция. — В столовой. Мы ужинали.

— Вечером семья собралась к ужину. — Дядя Джулиан смаковал каждое слово. — Никто и помыслить не мог, что это последний ужин.

— Мышьяк в сахаре, — вымолвила миссис Райт, безнадежно поправ все правила хорошего тона.

— Этот сахар ел и я, — дядя Джулиан погрозил ей пальцем. — Я ел его с ежевикой. К счастью, — тут он благостно улыбнулся, — вмешалась судьба. Увы, иных из нас она в тот день неумолимо увела в мир иной. Они,

безвинные, ничего не подозревавшие, сделали этот невольный шаг и ушли в небытие. Зато другие съели очень мало сахара.

— Я вообще ягод не ем, — сказала Констанция. И посмотрела миссис Райт прямо в глаза. — Да и сахар ем очень редко. Даже теперь.

— На суде это была одна из улик, — сказал дядя Джулиан. — Что она не ест сахар. А ягод моя племянница никогда не любила. Еще ребенком обыкновенно от ягод отказывалась.

— Ну пожалуйста, прекратите, — громко сказала Хелен Кларк. — Это же ужасно, это ни на что не похоже, я не могу это слушать. Констанция... Джулиан... что подумает Люсиль?!

— Да что вы, Хелен, право, — миссис Райт замахала ручками.

— Еще одно слово — и я ухожу. Констанции пора подумать о будущем, копаться в прошлом вредно для здоровья; она, бедная девочка, и так настрадалась.

— Конечно, мне их всех очень недостает, — сказала Констанция. — С тех пор и жизнь совсем другая, но я вовсе не считаю, что я настрадалась.

— В каком-то смысле мне несказанно повезло. — Дядю Джулиана несло на всех парусах. — Я единственный выжил после величайшего отравления века. У меня хранятся все газетные вырезки. Я был знаком и с жертвами, и с обвиняемой — близко знаком, так хорошо узнаешь людей, лишь живя с ними в одном доме и находясь в тесном родстве. У меня записано все до мельчайших подробностей. Но я с тех пор неважно себя чувствую.

— Я же сказала, что не буду вас слушать, — перебила Хелен Кларк.

Дядя Джулиан замолчал. Взглянул на Хелен Кларк, потом на Констанцию.

— Что, разве не было этого? — спросил он мгновение спустя и потянул пальцы в рот.

— Ну конечно было, — Констанция улыбнулась ему.

— Я храню газетные вырезки, — неуверенно произнес дядя Джулиан. — И мои записи, — он обращался к Хелен Кларк. — Я все записал.

— Ужасная трагедия, — миссис Райт трепетно потянулась к дяде Джулиану.

— Страшная, — согласился он. — Жуткая, мадам. — Он развернул кресло, чтобы оказаться спиной к Хелен Кларк. — Хотите посмотреть столовую? — спросил он у миссис Райт. — Роковой стол? Я, как вы понимаете, в суде не свидетельствовал, здоровье ни тогда, ни сейчас не позволяет подвергаться грубым расспросам посторонних. — Он слегка

кивнул на Хелен Кларк. — А мне ох как хотелось дать показания. Тешу себя надеждой, что в грязь лицом не ударил бы. Ну а Констанцию, само собой, оправдали.

— Разумеется, оправдали, — с нажимом сказала Хелен Кларк. Она потянулась за своей огромной, точно мешок, дамской сумкой и, положив ее на колени, принялась искать в ней перчатки. — И все уже давно забыли об этом. — Она значительно взглянула на миссис Райт и собралась встать.

— А столовую... — робко сказала миссис Райт. — Хоть одним глазком...

— Прошу, мадам. — Дядя Джулиан поклонился из кресла-каталки, и миссис Райт поспешно распахнула перед ним дверь. — Прямо, через прихожую. — Миссис Райт последовала за ним. — Меня восхищает в женщине здоровое любопытство, я сразу понял, мадам, что вы стораετε от желания увидеть место, где разыгралась трагедия; это произошло именно здесь, и именно здесь мы ужинаем и по сей день.

Голос дяди Джулиана доносился отчетливо; он, по-видимому, кружил по столовой, а миссис Райт глядела с порога.

— Вы, очевидно, изволили заметить: стол у нас круглый. Сейчас он слишком велик — от некогда большой семьи почти никого не осталось, но нам не хочется здесь ничего менять, ведь это своего рода памятник; когда-то за фотографию этой столовой любая газета отвалила бы хороший куш. Семья была большая, как вы помните, и дружная. Порой, конечно, не ладили — никто из нас не отличался спокойным нравом, — порой даже ссорились. Но это мелочи, так повздорят муж с женой или брат с сестрой: у каждого свой взгляд на мир.

— Тогда почему она...

— Вот именно, — сказал дядя Джулиан. — Загадка, да и только... Мой брат, будучи главой семьи, сидел, естественно, во главе стола — вон там, спиной к окнам, возле графина. Джон Блеквуд гордился своим столом, своей семьей, своим местом в жизни.

— Люсиль его даже не видела никогда, — ревниво сказала Хелен Кларк и бросила на Констанцию злобный взгляд. — А я помню твоего отца преотлично.

«Лица быстро стираются из памяти, — думала я. — Интересно, встречу я миссис Райт в поселке — я ее узнаю? Да и она, как знать, не пройдет ли мимо, глядя сквозь меня? Или она по робости вообще ни на кого не смотрит?» К чаю и ромовому пирожному она так и не притронулась.

— Я была близкой подругой твоей матери, Констанция. Поэтому

считаю себя вправе говорить с тобой — для твоего же блага. Твоя мать наверняка...

— ...моя невестка, дама весьма благородная. Вы, вероятно, заметили в гостиной ее портрет: изысканный овал лица, тончайшая кожа. Женщина, самой судьбой предназначенная для трагедии, хотя, пожалуй, слегка глуповатая. Справа от нее за столом сидел я, тогда помоложе и поздоровее. Беспомощным калекой я стал как раз в тот вечер. Напротив меня — мальчик, Томас; разве вы не знали — у меня был племянник, сын брата. Ну, разумеется, вы читали. Было ему десять лет, и уродился он своенравным — весь в отца.

— Он съел сахару больше всех, — сказала миссис Райт.

— Увы, — вздохнул дядя Джулиан. — Затем, возле брата с одной стороны его дочь Констанция, с другой — моя жена Дороти, оказавшая мне некогда честь, связав свою жизнь с моей, хотя она вряд ли предвидела такие испытания, как ежевика с мышьяком. А моей племянницы Мари Клариссы за столом не было.

— Она была в своей комнате, — подсказала миссис Райт.

— Взрослая девица двенадцати лет, но ее отослали спать без ужина. Впрочем, речь совершенно не о ней.

Я засмеялась, а Констанция пояснила Хелен Кларк:

— Маркиса вечно впадала в немилость. Я частенько носила ей подносы с едой по задней лестнице, когда отец уходил из столовой. Она была несносным, непослушным ребенком, — и Констанция мне улыбнулась.

— А все неправильное воспитание, — сказала Хелен Кларк. — Разумеется, за непослушание надо наказывать, но ребенок всегда должен чувствовать любовь окружающих. А детских проказ я тоже не терплю. Но теперь нам действительно пора... — она снова принялась натягивать перчатки.

— ... ножка молодого барашка с мятным соусом, Констанция сама выращивает мяту. Молодая картошка, зеленая фасоль, салат — все с огорода Констанции. Я отчетливо помню, мадам. Мои излюбленные блюда. У меня все подробнейшим образом записано: и про ужин, и про весь день, с начала до конца. И все улики узлом завязываются вокруг моей племянницы. Было начало лета, вовсю пошли ранние овощи — год-то выдался прекрасный; у нас с тех пор и лета такого ни разу не было — или мне, старику, так кажется? Констанция всегда баловала нас разнообразными деликатесами, только у нее такое отведаешь — я, разумеется, не имею в виду мышьяк.

— Но главным блюдом на столе оказалась ежевика, — миссис Райт слегка охрипла от волнения.

— Вы смотрите прямо в корень, мадам! Как точно, как безошибочно вы рассуждаете. И конечно, спросите сейчас: зачем же ей понадобился мышьяк? Моя племянница не способна на такую изощренность, и защитник, к счастью, это подметил на суде. Констанция могла бы получить бесчисленное множество смертоносных веществ из собственного сада: например, подать к столу соус с пятнистым болиголовом — это такой цветочек, похож на петрушку, съешь, и наступает мгновенный паралич и смерть. Могла бы попотчевать нас повидлом из ароматного дурмана или из красноплодного воронца. Или нарезать в салат *Holcus lanatus*, его еще называют бархатной травой, — с высоким содержанием синильной кислоты. О, мадам, у меня записано абсолютно все. Сонная одурь — родственник помидора, неужели хоть одному из нас пришлось бы в голову отказаться, вздумай Констанция замариновать ее со специями? Да одни грибы чего стоят? Скольких они уже увели в мир иной — ядом и обманом! А мы все очень любим грибы, моя племянница готовит восхитительный омлет с грибами, вы должны непременно попробовать, мадам, словами этот вкус не опишешь; а бледная поганка очень...

— Но как же ей доверяли готовить?! — возмутилась миссис Райт.

— В том-то и дело, мадам. Никто бы и не доверил, если бы в ее намерения входило погубить нас всех с помощью яда; мы были бы чудовищно слепы и безмятежны, доверив ей нашу жизнь. Но с нее сняты все подозрения. Не только в совершении действия, то есть убийства, но и в самом намерении.

— А почему же миссис Блеквуд не готовила сама?

— Увольте. — Голос дяди Джулиана дрогнул, и я, хоть и не видела, явственно представила его жест: он поднял руку к лицу и улыбнулся сквозь растопыренные пальцы — это был самый изысканный его жест. Он так иногда разговаривал с Констанцией. — Предпочитаю жить под угрозой мышьяка.

— Нам пора домой, — произнесла Хелен Кларк. — И что это на Люсиль нашло, не представляю. Я же предупредила ее: на эту тему — ни слова.

— В этом году я разведу землянику, — сказала мне Констанция. — В дальнем углу сада растет дикая — видимо-невидимо.

— ...так бестактно с ее стороны, к тому же она меня задерживает.

— ...сахарница на серванте, тяжелая, серебряная сахарница. Это семейная реликвия, брат ею чрезвычайно дорожил. Вам, должно быть,

интересно, что с ней? Пользуются ли ею до сих пор? Вам наверняка интересно, отмыли ее или нет. Дочиста или нет. Спешу вас успокоить. Моя племянница Констанция вымыла ее еще до прихода врача и полиции. Неподходящее, по-вашему, время мыть сахарницу? Совершенно согласен. Прочая обеденная посуда еще стояла на столе, а сахарницу племянница отнесла на кухню, сахар высыпала, а сахарницу выскоблила и окатила кипятком. Необъяснимый поступок.

— Там был паук, — прошептала Констанция, глядя на чайник. Сахар мы теперь брали кусковой — из маленькой сахарницы с розочками.

— ...она утверждала, что там был паук. Так и объяснила полиции. Поэтому она вымыла сахарницу.

— Могла бы придумать отговорку получше, — сказала миссис Райт. — Будь там действительно паук — его же просто вынимают, ну не мыть же из-за этого всю сахарницу!

— Ну-с, мадам, что бы вы придумали?

— Но я в жизни никого не убивала, я не знаю, то есть я не знаю, что бы я придумала. Да первое, что в голову придет. А она, по-моему, была просто не в себе.

— Могу вас уверить, мышьяк вызывает адскую боль. Говорите, не пробовали? Это невкусно. Мне их всех очень и очень жаль. Я и сам страдал и мучился несколько дней, Констанция бы мне, конечно, посочувствовала, но к этому времени она — увы! — была уже далеко. Ее немедленно арестовали.

Голос миссис Райт зазвучал напористой, словно что-то извне подстегивало ее любопытство:

— Я всегда мечтала, как только мы переехали, мечтала познакомиться с вами и выяснить, что же случилось на самом деле, ведь вопрос, главный вопрос, так и остался без ответа; конечно, я не ожидала, что мы затронем эту тему, но коли так, послушайте... — В столовой передвинули стул: миссис Райт явно обосновалась надолго. — Во-первых, мышьяк она купила сама...

— Травить крыс, — подсказала Констанция чайнику и, обернувшись, улыбнулась мне.

— Травить крыс, — произнес дядя Джулиан. — Мышьяк еще применяется при изготовлении чучел, тоже безобидное занятие, но моей племяннице не удалось бы высказать конкретных знаний в этой области.

— Затем. Она готовила ужин и накрывала на стол, — продолжала миссис Райт.

— Признаюсь, Люсиль меня удивляет, — сказала Хелен Кларк. — С

виду такая тихоня.

— ... они умирали вокруг нее, дохли, простите, как мухи, а она даже врача не сразу вызвала. Она мыла сахарницу! А потом уже было слишком поздно.

— Там был паук, — сказала Констанция.

— ... и она сказала полиции, что эти люди недостойны жить!

— Она была чересчур взволнована, мадам. И облекла мысль в неточную форму. В ту минуту она полагала, что и я среди обреченных, но моя племянница не жесткосердна; я, вероятно, тоже достоин жить — кто из нас праведен? — все же, думается мне, не стала бы она выносить такой приговор.

— Она сказала полиции, что сама во всем виновата.

— А вот в этом ее ошибка. Конечно, она подумала, что дело в ее стряпне, но слишком поспешила взять вину на себя. Я бы ей отсоветовал, спроси она меня вовремя. Весьма похоже на попытку разжалобить.

— Но главный-то вопрос — ведь он так и остался без ответа! Почему? Почему она это сделала? Ведь не маньяк же она, в самом деле...

— Но вы-то ее видели, мадам.

— Простите, что?! Ох, Боже, конечно видела. Совсем забыла. Такая прелестная девушка и... нет, это несовместимо. Но у человека, погубившего столько жизней, должна быть причина, мистер Блеквуд. Пусть даже садистская, извращенная... Ах, бедная девочка. Такая милая, уж и не помню, чтоб мне кто так сразу понравился. И если она и впрямь маньяк-убийца?

— Я уйду! — Хелен Кларк встала и решительно сунула сумку под мышку. — Люсиль, я уйду! Мы и так вышли за рамки всякого приличия, уже шестой час.

Миссис Райт ошалело выскочила из столовой.

— Простите, ради Бога, — сказала она. — Мы заболтались, и я забыла о времени. О Боже. — И она бросилась к своему стулу за сумочкой.

— Вы даже к чаю не притронулись, — сказала я: очень уж хотелось, чтоб она покраснела.

— Спасибо, — она взглянула на свою чашку и покраснела. — Все исключительно вкусно.

Дядя Джулиан остановил каталку посреди комнаты и смиренно сложил руки на груди. Он посмотрел на Констанцию, а потом перевел скромный и глубокомысленный взгляд на потолок.

— До свидания, Джулиан, — отрезала Хелен Кларк. — Констанция, извини, мы непростительно засиделись. Идем, Люсиль.

Миссис Райт вела себя, точно провинившаяся девочка; однако не забывала и о хороших манерах:

— Спасибо. — Она было протянула Констанции руку, но тут же отдернула. — Я чудесно провела время. До свидания, — сказала она дяде Джулиану.

Они вышли в прихожую, я за ними: запереть парадные двери. Хелен Кларк нажала на газ, едва бедняжка миссис Райт уселась, она даже не успела захлопнуть дверцу; я услышала только ее вскрик, и машина понеслась по аллее. Я засмеялась, вернулась в гостиную и поцеловала Констанцию.

— Чудесное чаепитие, — сказала я.

— Какая несносная женщина! — Констанция откинула голову на диванную спинку и расхохоталась. — Невоспитанная, манерная, тупая. И чего она к нам ездит?

— Хочет тебя перевоспитать. — Я поставила чашку и ромовое пирожное миссис Райт обратно на поднос. — Бедняжка миссис Райт, — вздохнула я.

— А ведь ты дразнила ее, Маркиса.

— Только чуть-чуть. Терпеть не могу напуганных, сразу хочется напугать еще больше.

— Констанция, — дядя Джулиан развернул к ней кресло. — Как я выступил?

— Великолепно, дядя Джулиан. — Констанция подошла и легонько погладила старика по голове. — И отлично обошелся без записей.

— Но ведь это и правда было? — спросил он.

— Ну, конечно было. Я сейчас отвезу тебя в комнату, и ты посмотришь газетные вырезки.

— Нет, лучше потом. День выдался превосходный, но я, пожалуй, слегка устал. Отдохну до ужина.

Констанция повезла каталку через прихожую, а я пошла с подносом на кухню. Грязную посуду мне разрешалось относить, но не мыть, и я поставила поднос на стол. Потом Констанция переставила все в раковину — помоем позже, — смела осколки молочника и вынула картошку — почистить к ужину. А я все глядела на нее и наконец спросила, заранее сжавшись от страха:

— Ты сделаешь, как она сказала? Как советовала Хелен Кларк?

Она не стала притворяться, будто не понимает. Посмотрела на свои проворные руки и слабо улыбнулась:

— Не знаю.

Перемены назревали, но знала о них только я. Возможно, и Констанция что-то предчувствовала: она останавливалась порой среди сада и смотрела вдаль — не на грядки, не на дом, а вдаль — за деревья у ограды или на аллею; смотрела долго и удивленно, точно пыталась представить себя, идущую по аллее к воротам. А я за ней наблюдала. В субботу утром, после чаепития с Хелен Кларк, Констанция взглянула на аллею трижды. Дяде Джулиану в то утро нездоровилось — устал, принимая накануне гостей, — и он остался в кровати, в теплой комнатухе возле кухни; время от времени он выглядывал в окно у изголовья и окликал Констанцию: напомнить о себе. Даже Иона точно с цепи сорвался (грозу торопит, говорила мама), он шарахался и беспокойно спал все дни, пока назревали перемены. Очнется вдруг от глубокого сна, вскинет голову, будто прислушиваясь, потом вскочит разом на все четыре лапы и — рванет вверх по лестнице, по всем комнатам и кроватям, и снова — пулей вниз, вокруг стола в столовой, через стулья, потом на кухню и — в сад; там пойдет вдруг плавно, лениво-неспешно и даже остановится: лизнет лапку, почешет за ушком и полюбуется на чудесный день. И по ночам мы слышали, как он бегаёт, чувствовали, как скачет по кроватям, по нашим ногам: он «торопил грозу».

Все вокруг предвещало перемены. В субботу утром они велят мне вставать; в тот же миг проснулась и вспомнила — *они* умерли, а Констанция всегда даёт мне поспать вволю. Я оделась и спустилась на кухню, Констанция уже ждала с завтраком.

— Мне показалось, что *они* меня будят, — сказала я.

— Давай-ка, ешь быстрее, — сказала Констанция. — Погода опять прекрасная.

В погожие дни, даже если я не шла в поселок, дел хватало. По средам я обходила ограду. Хотелось удостовериться, что проволока нигде не порвана и ворота заперты накрепко. Проволоку я подтягивала и чинила сама, работала с радостью; еще неделю, до следующей среды, мы проживем в безопасности.

По воскресеньям с утра я проверяла охранные сокровища: шкатулку с серебряными монетами, закопанную у протоки; куклу, захороненную на длинной поляне; книжку, прибитую в сосновой роще, — пока они на месте, с нами ничего дурного не случится. Вещи я любила закапывать еще с

детства; однажды, помнится, поделила длинную поляну на квадраты, в каждом что-то похоронила и загадала: пусть трава растет вместе со мной, чтобы я и впредь могла тут прятаться. А в другой раз я бросила на дно протоки шесть голубых стеклянных шариков и загадала: пусть вода в землю уйдет. «На-ка тебе еще сокровище, закопай», — говорила мне в детстве Констанция и давала монету или яркую ленточку; я похоронила, один за другим, все свои молочные зубы, и когда-нибудь из них прорастут драконы. Наши земли были обильно удобрены моими сокровищами, совсем близко от поверхности таились залежи стеклянных шариков, моих молочных зубов и разноцветных камешков — может, они уже превратились в драгоценные? — все они сплетались под землей в прочную магическую сеть, она крепка, она охранит нас и убережет.

По вторникам и пятницам я ходила в поселок, а в четверг, в день моего наивысшего могущества, залезала на большой чердак и наряжалась в их одежды.

По понедельникам мы с Констанцией прибирали, обходили все комнаты со швабрами и тряпками, протирали и бережно ставили обратно мелкие вещицы, следили, чтобы мамин черепаховый гребень из туалетного прибора оставался точно на прежнем месте. Каждую весну мы драили и чистили весь дом, а по понедельникам просто прибирали; в их комнатах пыли скапливалось мало, но и эту малость мы сметали неумолимо. Иногда Констанция порывалась убрать у дяди Джулиана, но он не терпел, чтобы его беспокоили, и поддерживал порядок сам; Констанция довольствовалась немногим — перестилала постель и мыла стаканчики для лекарств. Мне туда входить не разрешалось.

С утра по субботам я помогала Констанции. Ножей мне в руки не давали, но садовый инвентарь я начищала до блеска; носила ящики с рассадой и овощи, которые Констанция собирала, чтобы солить и мариновать. Подпол в нашем доме забит припасами. Все женщины из семьи Блеквудов непременно преумножали это несметное количество еды. В подполе стоят банки с выцветшими, едва различимыми надписями: повидло, сваренное еще нашими прабабками; есть тут соленья и маринады — их готовили бабушкины сестры; стоят тут банки с овощами — их водрузила на полки сама бабушка; даже мама оставила о себе память шестью банками яблочного повидла. Констанция всю жизнь, не покладая рук, множила эти богатства; ее банки и баночки стоят ровными, стройными рядами, и, разумеется, они тут самые красивые и сияют новизной. «Ты хоронишь еду, как я — сокровища», — говорила я иногда; однажды она ответила: «Еду родит земля, но оставлять ее в земле нельзя — она сгниет, с

ней непременно надо что-то делать». Все женщины в семье Блеквудов брали еду из земли и умели ее сохранять; подпол со стоящими бок о бок вареньями и соленьями, банками и бутылками сочных цветов — темно-бордового, янтарного, густо-зеленого, — которые навеки останутся здесь, в этом подполе, — рукотворная поэзия, творенье блеквудских женщин. Мы брали только варенье, соленья и маринады, сделанные Констанцией, старых заготовок не трогали: Констанция сказала, что мы непременно умрем, если съедим хоть что-то.

В то субботнее утро я мазала на гренок абрикосовый джем и представляла, как Констанция когда-то готовила этот джем, чтобы я ела его в одно прекрасное утро; готовила и не знала, что грядут перемены — не успеем мы и джем доест, как все переменится.

— Маркиса, ленивица, хватит мечтать с бутербродом в руках, ты мне сегодня нужна на огороде.

Она готовила поднос с едой для дяди Джулиана: наливала молоко в кувшинчик, расписанный желтыми маргаритками, подравнивала гренок — чтоб вышел маленьким, аккуратным: дядя Джулиан даже не притрагивался к пище, если куски казались ему чересчур большими или неудобными для еды. Завтракал он обычно в комнате: ночами его мучили боли, порой он просто лежал в темноте без сна, дожидаясь рассвета и Констанции с подносом; само ее присутствие приносило ему облечение. Иногда ночью, когда сердце болело особенно сильно, он принимал одной таблеткой больше и тогда все утро додремывал — сонливый и вялый, — не желал даже горячего молока, требовал только, чтобы Констанция возилась на кухне рядом с его спальней или в саду — тогда он видел ее из окна. Если он просыпался бодрым и веселым, Констанция вывозила его завтракать на кухню; он устраивался за старым письменным столом и сразу погружался в свои записи, роняя на них крошки. «Если судьба пощадит меня, — говорил он Констанции, — я сам напишу эту книгу. Если нет, проследи, чтобы мои бумаги попали в достойные руки, к цинику; пусть книгу напишет человек, которого не заботит истина».

Я собиралась быть доброй к дяде Джулиану, поэтому мысленно пожелала ему приятного аппетита. Пускай поест и отправится на своей каталке в сад — погреться на солнышке.

— А вдруг сегодня тюльпан распустится? — Я выглянула за кухонную дверь, и в глаза ударило солнце.

— Завтра, не раньше, — Констанция всегда знала заранее. — Если соберешься побродить, надень сапоги, в лесу еще совсем сыро.

— Скоро что-то изменится, — сказала я.

— Просто весна, глупышка. — Она взяла поднос. — Не убегай, пока я не вернусь, мне понадобится помощь.

Она открыла дверь в комнату дяди Джулиана и сказала: «С добрым утром». Он ответил тусклым, старым голосом: значит, ему нездоровится и Констанции придется крутиться вокруг него целый день.

— Девочка моя, твой отец уже дома? — спросил он.

— Пока нет, — ответила Констанция. — Давай-ка подложим еще подушку. Сегодня прекрасный день.

— Он всегда так занят, — сказал дядя Джулиан. — Принеси мне карандаш, дорогая, это надо записать. Он всегда очень занят.

— Выпей горячего молока, ты быстрее согреешься.

— Ты — не Дороти. Ты — моя племянница Констанция.

— Пей.

— Доброе утро, Констанция.

— Доброе утро, дядя Джулиан.

Я надумала выбрать три слова-заклинания: пока кто-то не произнесет их вслух, ничто не изменится. Первое слово — *мелодия* — я вывела ложкой на гренке, на абрикосовом джеме, потом сунула гренок в рот и быстро проглотила. На треть я уже спасена. Констанция вышла с подносом из комнаты дяди Джулиана.

— Он сегодня плох, — сказала она. — К завтраку почти не притронулся — совсем слабый.

— Будь у меня крылатый конь, он отвез бы нас на Луну. Дяде Джулиану там было бы намного лучше.

— Попозже выведу его на солнышко и приготовлю гоголь-моголь с ромом.

— А на Луне зато совсем не страшно.

Она рассеянно взглянула на меня.

— Одуванчик уже зазеленел. И редис. Я собиралась заняться огородом, но не хочется оставлять дядю Джулиана. Ничего, подождет морковь... — Констанция задумчиво забарабанила пальцами по столу. — И ревеня подождет...

Я отнесла свою чашку и тарелку в раковину; надо придумать второе волшебное слово, я уже почти выбрала — *Глостер*. Сильное слово, годится. Хотя дяде Джулиану порой такое в голову взбредет — он способен что угодно произнести.

— Испеки-ка лучше пирог для дяди Джулиана.

Констанция улыбнулась:

— Скажи уж: испеки пирог для Маркисы. Пирог с ревенем хочешь?

— Мы с Ионой ремень не любим.

— Но у него чудесный цвет. Ревеневый джем — самое красивое, что есть на полках.

— Ну и пусть стоит на полках. А мне испеки пирог с одуванчиками.

— Глупышка—Маркиска, — сказала Констанция. Она стояла в синем платье, на кухонном полу играло солнце. Сад за окном светился молодой зеленью. Иона умывался на крыльчке; Констанция, напевая, принялась мыть посуду. Я уже почти спасена, осталось выбрать третье волшебное слово.

Констанция кончила мыть посуду, а дядя Джулиан еще спал, и она улучила минутку — сбегать на огород, собрать первые овощи, сколько успеет. Я осталась за столом на кухне — стеречь дядю Джулиана и позвать Констанцию, если он проснется; но когда она вернулась, он спал. Я грызла маленькие сладкие морковки, а Констанция мыла и убирала овощи.

— Сделаем весенний салат, — сказала она.

— Мы съедаем времена года. Сначала едим весну, потом лето, потом осень. Ждем, пока что-нибудь вырастет, и съедаем.

— Маркиска—глупышка, — сказала Констанция. На кухонных часах двадцать минут двенадцатого; Констанция сняла фартук, заглянула к дяде Джулиану и прошла, по обыкновению, к себе наверх; она будет сидеть там, куда я не позову. Я же пошла отпирать парадные двери, и не успела я их распахнуть — из-за поворота выехала машина врача. Он, как всегда, спешил: резко затормозил, выскочил и взбежал по ступеням; «Доброе утро, мисс Блеквуд», — он пронесся мимо меня, снял на ходу плащ и бросил его в кухне на спинку стула. Ни на меня, ни вокруг не глядел — направился прямо к дяде Джулиану; оказавшись в комнате, мгновенно стал внимательным и неспешным.

— Доброе утро, мистер Блеквуд, — сказал он ласково. — Как самочувствие?

— А где этот старый дуралей? Где Джек Мейсон? — Дядя Джулиан непременно задавал этот вопрос.

Доктора Мейсона вызвала Констанция в тот вечер, когда они все умерли.

— Доктор Мейсон не смог прийти сегодня, — привычно отозвался врач. — Меня зовут доктор Леви. Я посмотрю вас вместо него.

— По мне так лучше Джек Мейсон.

— Постараюсь его достойно заменить.

— Я всегда говорил, что переживу старого дуралея, — дядя Джулиан захихикал. — Чего вы мне голову морочите? Джек Мейсон уже три года

как умер.

— Мистер Блеквуд, — произнес врач. — Вы золото, а не пациент. — Он тихонько прикрыл дверь.

Я решила было выбрать третьим волшебным словом наперстянку, но его же произносили сплошь и рядом, и я остановила свой выбор на слове Пегас. Взяла из горки фужер, трижды четко произнесла в него мое слово, потом налила туда воды и выпила. Дверь в комнату дяди Джулиана открылась, и врач остановился на пороге.

— Так и запомните, — договаривал он. — И до следующей субботы.

— Шарлатан, — сказал дядя Джулиан.

Врач с улыбкой обернулся к нему, потом мгновенно стер улыбку с лица и снова заторопился. Схватил плащ и устремился в прихожую. Я пошла следом, но он уже сбежал по ступеням.

— До свидания, мисс Блеквуд. — Даже не обернувшись, он влез в машину и взял с места в карьер — к воротам и на шоссе. Я заперла парадные двери и подошла к лестнице.

— Констанция, — окликнула я.

— Иду, — отозвалась она сверху. — Иду, Маркиса.

К середине дня дяде Джулиану стало лучше, он сидел на припеке в полудреме, сложив руки на коленях. Я лежала рядышком на мраморной скамейке — маминой любимой, а Констанция сидела на корточках и возилась по локоть в черной земле, будто сама проросла из этой земли; она месила и месила грязь — глубоко, у самых корней.

— Было чудесное утро, — мерно говорил дядя Джулиан. — Чудесное солнечное утро, никто из них и не подозревал, что утро это — последнее. Она спустилась вниз первой — моя племянница Констанция. Проснувшись, я услышал, как она ходит по кухне; я тогда спал наверху, мог еще взобраться по лестнице, у нас с женой была спальня наверху; я тоже тогда подумал: «Чудесное утро»; мне и невдомек было, что оно последнее. Потом я услышал племянника, нет — сперва брата, брат спустился вниз вслед за Констанцией. Он насвистывал. Констанция?

— Что?

— Что он всегда насвистывал, причем жутко врал?

Констанция задумалась, по-прежнему копаясь в земле, и тихонько напела. Я узнала и содрогнулась.

— Ах да, конечно. У меня с музыкальным слухом всю жизнь плоховато: что люди говорят, что делают, как выглядят — помню, а что поют — убей Бог, не помню. Итак, брат протопал следом за Констанцией, ему и дела нет, что всех перебудит, что я мог бы еще поспать; я, впрочем, в

это время уже не спал. — Дядя Джулиан вздохнул и с любопытством обвел взглядом сад. — А он и не ведал, что это его последнее утро. Знай он свою судьбу — вел бы себя потише. Они там внизу разговаривали с Констанцией, и я сказал жене: «Вставай да одевайся, мы живем в семье брата, и следует всячески выказывать им нашу приязнь; одевайся и иди на кухню к Констанции». Жена так и сделала — наши жены всегда были нам послушны; впрочем, невестка моя в то утро нежилась в постели — возможно, ей было небесное знамение, и она решила отоспаться здесь, на грешной земле. Теперь уже голоса всех троих — брата, Констанции и Дороти — доносились с кухни. Потом и мальчик спустился, и я принялся одеваться. Констанция?

— Что, дядя Джулиан?

— Знаешь, я тогда еще сам одевался — вплоть до последнего дня. Я ходил сам, и одевался сам, и ел, и ничего у меня не болело. И спал я тогда глубоко, как спят крепкие мужчины. Я был уже не молод, но крепок, спал хорошо и сам одевался.

— Накрывать тебе ноги пледом?

— Нет, дорогая, спасибо. Ты всегда была мне хорошей племянницей, хотя есть некоторые основания считать тебя неблагодарной дочерью. Невестка спустилась на кухню прежде меня. На завтрак были оладьи — маленькие тоненькие оладушки; брат съел яичницу из двух яиц, а моя жена налегла на колбасу, хотя я ее аппетитов не поощрял — ведь мы жили в семье у брата. Она ела домашнюю колбасу, приготовленную Констанцией. Констанция?

— Что, дядя Джулиан?

— Знай я тогда, что это ее последний завтрак, не сердился бы за колбасу. Удивительное дело: никто — ну никто! — и думать не думал, что завтрак последний, они бы тогда, наверное, тоже для нее колбасы не пожалели. Брат всегда следил: что и сколько съели мы с женой, и порой отпускал замечания; он был справедливым человеком и еды не жалел, если ели в меру. Констанция, он в то утро смотрел, как моя жена ест колбасу. Поверь, мы его не объедали! Сам-то он ел и оладьи, и яичницу, и колбасу, но я чувствовал, что он вот-вот сделает Дороти замечание. Зато мальчишка уплетал — аж за ушами трещало. Этот последний завтрак был исключительно хорош, приятно вспомнить.

— Дядя Джулиан, хочешь, я тебе на той неделе сделаю колбасу? Ведь от кусочка домашней колбасы хуже не будет.

— Брат нам еды не жалел, если ели в меру. Моя жена помогала мыть посуду.

— Я была ей очень благодарна.

— Она могла бы помогать и больше, думаю я теперь, задним числом. Впрочем, она развлекала еще мою невестку и чистила одежду, но брат-то наверняка считал, что Дороти могла бы помогать больше. Брат после завтрака отправился по делам.

— Он затеял виноградные беседки, пошел договариваться.

— Жалко — не успел, ели бы сейчас собственный виноградный джем. Стоило ему уйти — у меня развязался язык; помнится, все утро я веселил дам, мы перешли сюда, в сад. Говорили о музыке, моя жена была очень музыкальна, хотя нигде не училась. А у невестки было чудесное туше — это все непременно отмечали, — по вечерам она обычно играла. Но в тот вечер уже не пришлось. В тот вечер она играть уже не смогла. А утром мы еще полагали, что она сыграет нам вечером. Констанция, ты помнишь, как я всех веселил в то утро?

— Я полола овощи, — сказала Констанция. — Но слышала, что все смеялись.

— Я был в ударе, даже вспомнить приятно. — Он немного помолчал: сцеплял и расцеплял руки на коленях. Я хотела быть к нему добрее, но сцеплять вместо него руки не могла, а больше ему ничего не требовалось, поэтому я просто тихонько лежала и слушала. Констанция хмурилась, уставясь на зеленый лист; на лужайку набегали легкие тени облаков.

— Мальчик куда-то делся, — произнес наконец дядя Джулиан постарчески печально. — Мальчик куда-то делся, он что — пошел тогда ловить рыбу?

— Он влез на каштан.

— Ах да, помню. Я все отчетливо помню, дорогая, и у меня все записано. Это было последнее утро, и ничто не должно стереться из памяти. Он полез на каштан и кричал нам оттуда, с самой верхушки, и бросал сверху прутики, — наконец невестка не выдержала и отругала его. Прутики застревали у нас в волосах, безобразие! Моей жене это тоже не нравилось, но она бы и рта никогда не открыла. Полагаю, моя жена вела себя с твоей матерью корректно, Констанция. Будь это не так, я был бы крайне огорчен — ведь мы жили у брата и ели его хлеб. Брат вернулся к обеду.

— Я подала на обед гренки с сыром, — сказала Констанция. — Провозилась на огороде целое утро, и пришлось состряпать обед на скорую руку.

— Да, они ели гренки с сыром. До сих пор удивляюсь, отчего мышьяк не подложили в гренки. Интереснейшая деталь, в книге я ее всячески

подчеркну. Отчего мышьяк не подложили в гренки? Ну прожили б они на несколько часов меньше, зато смерть настигла б их наверняка, безошибочно. Констанция, я не люблю лишь одно блюдо из тех, что ты готовишь, — гренки с сыром. Я их всю жизнь терпеть не мог.

— Знаю, дядя. И я тебе никогда их не делаю.

— А вот мышьяку там — самое место. Я, помнится, вместо гренков ел салат. А на десерт был яблочный пудинг — остатки со вчерашнего дня.

— Солнце уже садится, — Констанция поднялась и отряхнула руки. — Пойдем-ка в дом, а то замерзнешь.

— Констанция, мышьяку в гренках самое место. Странно, что в свое время на это никто не указал. Мышьяк, как ты знаешь, безвкусен — в отличие от гренков с сыром. Куда ты меня везешь?

— В дом. До ужина отдохнешь часочек в комнате, а после ужина я тебе поиграю, если захочешь.

— Дорогая, мне безумно некогда. Необходимо вспомнить тысячи подробностей и все записать, нельзя терять ни минуты. Ни малейшая деталь этого последнего дня не должна быть упущена, иначе книга окажется неполной. Полагаю, день для них выдался приятный, главное, никто не подозревал, что его ждет. Знаешь, Констанция, мне что-то холодно.

— Скоро мы будем в тепле и уюте.

Я неохотно побрела следом — не хотелось покидать сумеречный сад; за мной, привлеченный светом в окнах, шел Иона. Когда мы пришли, Констанция уже закрывала дверь к дяде Джулиану; увидев меня, она улыбнулась.

— Спит почти, — сказала она тихонько.

— Когда я буду старая, как дядя Джулиан, ты будешь обо мне заботиться?

— Если буду жива, — отозвалась она, и я похолодела.

С Ионой на руках я устроилась в уголке и смотрела, как ловко и бесшумно двигается она по ярко освещенной кухне. Скоро она попросит меня накрыть в столовой стол на троих, а после ужина наступит вечер, и мы будем сидеть в теплой кухне, а дом нас надежно охранит, и снаружи никто ничего не увидит — только свет в окнах.

В воскресенье утром перемены стали еще на день ближе. Я изо всех сил старалась не вспоминать три волшебных слова, я попросту гнала их от себя, но перемены буквально висели в воздухе — и волшебные слова всплывали сами: мелодия Глостер Пегас; перемены туманом окутывали лестницу, кухню, сад... Все же я не позволяла этим словам завладеть моими мыслями. С утра в воскресенье погода испортилась; наверно, Иона своей беготней все-таки накликнул грозу; солнечные лучи пока проникали в дом, но по небу неслись облака, и кусачий ветерок гулял по кухне, пока я завтракала.

— Надень сапоги, если надумаешь гулять, — сказала Констанция.

— А дядя Джулиан вряд ли выйдет — слишком холодно.

— Настоящая весенняя погода, — Констанция с улыбкой оглядела сад.

— Я люблю тебя, Констанция.

— И я тебя люблю, глупышка—Маркиска.

— А дяде Джулиану лучше?

— По-моему, нет. Я отнесла ему поднос — ты еще спала, — и он был очень усталый. Опять ночью таблетку принимал. По-моему, ему становится хуже.

— Ты за него боишься?

— Да. Очень.

— Он умрет?

— Знаешь, что он сказал мне утром? — Констанция облокотилась на раковину и печально взглянула на меня. — Он принял меня за тетю Дороти, взял за руку и сказал: «Ужасно быть старым, лежать тут и думать, что это вот-вот случится». Я даже испугалась.

— Зря ты не пускаешь его со мной на Луну.

— Я напоила его горячим молоком, и он вспомнил, кто я.

Дядя Джулиан, должно быть, очень счастлив — ведь о нем заботятся и Констанция, и тетя Дороти; как увижу что-нибудь тонкое и длинное — вспомню, что надо быть к нему добрее; сегодня будет день тонких и длинных предметов: в моей расческе уже застрял волос, за стул зацепился кусок веревки, а от ступеньки на заднем крыльце отскочила длинная щепка.

— Приготовь ему запеканку, — предложила я.

— Пожалуй, приготовлю. — Она вынула длинный тонкий нож и положила на край раковины. — Или какао. А вечером курицу с клецками.

— Я тебе нужна?

— Нет, Маркиса. Беги, гуляй, только сапоги надень.

Солнце то пряталось за облаком, то выглядывало и светило вовсю. Иона шел за мной следом: он кружил, выскакивал на солнце, пропадал в глубокой тени. Бежала я — бежал и он; стоило остановиться и замереть — он останавливался, глядел на меня и быстро уходил в другую сторону, точно совсем со мной незнаком, а потом садился и ждал, когда я побегу снова. Направлялись мы к длинной поляне, она похожа на океан, хотя океана я никогда не видела; трава клонится от ветра, стремительно летят тени облаков, вдалеке раскачиваются деревья. Иона совсем скрылся в траве — такой высокой, что я касалась травинки руками, не нагибаясь; Иона кружил где-то внизу — стоило ветру утихнуть и траве выпрямиться, как становился виден его причудливый маршрут: смятые стебли пригибались и тут же распрямлялись вновь. Я пересекла поляну наискосок и как раз посередине наткнулась на камень: тут похоронена кукла; куклу я всегда находила — в отличие от других, навеки потерянных сокровищ. Камень никто не трогал, значит, и кукла цела. Под моими ногами — несметные сокровища, травинки ластятся к рукам, вокруг простор, вздымается зеленый океан, и сосны клонятся вдали; за спиной — дом, а там, дальше за деревьями, слева, едва виднеется проволочная ограда — ее поставил папа, чтобы нас никто не тревожил. Я прошла поляну, прошла под четырьмя яблонями — мы называли их фруктовым садом — и направилась по тропинке к протоке. Шкатулка с серебряными монетами, закопанная у протоки, тоже цела и невредима. Возле протоки, в укромном месте, — мое убежище; у меня их несколько, но тут я потрудились на славу и приходила сюда очень часто. Я выкорчевала несколько невысоких кустиков и разровняла землю; кустарник вокруг сплетается с ветвями деревьев; огромная ветка, что закрывает вход, почти касается земли. Меня никто никогда не ищет, и в потайном убежище нет нужды, но мне нравится лежать тут с Ионой и знать, что никому меня не найти. Я устроила ложе из веток и листьев, Констанция дала одеяло. Кусты и деревья густо нависают сверху, и внутри всегда сухо. Воскресным утром я лежала здесь, а Иона мурлыкал мне на ухо свои сказки. Все кошачьи сказки начинаются одинаково: «Давным-давно жила-была на свете кошка...» Мы с Ионой лежали голова к голове. Ничто не изменится, просто пришла весна, и напрасно я так перепугалась. С каждым днем будет все теплее, дядя Джулиан будет греться на солнышке, а Констанция — смеяться и копаться на грядках; и так будет всегда. Иона все мурлыкал: «И стали жить-поживать...» Листья шелестели над головой... Так будет всегда.

У протоки я нашла змеиное гнездо и убила всех змеенышей — Констанция разрешает мне не любить змей. По дороге домой я наткнулась на знак судьбы — дурной, один из самых худших. Книжка, прибитая к сосне, упала на землю, папина записная книжка, — он записывал, кто сколько денег ему должен и кто с ним по гроб жизни не рассчитается. Видно, гвоздь проржавел, книжка упала и не годится теперь для охраны и защиты. Прежде чем прибить книжку, я тщательно завернула ее в плотную бумагу, но гвоздь проржавел, и она упала на землю. Теперь ее лучше уничтожить, иначе она будет мстить; а к дереву надо прибить что-то другое — мамин шарф или перчатку. На самом деле было слишком поздно, только я об этом еще не знала, — а он уже направлялся к дому. Когда я нашла книжку, он, скорее всего, уже оставил чемодан на почте и спрашивал, где нас искать. А мы-то с Ионой знали только, что сильно проголодались, и бежали домой; на кухню мы влетели вместе с ветром.

— Неужели ты ушла без сапог? — Констанция было нахмурилась, но тут же рассмеялась. — Глупышка—Маркиска.

— У Ионы сапог нет. Сегодня чудесный день.

— Может, сходим завтра за опятами?

— Мы с Ионой голодны сейчас.

Он в это время уже шел по поселку к черному камню, а все глазели, удивленно переглядывались, перешептывались за его спиной.

Это был наш последний лениво-чудесный день, хотя мы — как непременно отметил бы дядя Джулиан — об этом и не подозревали. Мы с Константицей перекусили, похихикали, зная не зная, что, пока мы счастливо смеемся, он дергает запертую калитку, вглядывается в сумрак тропинки и бродит по окрестным лесам — ненадолго же спасла нас папина ограда. Пошел дождь, мы открыли заднюю дверь и глядели: косо летели капли за порогом, умывали огород; Констанция радовалась дождю, как всякий садовник.

— Тут скоро все зазеленеет, — сказала она.

— Мы всегда будем вместе, правда, Констанция?

— А тебе не хочется отсюда уехать?

— Куда? Где найдешь место лучше? И кому мы там нужны? Мир полон злых людей.

— Так ли? — она сказала это очень серьезно, а потом повернулась ко мне с улыбкой. — Не волнуйся, Маркиса. Ничего плохого не случится.

Наверно, как раз в этот миг он обнаружил ворота и быстро пошел по аллее, спасаясь от дождя; через две минуты я увидела его собственными глазами. Знай я все наперед, провела бы эти минуты с толком:

предупредила бы Констанцию, или придумала новое, самое разволшебное и надежное слово, или задвинула бы столом кухонную дверь; а я-то вертела в руках ложечку, поглядывала на Иону, а когда Констанция зябко поежилась, сказала: «Принесу тебе свитер». Так я оказалась в прихожей, а он как раз поднимался по парадной лестнице. Я заметила его из окна и похолодела — даже вздохнуть не могла. Дверь, я знала, заперта, это была первая мысль.

— Констанция, — прошептала я тихонько, не двигаясь с места. — Там чужой. Закрой кухонную дверь, живо.

Я думала, она слышит, потому что с кухни донесся шорох, но оказалось, она просто ушла — позвал дядя Джулиан — и оставила сердце нашего дома беззащитным. Я подбежала к парадным дверям, прижалась к ним: за дверями слышались шаги. И он постучал: сперва тихонько, потом все настойчивей. Я прижималась к двери, и каждый стук ударял прямо в меня — человек этот совсем-совсем рядом. Я уже знала: этот из худших, его лицо мелькнуло в окне, когда я шла через столовую; он из худших, из тех, что рыщут и рыщут вокруг дома, пытаются проникнуть внутрь, заглядывают в окна, шарят по закоулкам и готовы растащить весь дом на сувениры.

Он снова постучал, а потом позвал:

— Констанция?! Констанция?!

Уж имя-то ее им известно. Они знают ее, знают дядю Джулиана, знают, какая у нее была прическа и какого цвета те три платья, которые она надевала в суд; они знают, сколько ей лет, как она говорит, как двигается: в суде они все время заглядывали ей в лицо — не видно ли слез.

— Я хочу поговорить с Констанцией, — говорил он за дверь. Это их обычный прием.

К нам давно никто не заглядывал, но своего ужаса перед этими людьми и отвращения к ним я не забыла. Вначале-то они непрерывно тут крутились, подстерегали Констанцию — просто поглазеть на нее. «Гляди, вон, вон она, та самая — Констанция». Они толкали друг друга в бок и тыкали в окна пальцами. «На убийцу не похожа, правда?» Они подначивали друг друга: «Эй, готовь фотоаппарат, сейчас снова выгянет!» — «Давай цветов тут нарвем», — по-хозяйски распоряжались они. «Давай камешки на память соберем — ребятишкам дома показывать».

— Констанция? — позвал он снова. — Констанция? — Он опять постучал. — Я хочу поговорить с Констанцией. У меня к ней важное дело.

У них всегда находились важные дела, они дергали дверь, кричали под окнами, звонили по телефону, присылали жуткие, жуткие письма. Иногда

спрашивали Джулиана Блеквуда, меня не спрашивали никогда. Ведь в роковой день меня отослали спать без ужина, в суд не пустили, никто меня не фотографировал. Они глазели на Констанцию в суде, а я тем временем лежала на уютной койке, уставясь в потолок, лежала и мечтала, чтобы все умерли, а Констанция пришла и забрала меня домой.

— Констанция, ты меня слышишь? — крикнул он. — Послушай меня, прошу!

Интересно, он слышит, как я дышу за дверью? Я-то знала, что он теперь сделает. Отойдет на несколько шагов и, прикрываясь ладонью от дождя, будет вглядываться в окна второго этажа: вдруг мелькнет лицо. Потом обойдет дом по нашей тропинке, найдет боковую дверь — она всегда на запоре — и примется стучать и звать Констанцию там. Некоторые уезжали, потоптавшись у запертых дверей; уезжали те, кто слегка стыдился, что их сюда занесло, те, кто жалел о потерянном времени, — смотреть-то оказалось не на что; поняв, что Констанции им не увидеть, они тут же уезжали, но упрямы (вот им-то я и желала смерти, чтоб упали замертво прямо на аллее) кружили и кружили вокруг дома, дергали дверь, стучали в окна. «Мы вправе ее видеть! — кричали они. — Ведь она их всех побивала!» Они подъезжали к самому крыльцу и тщательно запирали машины, даже стекла поднимали, а потом принимались колотить в двери и звать Констанцию. Они устраивали пикники на лужайке и фотографировались перед домом, пускали на огород своих собак и малевали свои имена на стенах и дверях.

— Эй, послушайте, — раздалось снаружи. — Вам придется меня впустить.

Я услышала его шаги по ступеням, значит, отошел и глядит теперь вверх. Все окна на втором этаже заперты. Боковая дверь заперта. В парадные двери вставлены по краям узкие стекла, но выглядывать нельзя — они замечают каждое движение; стоит в столовой качнуться занавеске, они уже бегут к дому с криками: «Вон она! Вон она!» Я прислонилась к двери и представила: вот я открываю, а он лежит на аллее мертвый.

Но сейчас он смотрит на дом, а дом стоит тихий и равнодушный, словно потупившись, — ведь занавески на окнах второго этажа всегда задернуты; от дома он не добьется ответа; мне же пора принести Констанции свитер, а то совсем озябнет. Наверх можно идти не спеша, безбоязненно, но я взлетаю стремглав: он бродит вокруг дома и мне хочется побыстрее оказаться возле Констанции. Я взлетаю по лестнице, хватаю свитер со стула в комнате Констанции, бегу вниз, влетаю в кухню — а он уже сидит на моем стуле возле стола.

— Я же загадала три волшебных слова! — Я замерла, прижав к себе свитер. — Три слова — *мелодия Глостер Пегас*, — и пока их не скажут вслух, нам ничто не грозит.

— Маркиса, — Констанция, улыбаясь, обернулась ко мне. — Это наш брат, двоюродный брат, Чарльз Блеквуд. Я его сразу узнала — он так похож на папу.

— Ну, Мари, — произнес он и встал. Здесь, в доме, он показался мне еще выше, чем там, на улице, и он все рос и рос оттого, что подходил ко мне все ближе и ближе. — Ну, поцелуй брата Чарльза.

За его спиной — распахнутая настежь дверь, он первый проник в дом с тыла, и впустила его Констанция. Констанция тоже встала; она-то знала, что трогать меня нельзя, она лишь повторяла тихонько: «Маркиса, Маркиса» — и протягивала ко мне руки. Но я — точно в тисках, точно стянута проволокой, дышать невозможно, надо бежать. Я швыряю свитер на пол и выбегаю за дверь — к протоке, к своему убежищу. Там меня нашел Иона, мы лежали рядом, под сенью деревьев; они скрывали нас от дождя, они льнули друг к другу — податливо, но властно, — сплетаясь над головой в непроницаемую густую крону. Я смотрела на листья и слушала журчанье воды. Нет никакого брата, никакого Чарльза Блеквуда, чужака, незваного гостя... А все из-за того, что книжка упала, я ее вовремя не заменила, и порвалась наша охранная сеть. Завтра же подыщу что-нибудь могущественное и прибью к дереву. Я заснула под мурлыканье Ионы, как только сгустились сумерки. Посреди ночи он отправился на охоту и, вернувшись, разбудил меня ненадолго: он прижался ко мне, чтобы согреться. «Ионушка», — пробормотала я, и он успокоенно заурчал. Поутру, когда я проснулась, вдоль протоки блуждали туманы, они касались меня, обволакивали лицо. Я лежала и смеялась, ощущая, как туман ласкает и ерошит ресницы, лежала и глядела вверх, на деревья.

Я вошла в кухню, и туман с протоки вполз следом. Констанция готовила поднос с завтраком для дяди Джулиана. Вместо горячего молока она наливала чай — значит, дяде Джулиану лучше; он, видно, уже проснулся и сам попросил чаю. Я подошла к Констанции сзади и обняла ее, она обернулась и обняла меня.

— С добрым утром, Маркиска.

— С добрым утром, Констанция. Дяде Джулиану лучше?

— Лучше, немного лучше. И дождь сменился солнышком. А тебе, моя хорошая, я сделаю на ужин шоколадный мусс.

— Я люблю тебя, Констанция.

— И я люблю тебя. Что ты хочешь на завтрак?

— Оладьи. Маленькие-маленькие и горячие-горячие. И яичницу из двух яиц. Сегодня прилетит мой крылатый конь, и я забираю тебя на Луну; там мы будем есть лепестки роз.

— У некоторых роз лепестки ядовиты.

— Но не на Луне. А верно, что можно сажать листья?

— Не всякие. Только с пушистыми ворсинками. Такие листья ставят в воду, и они пускают корни, потом их высаживают, и получается новое растение. Не какое-нибудь, разумеется, а то, от которого взят лист. Любое не вырастишь.

— А жалко. С добрым утром, Иона. По-моему, ты похож на лист с пушистыми ворсинками.

— Ты глупышка, Маркиска.

— Мне нравятся только такие листья, из которых вырастет совсем другое растение. В пушистых ворсинках с головы до ног.

Констанция засмеялась:

— Я так заслушаюсь, и дядя Джулиан останется без завтрака. — Она взяла поднос и пошла к нему в комнату. — Горячий чай прибыл.

— Констанция, дорогая. Чудесное утро, по-моему. Я прекрасно поработаю.

— И на солнышке погреешься.

Иона умывался на залитом солнцем пороге кухни. Я проголодалась; положу-ка я перышко на лужайку, где проедет на кресле дядя Джулиан, — просто положу, ведь хоронить сокровища тут не разрешается, а как иначе быть доброй к дяде Джулиану? Зато на Луне мы носим перышки в волосах,

а на запястьях — браслеты с рубинами. Едим мы на Луне золотыми ложками.

— Констанция, как ты думаешь, не пора ли начать новую главу?

— Что-что, дядя Джулиан?

— Как думаешь, не начать ли мне сегодня сорок четвертую главу?

— Конечно, начни.

— И отдельные предыдущие главы надо подправить. Тут работы на века.

— Тебя причесать?

— Спасибо, попробую сам. В конце концов, мужчина должен о своей голове заботиться сам. Ты не дала мне джема.

— Принести?

— Нет, я уже, оказывается, весь гренок съел. Констанция, я мечтаю о жареной печенке на обед.

— Договорились. Можно забрать поднос?

— Да-да, спасибо. А я пока причешусь.

Констанция вернулась с подносом на кухню.

— Теперь тебя, Маркиса, буду кормить.

— И Иону.

— Твой Иона позавтракал давным-давно.

— Ты для меня посадишь листик?

— Хорошо, только не сегодня.

Она, склонив голову, прислушалась и сказала:

— Он еще спит.

— Кто еще спит? А я увижу, как он растет?

— Спит брат Чарльз, — ответила Констанция, и день вокруг меня рассыпался на части. Вон сидит Иона на пороге, вон Констанция у плиты, но они вдруг поблекли, сделались как тени. Я не могла вздохнуть, накрепко стянутая проволокой, все вокруг стало мертвяще холодным.

— Он же призрак, — сказала я.

Констанция засмеялась — где-то очень, очень далеко.

— Значит, на папиной кровати спит призрак. А вчера вечером призрак весьма плотно поужинал. Когда ты ушла.

— Мне же просто приснилось, что он приходил! Я лежала на земле и заснула, и мне приснилось, будто он пришел, но потом — в этом же сне — я его прогнала. — Я все еще не могла вздохнуть, я вздохну, когда Констанция мне поверит.

— Мы вчера долго разговаривали.

— Пойди посмотри, — сказала я не дыша. — Пойди же — увидишь,

его там нет!

— Маркиса, ты глупышка.

Убегать нельзя, надо спасать Констанцию. Я взяла свой стакан и швырнула об пол.

— Теперь он исчезнет, — сказала я.

Констанция подошла к столу и села напротив меня, очень серьезная. Мне хотелось обойти стол и обнять ее, но как обнимешь тень?

— Маркиса, девочка моя, — заговорила она медленно. — Брат Чарльз здесь. Он и вправду наш брат. Пока был жив его отец — Артур Блеквуд, папин брат, — Чарльз к нам не мог приехать, не мог нам ничем помочь, отец запретил. — Она слегка улыбнулась. — Его отец относился к нам очень плохо. И представляешь, даже не взял тебя к себе, пока шел суд. В его доме о нас нельзя было упоминать.

— Тогда зачем ты упоминаешь о нем в нашем доме?

— Пытаюсь тебе все объяснить. Сразу после смерти отца Чарльз поспешил нам на помощь.

— Чем он нам поможет? Мы и так счастливы, правда, Констанция?

— Очень счастливы, Маркиса. Но будь, пожалуйста, помягче с братом Чарльзом, прошу тебя.

Я уже чуть-чуть могла дышать: все-таки все обойдется. Брат Чарльз призрак, но этого призрака можно выгнать.

— Он исчезнет, — сказала я.

— Он и не намерен тут навеки поселиться, он просто приехал к нам в гости.

Надо найти, придумать какое-то средство против него.

— А дядя Джулиан его видел?

— Дядя Джулиан знает, что он здесь, но вечером ему нездоровилось, он не выходил. Я отнесла ему ужин на подносе, и он съел только супа — совсем чуть-чуть. Я утром так обрадовалась, когда он попросил чаю.

— Нам сегодня дом убирать.

— Только попозже, когда брат Чарльз проснется. И давай-ка я подмету осколки стакана, пока он не пришел.

Я смотрела, как она подметает; сегодня будет день осколков, маленьких сверкающих осколков. С завтраком торопиться нечего, мне все равно не уйти, пока мы не уберем дом; я засиделась за столом — потягивала молоко и наблюдала за Иной. Дядя Джулиан позвал Констанцию: захотел пересесть на каталку; она вывезла его на кухню, к письменному столу, заваленному бумагами.

— Я решительно принимаюсь за сорок четвертую главу, — сказал дядя

Джулиан, потирая руки. — И, начав с небольшого преувеличения, перейду затем к откровенной лжи. Констанция, дорогая!

— Что, дядя Джулиан?

— Я начну с утверждения, что моя жена была красавицей.

И тут мы все замолчали: наверху неожиданно послышались шаги. Непривычно — ведь там давно тишина. И неприятно — ходят будто по голове. Констанция не ступает, а летает, дядя Джулиан не ходит вовсе, а эти шаги были тяжелые, мерные, зловещие.

— Брат Чарльз проснулся, — Констанция взглянула на потолок.

— Вот и хорошо, — дядя Джулиан аккуратно положил перед собой чистый лист и взял карандаш. — Я надеюсь приятнейшим образом провести время в обществе сына моего брата. И надеюсь с его помощью восстановить все оттенки поведения наших родственников во время суда. Признаюсь честно, у меня есть наброски их возможных разговоров, но... — Он потянулся за какой-то тетрадкой. — Боюсь, все же не удастся начать сегодня сорок четвертую главу.

Я взяла Иону на руки и уселась в своем уголке, а Констанция вышла к лестнице — встретить Чарльза.

— Доброе утро, братец Чарльз, — сказала она.

— Здравствуй, Конни. — Голос тот же, что вчера. Они вошли на кухню, и я забилась поглубже в уголок; дядя Джулиан положил руки на свои записи и повернулся лицом к двери.

— Дядя Джулиан! Рад наконец познакомиться с вами.

— Чарльз. Ты сын Артура, а похож на моего брата Джона, он умер.

— Артур тоже умер. Поэтому я и приехал.

— Полагаю, он умер в достатке? Я, в отличие от братьев, умел только сорить деньгами.

— Честно говоря, дядя Джулиан, отец ничего не оставил.

— Какая жалость. А вот его отец оставил изрядную сумму. Даже разделив ее на троих, мы получили немало. Я знал, разумеется, что мои деньги уйдут меж пальцев, но Артур меня удивил. Быть может, твоя мать была мотовкой? Я ее помню смутно. Знаю только, что Констанция написала Артуру письмо во время суда, но его жена потребовала, чтобы мы прервали с ними всякие родственные отношения.

— Мне очень давно хотелось приехать, дядя Джулиан.

— Допускаю. Юные отличаются любопытством. И столь печально известная особа, как твоя кузина Констанция, представляется молодому человеку весьма романтической. Констанция?

— Что, дядя Джулиан?

— Я уже завтракал?

— Да.

— Ну ничего, выпью еще чашечку чая. Нам с молодым человеком надо многое обсудить.

Я все еще не могла его толком разглядеть: то ли оттого, что он призрак, то ли оттого, что слишком велик. Огромное круглое лицо, так похожее на папино, поворачивалось от Констанции к дяде Джулиану и обратно, лицо улыбалось, открывался рот. Я совсем вжалась в стенку, но в конце концов огромное лицо повернулось и ко мне.

— Ба, и Мари здесь! — сказала лицо. — Здравствуй, Мари.

Я уткнулась в Ионину спину.

— Стесняется? — спросил он Констанцию. — Не страшно. Меня все дети любят.

Констанция засмеялась.

— К нам редко заходят люди. — Она вела себя так естественно, так спокойно, будто всю жизнь ждала, что приедет брат Чарльз, будто заранее продумала, что и как говорить, будто в ее доме всегда была готова комната для брата Чарльза.

Он встал и подошел ко мне.

— Какая красивая кошка. У нее есть имя?

Мы с Ионой посмотрели на него, и я подумала, что имя Ионы — самое надежное, что есть на свете, его имя и произнести не страшно.

— Иона, — ответила я.

— Иона! Кот? Это твой любимый кот?

— Да. — Мы с Ионой смотрели на него, не смея моргнуть или отвести взгляд. Огромное белое лицо так близко и так похоже на папино, а огромный рот улыбается.

— Мы скоро станем большими друзьями — мы с тобой и с Ионой, — сказал он.

— Что ты хочешь на завтрак? — спросила его Констанция и улыбнулась мне: обрадовалась, что я сказала ему имя Ионы.

— Все, что приготовишь. — Он наконец отвернулся от меня.

— Маркиса ела оладьи.

— Оладьи — это великолепно. Вкусный завтрак в приятном обществе чудесным утром — чего еще желать?

— Оладьи, — вступил в разговор дядя Джулиан, — в этой семье пользуются особым почетом, хотя сам я их ем очень редко: желудок принимает лишь легкую, необременительную пищу. В тот последний день к завтраку подавали оладьи...

— Дядя Джулиан, — прервала его Констанция, — твои бумаги падают на пол.

— Позвольте, я подниму, сэр. — Брат Чарльз встал на колени и принялся подбирать бумаги, а Констанция сказала:

— После завтрака я покажу тебе сад.

— Обходительный молодой человек, — похвалил дядя Джулиан, принимая у Чарльза бумаги. — Я тебе благодарен, сам я не в состоянии перескочить через комнату и встать на колени; отрадно, что хоть кому-то это под силу. Ты, вероятно, старше моей племянницы на год или два?

— Мне тридцать два.

— А Констанции лет двадцать восемь. Мы уже давно не отмечаем дни рождения, но ей, должно быть, около двадцати восьми. Констанция, мне вредно столько разговаривать на пустой желудок. Где мой завтрак?

— Дядя, ты съел его час назад. Сейчас налью тебе чаю, а братцу Чарльзу сделаю оладьи.

— Чарльз — отважный человек. Твоя стряпня, хоть и высшего качества, все же не лишена определенных недостатков.

— Я безбоязненно съем все, что приготовит Констанция.

— В самом деле? — сказал дядя Джулиан. — Рад за тебя. Я-то имел в виду, что для слабого желудка оладьи — тяжелая пища. А ты, полагаю, подумал про мышьяк.

— Садись завтракать, — сказала Констанция Чарльзу.

Я смеялась, спрятавшись за Ионой. Добрых полминуты Чарльз собирался с духом, чтобы взять вилку, и непрерывно улыбался Констанции. Все смотрели на него — и Констанция, и дядя Джулиан, и Иона, и я, — поэтому он отрезал, наконец, кусочек оладьи и поднес ко рту, но в рот положить не хватило духа. Кончилось тем, что он положил вилку с наколотым кусочком обратно на тарелку и обратился к дяде Джулиану:

— Знаете, а ведь... пока я здесь, я бы мог чем-то помочь: вскопать грядки или сбегать в магазин. Я с любой тяжелой работой справлюсь.

— Чарльз, ты же вчера ужинал и проснулся живым поутру, — сказала Констанция; я засмеялась, хотя Констанция говорила почти сердито.

— Что-что? — переспросил Чарльз. — Ах да! — Он взглянул на будто бы позабытую вилку, схватил ее, быстро сунул кусочек оладьи в рот, прожевал, проглотил и посмотрел на Констанцию. — Очень вкусно. — И Констанция улыбнулась.

— Констанция?

— Что, дядя Джулиан?

— Я думаю, что все-таки не начну сегодня сорок четвертую главу.

Лучше вернусь к семнадцатой — там, помнится, вскользь упомянуты твой двоюродный брат и его семейство, как они отреклись от нас во время суда. Чарльз, ты разумный молодой человек. Я жажду услышать твою версию.

— Сколько уж лет прошло, — сказал Чарльз.

— Надо было все записывать, — укорил его дядя Джулиан.

— Нет, я не о том. По-моему, стоит все забыть. Какой смысл вспоминать об этом снова и снова?

— Какой смысл? — воскликнул дядя Джулиан. — Смысл?

— Это было печальное и ужасное время. И нечего беспрестанно напоминать о нем Конни, ей только во вред.

— Молодой человек, вы, насколько я понимаю, презрительно отзываясь о моей работе. А людям свойственно свою работу уважать. Дело есть дело. Запомни это, Чарльз.

— Я просто сказал, что не хочу ничего вспоминать.

— Этим ты толкаешь меня на вымысел, выдумки, игру воображения.

— Хватит об этом.

— Констанция?

— Что, дядя Джулиан? — Она была очень серьезна.

— Ведь это вправду было? Я же помню, — дядя Джулиан уже потянул пальцы в рот.

Констанция, помолчав, сказала:

— Ну, конечно же было, дядя Джулиан.

— Мои записи... — проговорил он угасшим голосом и бессильно простер руку к бумагам.

— Конечно, дядя Джулиан. Все было на самом деле.

Я разозлилась: Чарльз не смеет так обращаться с дядей Джулианом. Вспомнив, что сегодня день сверкающих осколков, я решила положить что-нибудь сверкающее возле кресла дяди Джулиана.

— Констанция?

— Что?

— Можно мне на улицу? Я тепло одет?

— Можно, дядя Джулиан. — Констанция тоже жалела его. Дядя Джулиан печально качал головой, карандаш он отложил. Констанция принесла из комнаты шаль и заботливо укутала ему плечи. Чарльз, ни на кого не глядя, уплетал оладьи; неужели не понял, что обидел дядю Джулиана?

— Вот теперь пойдем на улицу, — тихонько сказала Констанция. — Там припекает солнышко, и все расцветает, а на обед я поджарю тебе печенку.

— Может, не стоит? — сказал дядя Джулиан. — Съем лучше яйцо. — Констанция бережно покатила его к двери и аккуратно свезла по ступеням. Чарльз оторвался было от оладий и привстал, собираясь помочь, но Констанция покачала головой.

— Я посажу тебя в твой любимый уголок, — сказала она дяде Джулиану, — буду все время на тебя посматривать и часто-часто махать из окошка.

Ее голос доносился до кухни все время, пока она везла дядю Джулиана. Иона соскочил с моих колен и уселся на пороге, глядя им вслед.

— Иона, — позвал Чарльз. Иона обернулся. — Сестрица Мари меня не любит.

Мне не понравилось, как он говорит с Ионой и как Иона его слушает.

— Как сделать, чтоб сестрица Мари меня полюбила? — спросил Чарльз; Иона метнул взгляд на меня и снова повернулся к Чарльзу. — Я приехал навестить двух моих милых сестричек, милых сестричек и старого дядюшку, я не видал их столько лет, а сестрица Мари обходится со мной так скверно. Как тебе это нравится, Иона?

Под краном искрилась и набухла капля, вот-вот упадет в раковину. Не буду дышать, покуда капля висит, — и Чарльз исчезнет; но нет, не поможет, задержать дыхание легче легкого.

— Ну, да ладно, — говорил Чарльз Ионе. — Зато меня любит Констанция, а это самое главное.

Констанция стояла у крыльца и дожидалась, пока Иона уступит ей дорогу, но он и ухом не повел — пришлось через него перешагнуть.

— Хочешь еще оладий? — спросила она Чарльза.

— Нет, спасибо. Я тут пытаюсь завязать знакомство с младшей сестренкой.

— Она к тебе скоро привыкнет. — Констанция смотрела прямо на меня. Иона принялся умываться, а я наконец надумала, что сказать:

— Нам сегодня дом убирать.

Дядя Джулиан проспал в саду все утро. Констанция то и дело отрывалась от уборки и подходила к окну взглянуть на него, порой она замирала там с тряпкой в руке, точно позабыв, что надо протирать мамину шкатулку; в шкатулке покоились жемчужное ожерелье, перстень с сапфиром и бриллиантовая брошь. Я выглянула из окна лишь однажды: дядя Джулиан сидел, закрыв глаза, а Чарльз стоял поодаль. Ужасно противно, что он расхаживает там, среди грядок, и под яблонями, и по лужайке, где спит дядя Джулиан.

— Папину комнату сегодня пропустим, — сказала Констанция. — Там

теперь живет Чарльз. — Потом она задумчиво сказала: — Может, надеть мамино ожерелье? Я еще никогда не носила жемчуг.

— Но его место в шкатулке. Придется вынимать.

— Вынимать — не вынимать, кому это интересно?..

— Мне интересно — с ожерельем ты станешь еще красивее.

Констанция рассмеялась и сказала:

— Что-то я поглупела. Вздумала зачем-то жемчуг надевать.

— Пускай лучше ожерелье в шкатулке лежит, на своем законном месте, — сказала я.

Чарльз закрыл дверь в папину комнату — не заглянешь; интересно — трогал он папины вещи? Может, положил шляпу, платок или перчатку на комод около папиных серебряных расчесок? И в шкаф, верно, заглядывал, и ящички все выдвигал. Папина комната — над парадным входом, Чарльз глядел из окна вниз, на длинную аллею, что ведет к воротам, — не мечтал ли поскорей дойти до них и обратиться отсюда подальше?

— Сколько времени Чарльз сюда ехал? — спросила я.

— Часа четыре. Или пять. До поселка на автобусе, а оттуда пешком.

— Значит, до дома ему тоже четыре-пять часов?

— Ну, конечно. Но пока он не уезжает.

— И сперва ему придется идти пешком в поселок?

— Если ты не подвезешь его на крылатом коне.

— Нет у меня никакого коня.

— Ох, Маркиса. Чарльз вовсе не плохой человек.

В зеркалах играли блики света, а в сумраке маминой шкатулки мерцали бриллианты и жемчужины. Тень Констанции плясала на стене, когда она шла к окну взглянуть на дядю Джулиана, а там, на улице, трепетала и переливалась под солнцем молодая листва. Чарльз проник сюда, потому что порвалась охранная сеть; вот восстановлю эту сеть, и Констанция окажется внутри, а Чарльз снаружи, и он непременно уедет. Надо смыть, стереть его следы по всему дому.

— Чарльз — призрак, — сказала я. Констанция вздохнула.

Я отполировала дверную ручку в папиной комнате — и один из следов Чарльза исчез.

Наверху все было убрано, и мы спустились с тряпками, помелом, мусорным ведром и шваброй — словно ведьмы с прогулки. В гостиной мы протерли золоченые ножки стульев, арфу, и все засияло, даже мамино голубое платье на портрете. Я нацепила тряпку на швабру и смахнула пыль с лепного свадебного пирога на потолке; я слегка пошатывалась, задирая голову, но представляла, будто потолок — это пол, и я просто подметаю и

смотрю вниз, на щетку, а сама — невесомая — парю в пространстве; комната раскачивается, кружится... И вот я снова стою на полу, глядя вверх.

— Чарльз еще не видел этой комнаты, — сказала Констанция. — Мама ею так гордилась, и почему я сразу не показала?

— Можно, я вместо обеда бутерброды возьму? Хочу пойти на протоку.

— Рано или поздно тебе придется сесть с ним за стол, Маркиса.

— Вечером, за ужином. Честное слово!

В столовой мы протирали все: и высокие деревянные спинки стульев, и серебряный чайный сервиз. Констанция поминутно бегала на кухню — взглянуть на дядю Джулиана; один раз я услышала, как она засмеялась и воскликнула: «Осторожно, там сплошная грязь!» Она говорила с Чарльзом.

— А куда ты посадила Чарльза вчера за ужином?

— На папино место, — ответила она и добавила:

— У него есть полное право: он гость и к тому же очень похож на папу.

— Он и сегодня там сядет?

— Да, Маркиса.

Я тщательно протерла папин стул, хотя что толку, если Чарльз сядет сюда снова? И все столовое серебро заново перетирать...

Закончив уборку, мы вернулись на кухню. Чарльз курил трубку за столом, и они с Ионой смотрели друг на друга. Табачный дым чужд нашей кухне, и плохо, что Иона опять смотрит на Чарльза. Констанция пошла в сад за дядей Джулианом; я услышала, как он сказал:

— Дороти? Нет, Дороти, я не сплю.

— Сестрица Мари меня не любит, — снова сказал Чарльз Ионе. — Как думаешь, Иона, знает сестрица Мари, как я расправляюсь с теми, кто меня не любит? Тебе помочь с каталкой, Констанция? Что, дядюшка, славно поспали?

Констанция сделала нам с Ионой бутерброды, мы ушли и забрались на дерево: я жевала, примостившись на нижней развилке, а Иона залез на ветку потоньше и караулил птиц.

— Иона, — выговаривала я ему, — не смей больше слушать брата Чарльза.

Иона удивленно таращился на меня: к приказам он не привык.

— Иона, — сказала я. — Он призрак. — Иона прикрыл глаза и отвернулся.

Надо выбрать надежное средство, чтобы прогнать Чарльза. Слабое или неверное колдовство навлечет на наш дом новые беды. Я вспомнила о маминых драгоценностях — недаром сегодня день сверкающих

предметов, — но вдруг они бессильны в пасмурный день? Да и Констанция рассердится, если я выну их из шкатулки, — ведь она и сама решила их не трогать. Я вспомнила о книгах: книги обычно обладают недюжинной охранной силой; но папина-то книжка свалилась с дерева, вот и удалось Чарльзу к нам проникнуть; наверно, над Чарльзом книги не властны. Прислонившись к стволу дерева, я размышляла о колдовстве: если Чарльз не исчезнет через три дня, я разобью зеркало в прихожей.

* * *

За ужином он сидел напротив меня, на папином стуле, и огромное белое лицо заслоняло серебряный сервиз за его спиной. Он внимательно смотрел, как Констанция нарезает курицу дяде Джулиану, как раскладывает на тарелке — чтобы тому было сподручнее; он пялился на дядю Джулиана, когда тот взял кусочек и принялся перекачивать во рту.

— Вот тебе булочка, дядя Джулиан, — сказала Констанция. — Съешь мякиш.

Констанция забыла, что я не ем заправленный салат; впрочем, я и незаправленный не стала бы есть, пока нависает над столом это огромное белое лицо. Ионе курица не полагалась, он просто сидел на полу, возле меня.

— Он всегда с вами ест? — Чарльз кивнул на дядю Джулиана.

— Когда хорошо себя чувствует.

— И как ты только выдерживаешь?

— Джон, я тебе вот что скажу, — неожиданно обратился к Чарльзу дядя Джулиан, — теперь уж деньги так выгодно не вложишь, как папа вкладывал. Он был человеком проницательным, но так и не понял, что времена меняются.

— С кем он разговаривает? — спросил Чарльз у Констанции.

— Он думает, что ты его брат Джон.

Чарльз долго смотрел на дядю Джулиана, а потом, покачав головой, принялся за курицу.

— Слева от вас, молодой человек, стул моей покойной жены, — произнес дядя Джулиан. — Я отлично помню, как она сидела здесь в последний раз, мы тогда...

— Об этом ни слова. — Чарльз погрозил пальцем дяде Джулиану; палец блестел от жира, потому что Чарльз ел курицу руками. — Мы об

этом больше не говорим.

Констанция была мною довольна — ведь я пришла к ужину — и взгляды мои встречала улыбкой. Она знала, что я не ем при чужих, она оставит мне все на тарелке, а потом даст поесть на кухне; про заправленный салат она явно забыла.

— Я утром заметил: ступенька на заднем крыльце сломана. — Чарльз взял блюдо с курицей и стал присматривать еще кусок. — Давай-ка я почию. Надо свой хлеб отрабатывать.

— Очень будет мило с твоей стороны, — отозвалась Констанция. — Мы без ступеньки давно мучаемся.

— Я завтра сбегая в поселок за табаком для трубки, могу купить все, что надо.

— Но в поселок по вторникам хожу я! — Я испугалась.

— Ты? — Он глядел на меня через стол: огромное белое лицо повернулось и глядело на меня в упор. Я притихла, вспомнив, что поселок — первый шаг на пути Чарльза домой.

— Маркиса, дорогая, я думаю, мысль отличная, если Чарльза это не затруднит. Мне всегда тревожно, когда ты уходишь в поселок. — Констанция засмеялась. — Чарльз, я дам тебе денег, список, и ты станешь мальчиком на посылках.

— Ты хранишь деньги в доме?

— Конечно.

— Не слишком разумно.

— Но они у папы в сейфе.

— Все равно неразумно.

— Уверяю вас, сэр, — произнес дядя Джулиан. — Я внимательнейшим образом просмотрел их конторские книги, а уж потом согласился иметь с ними дело. Меня не проведешь.

— Значит, я лишаю работы сестрицу Мари? — Чарльз опять посмотрел на меня. — Придется подыскать ей другую работу, Конни.

Я заранее, задолго до ужина, решила, что скажу ему.

— *Amanita phalloides*, — сказала я, — содержит три ядовитых вещества. Во-первых, аманитин, он действует медленно, но чрезвычайно сильно. Затем фаллоидин — действует мгновенно; и, наконец, фаллин, он растворяет красные кровяные тельца, хотя сильным действием не обладает. Первые признаки отравления проявляются через сорок часов. Признаками являются резкие острые боли в животе, холодный пот, рвота...

— Послушай, — Чарльз положил кусок курицы на тарелку, — ты это брось.

А Констанция смеялась:

— Ой, Маркиса, — она захлебывалась от смеха, — какая же ты глупышка! Это я ее научила, — пояснила она Чарльзу. — У протоки и в поле растут грибы, и я заставила ее выучить все о ядовитых грибах. Ой, Маркиска!

— Смерть наступает спустя пять — десять дней после отравления, — продолжала я.

— Ничего смешного, — сказал Чарльз.

— Глупышка—Маркиска! — повторила Констанция.

6

Чарльз, хоть и ушел в поселок, по-прежнему угрожал дому; к тому же Констанция дала ему ключ от калитки. Когда-то у каждого из нас было по ключу — у папы, у мамы, у всех, — и висели они на крючке возле кухонной двери. Когда Чарльз отправился в поселок, Констанция сняла ему ключ — наверно, папин — и дала список для лавки и деньги: расплатиться за покупки.

— Опрометчиво хранить деньги в доме. — С минуту он крепко держал деньги в руке, потом полез в задний карман за кошельком. — Не следует одиноким женщинам держать деньги в доме.

Я забила в свой уголок, но Иону к себе не подпускала, покуда Чарльз не ушел.

— Ты ничего не забыла? — спросил он Констанцию. — Терпеть не могу ходить дважды.

Когда он был уже далеко и дошел, должно быть, до черного камня, я сказала:

— Он забыл библиотечные книги.

Констанция посмотрела на меня пристально.

— Мисс Злючка, вы нарочно не напомнили.

— Что ему до наших книг? Он в доме чужой, ему и дела нет до наших книг.

— Представляешь, — Констанция заглянула в кастрюльку на плите, — скоро будем салат собирать, такая теплынь стоит.

— А на Луне... — начала я, но замолчала.

— На Луне, — Констанция обернулась с улыбкой, — ты, конечно, ешь салат круглый год?

— На Луне всегда есть всё. И салат, и тыквенный пирог, и Amanita phalloides. И растения, пушистые, как кошки, и кони поводят крыльями, точно танцуют. На Луне дядя Джулиан выздоровеет, и там всегда будет светить солнце. Ты наденешь мамин жемчуг и станешь петь, а солнце будет светить всегда.

— Я тоже хочу на твою Луну. Не замесить ли имбирную коврижку? Или остынет? Вдруг Чарльза долго не будет?

— Не пропадет твоя коврижка, я ее сама съем.

— Чарльз сказал, что обожает имбирную коврижку.

Я строила на столе домик из библиотечных книг, две на ребро —

стенки, а третья сверху, поперек, — крыша.

— Ты старая колдунья, — сказала я. — И живешь ты в имбирной избушке.

— А вот и нет, — отозвалась Констанция. — Я живу в чудесном доме с сестренкой Маркисой.

Я рассмеялась, глядя на нее: хлопочет над своими кастрюльками, лицо все в муке.

— Может, он никогда не вернется, — сказала я.

— Вернется-вернется — я ему коврижку пеку.

Чарльз лишил меня работы — заняться нечем. Я решила было пойти на протоку, но одумалась: протоки там могло не оказаться вовсе, ведь по вторникам я туда никогда не ходила. А поселковые, верно, поджидают меня, посматривают на дорогу, подмигивают и вдруг столбенеют — вместо меня идет Чарльз. Где же, где Мари Кларисса Блеквуд? — все ошеломлены. Я хихикнула: Джим Донелл и мальчишки Харрисы небось все глаза проглядели — не иду ли?

— Чего смеешься? — Констанция повернулась.

— Я придумала: ты слепишь имбирного человечка, а я назову его Чарльз и съем.

— Ох, Маркиса, ты опять за свое.

Констанция сейчас рассердится — и на меня, и на коврижку; уберусь-ка лучше из кухни подобру-поздорову. Впереди все утро, но дом покидать не хочется, да и самое время поискать средство против Чарльза; я направляюсь вверх, а запах имбиря преследует меня почти до второго этажа. Чарльз оставил дверь в комнату приоткрытой — не настежь, но вполне достаточно, чтобы просунуть руку.

Я толкаю сильнее, дверь открывается, и глазам предстает папина комната — теперь это комната Чарльза. Постель за собой он убрал — видно, мать в детстве научила. Чемодан на стуле, но закрыт; есть его вещи и на комод, среди папиных: там и трубка, и носовой платок — все, чем осквернил Чарльз папину комнату. Один из ящиков комода слегка выдвинут: все-таки Чарльз рылся в папиных вещах. На цыпочках почти бесшумно, а то Констанция внизу услышит — подхожу к ящику. Чарльз, верно, разглядывал папины! вещи украдкой; узнай он, что я пронюхала, непременно бы разозлился; значит, вещи из этого ящика наверх наверняка обладают над Чарльзом величайшей властью, ведь они несут печать его вины. Я ничуть не удивилась, обнаружив, что он рылся в драгоценностях: в выдвинутом ящике оказалась обтянутая кожей шкатулка, а в: ней — я знала — золотые часы с цепочкой, запонки и перстень с печаткой. Мамины

драгоценности мне трогать не разрешалось, а про папины у нас с Констанцией речи не было, мы в этой комнате вчера даже не убрали; наверно, можно открыть шкатулку и что-нибудь вынуть?

Часы покоятся отдельно, на атласной подушечке, и молчат — не тикают; возле них змейкой свернулась цепь. К перстню я не притронулась, от перстней и колец все внутри сжимается, стягивается проволокой, колец не разомкнуть — они безвыходны; а вот цепочка от часов мне понравилась, стоило вынуть — она обвилась, прильнула к руке. Я бережно поставила шкатулку в ящик, плотно задвинула его и вышла, прикрыв за собой дверь; я отнесла цепочку к себе, и там, на подушке, она снова свернулась сонной золотой змейкой. Сначала я решила ее закопать, но пожалела: она и так долго лежала в темноте шкатулки в папином ящике, она заслужила место наверху, прибью-ка ее вместо упавшей с дерева книжки, пусть сияет там в солнечных лучах... Констанция на кухне пекла имбирную коврижку, дядя Джулиан спал у себя в комнате, Чарльз обследовал поселковые магазины, а я лежала на кровати и играла с золотой цепочкой.

* * *

— Это золотая цепочка от часов брата, — дядя Джулиан, любопытствуя, вытянул шею. — Я полагал, что его похоронили при часах.

Чарльз трясущейся рукой протягивал цепочку, рука так и ходила ходуном на фоне желтой стены.

— На дереве! — Его голос тоже дрожал. — Я нашел ее на дереве, прибитую; Господи Боже мой! Что у вас за дом?!

— Ерунда, — сказала Констанция. — Поверь, Чарльз, это суцья ерунда.

— Ерунда?! Конни, эта штука сделана из золота!

— Но она никому не нужна.

— Повреждено одно звено, — Чарльз все оплакивал цепочку. — А я мог бы ее носить. Какого черта вы так обращаетесь с ценными вещами? Мы могли бы ее продать, — сказал он Констанции.

— Зачем?

— Я-то был совершенно уверен, что его похоронили при часах с цепочкой, — сказал дядя Джулиан. — Брат не из тех, кто легко расстаётся с вещами. Полагаю, он просто не знал, что ее отобрали.

— Она дорогая, — Чарльз терпеливо объяснял Констанции. — Это

золотая цепочка, она, вероятно, стоит немалых денег. Разумные люди не прибывают на деревья такие ценные вещи.

— Успокойся, обед остынет.

— Я возьму ее и положу обратно в шкатулку, — сказал Чарльз. Никто, кроме меня, не заметил, что он знает, где ей положено лежать. Он поглядел на меня. — Мы еще выясним, как цепочка попала на дерево.

— Ее повесила Маркиса, — сказала Констанция. — Садись обедать.

— Откуда ты знаешь? Про Мари?

— Она всегда так делает, — Констанция улыбнулась мне. — Глупышка — Маркиса.

— Неужели правда? — Чарльз медленно пошел к столу, не сводя с меня глаз.

— Брат любил себя чрезвычайно, — произнес дядя Джулиан. — Самовлюбленный человек и весьма нечистоплотный.

* * *

На кухне все стихло; Констанция пошла укладывать дядю Джулиана, он всегда спал после обеда.

— Куда же денется бедняжка Мари, если сестра выгонит ее из дома? — спросил Чарльз у Ионы; тот прислушался. — Что станет с бедняжкой Мари, если Констанция и Чарльз ее разлюбят?

* * *

Не знаю, с чего мне вдруг взбрело в голову, что Чарльза можно попросить — и он уедет. Я отчего-то решила, что достаточно попросить его повежливей; наверно, сам он об отъезде и не думает — так надо ему напомнить. И поскорее, иначе дом пропитается его духом насквозь — не смоешь, не вытравишь никогда. Дом и так уже пропах им, его табаком и лосьоном для бритья; братец целыми днями топает по всем комнатам, оставляет на кухне трубку, раскидывает повсюду перчатки, кисет и бесчисленные коробки спичек. Он ходит в поселок каждый день, приносит газеты и бросает их повсюду, даже на кухне, а там они могут попасться на глаза Констанции. Искрой от трубки он прожег обивку на стуле в гостиной; Констанция не заметила, а я решила ей не показываться надеялась, что

теперь оскорбленный дом отторгнет Чарльза сам.

— Констанция, он не говорил, что собирается уезжать? — спросила я одним прекрасным утром; Чарльз жил в доме уже три дня.

Констанция сердилась все больше и больше, когда я заговаривала о его отъезде; прежде она всегда слушала меня с улыбкой и сердилась только, когда мы с Ионой нашкодим; теперь часто хмурилась, словно вдруг взглянула на меня иными глазами.

— Я уже сто раз тебе говорила: не смей болтать глупости про Чарльза. Он наш брат, мы его пригласили, а уедет он — когда захочет.

— Дяде Джулиану от него хуже.

— Просто Чарльз старается отвлечь дядю Джулиана от печальных воспоминаний. И я с ним согласна. Дяде Джулиану надо больше радоваться.

— Зачем ему радоваться, если он все равно умрет?

— Я не исполнила свой долг, — сказала Констанция.

— Что такое долг?

— Я здесь пряталась, — Констанция говорила медленно, точно подбирала слова на ощупь. Она стояла у плиты в солнечных лучах — золотоволосая, синеглазая, но не улыбочивая — и медленно говорила:

— Из-за меня дядя Джулиан живет прошлым, бесконечно проживает тот ужасный день. И ты у меня совсем одичала; когда ты причесывалась в последний раз?

Я не позволю себе сердиться, а на Констанцию — тем более! Но чтоб он сдох, этот Чарльз! Констанцию нужно защищать, как никогда прежде; если я разозлюсь или отвлекусь, она запросто погибнет. Я осторожно начала:

— На Луне...

— На Луне, — Констанция обидно засмеялась. — Я сама во всем виновата. Я не понимала, что нельзя пускать все на самотек и бесконечно прятаться. Я виновата перед тобой и перед дядей Джулианом.

— Так-то твой Чарльз ступеньку чинит?

— Дяде Джулиану место в больнице, с нянями и сиделками. А ты... — Она широко раскрыла глаза, точно увидела вдруг свою Маркису, и протянула ко мне руки. — Ох, Маркиска! — Она тихонько рассмеялась. — Я тоже хороша: вздумала тебя ругать.

Я подошла к ней и обняла:

— Я люблю тебя, Констанция.

— Ты хорошая девочка, Маркиса, — сказала она.

И тогда я пошла разговаривать с Чарльзом. Разговор — я знала —

дастся мне нелегко, время вежливых разговоров почти упущено, но все же разок попробую. Даже сад утратил красоту: там, возле яблонь, маячил Чарльз, и яблони согнулись и искривились. Я спустилась с крыльца и медленно направилась к Чарльзу. Я пыталась пробудить милосердие в своей душе — ведь говорить надо по-хорошему; но стоило мне вспомнить, как это огромное белое лицо глазеет и ухмыляется, мне хотелось лишь одного: бить, дубасить, колотить — лишь бы лицо исчезло, мне хотелось увидеть в траве хладное тело и топтать, топтать его... Но милосердие в себе я все же пробудила и медленно подошла к Чарльзу.

— Брат Чарльз, — окликнула я. Он повернулся. И мне опять захотелось, чтобы он умер.

— Брат Чарльз...

— Что тебе?

— Я хочу попросить вас: уезжайте, пожалуйста.

— Ладно, — сказал он. — Считай, что попросила.

— Прощу, уезжайте. Вы уедете?

— Нет.

Больше мне сказать было нечего. Из его кармана свисала папина золотая цепочка от часов: нацепил, несмотря на помятое звено; и часы папины наверняка в кармане. Завтра он непременно наденет папин перстень с печаткой и, возможно, заставит Констанцию надеть мамино жемчужное ожерелье.

— От Ионы отвяжитесь, — сказала я.

— Еще неизвестно, кто из нас двоих останется здесь через месячишко: ты или я.

Я бросилась к дому, ворвалась в папину комнату и туплей ударила по зеркалу над комодом — оно треснуло поперек. Тогда я ушла к себе и заснула у окошка, положив голову на подоконник.

* * *

Все эти дни я хорошо помнила, что надо быть добрей к дяде Джулиану. Я его жалела: он почти не выходил из комнаты, получал на подносе и завтрак, и обед и лишь к ужину выбирался в столовую — под презрительный взгляд Чарльза.

— Кормила б его с ложки, что ли? — говорил Чарльз Констанции. — Он же выпачкался с головы до ног.

— Простите, я нечаянно, — дядя Джулиан глядел на Констанцию.

— Впору слюнявчик надевать, — смеялся Чарльз.

По утрам на кухне Чарльз уминал все подряд: и ветчину, и картошку, и яичницу, и горячие булочки, и пончики, и гренки, а дядя Джулиан дремал над остывающим молоком в своей комнате; порой, когда он звал. Констанцию, Чарльз говорил:

— Да скажи, что занята! Он под себя ходит, а ты пляшешь вокруг целыми днями. Помыкает тобой, как хочет!

В эти солнечные утра я старалась позавтракать до прихода Чарльза; если не успевала — забирала тарелку и садилась доедать на траву под каштаном. Как-то я подошла к окну дяди Джулиана с нежным, свежим листом каштана и положила на подоконник. Я стояла на солнышке и заглядывала в темную комнату: он лежал неподвижно, и ему снились сны — причудливые сны старого дяди Джулиана; надо быть к нему добрее; пошла на кухню и сказала Констанции:

— Испеки дяде Джулиану к обеду мягкий пирожок.

— Констанция сейчас занята, — произнес Чарльз с набитым ртом. — Твоя сестра и так батрачит, разгибая спины.

— Испечешь? — спросила я снова.

— Прости, дел много.

— Но дядя Джулиан умирает.

— Констанция очень занята, — сказал Чарльз. — Беги, играй.

* * *

Однажды я пошла вслед за Чарльзом; дальше черного камня мне дороги не было: сегодня не пятница и не вторник; я осталась у черного камня и смотрела на Чарльза, идущего по Главной улице. Он поболтал со Стеллой — она грелась на солнышке у порога кафе — и купил у нее газету; потом подсел к сплетникам — тут уж я повернулась и пошла к дому. Если мне доведется снова идти в лавку, Чарльз наверняка окажется среди злобных зевак. Констанция возилась в саду, дядя Джулиан спал в каталке на припеке; я тихонько присела на скамейку, и Констанция, не поднимая головы, спросила:

— Где ты была, Маркиса?

— Бродила. Где мой кот?

— Знаешь, хватит бродить, мы тебе запрещаем. Пора остепениться.

— Это кто же «мы» — ты и Чарльз?

— Маркиса, — Констанция обернулась ко мне. Она так и осталась стоять на коленях на земле, только сцепила руки. — Я до недавнего времени не осознавала, насколько я не права, что обрекла тебя и дядю Джулиана на затворничество. Зачем мы прятались от людей, почему не жили как все? Дядя Джулиан давным-давно мог бы лечь в больницу, там хороший уход, там есть сиделки. А тебе, — она беспомощно развела руками. — Тебе пора иметь поклонников, — вымолвила она наконец и рассмеялась. Даже ей подумать смешно.

— У меня есть Иона, — сказала я, и мы принялись смеяться вместе, дядя Джулиан вдруг пробудился и тоже закричал по-стариковски.

— Ты глупейшая на свете глупышка, — сказала я Констанции и отправилась искать Иону. Пока я бродила, вернулся Чарльз, принес газету и бутылку вина — себе к ужину, принес он и папино кашне — я накрепко примотала им калитку, чтобы Чарльз, хоть и с ключом, не мог вернуться обратно.

— Я мог бы этот шарф носить, — произнес он раздраженно; я сидела на огороде среди листьев салата возле спящего Ионы, но явственно слышала голос Чарльза. — Вещь дорогая и по цвету мне подходит.

— Это отцовское кашне, — сказала Констанция.

— Кстати, на днях я намерен перебрать всю его одежду. — Он замолчал: усаживался, должно быть, на мою скамейку. Потом небрежно продолжил:

— Да, еще, пока я здесь, надо бы просмотреть бумаги твоего отца. Вдруг там что-нибудь важное?

— Только не мои, — произнес дядя Джулиан. — Пусть этот молодой человек не вздумает прикасаться к моим бумагам.

— Я даже кабинета твоего отца не видел, — сказал Чарльз.

— Мы туда редко заходим, там с тех пор никто ничего не трогал.

— Кроме сейфа, конечно, — уточнил Чарльз.

— Констанция?

— Что, дядя Джулиан?

— Пускай мои бумаги достанутся тебе, И чтоб никто, слышишь, никто к ним не прикасался!

— Хорошо, дядя Джулиан.

Сейф с деньгами мне открывать не разрешалось. Просто зайти в кабинет можно, но мне там не нравилось — я и к двери-то никогда не подходила. Нечего Констанции впускать Чарльза в папин кабинет, у него и без того папина спальня, и папины часы с цепочкой, и папин перстень с

печаткой. Нелегко, наверно, быть демоном и призраком, даже Чарльзу это непросто: следи непрестанно, чтоб маска не сползла, иначе узнают в тебе демона и прогонят; и за голосом следи, и за выражением лица, и за повадками — а то выдашь себя и пропал. Интересно, предстанет он в своем истинном обличье, если умрет? Похолодало; Констанция, должно быть, повезла дядю Джулиана в дом; я тоже пошла, оставив спящего Иону в зарослях салата. Дядя Джулиан судорожно сгребал свои бумажки в стопку, а Констанция чистила картошку. Чарльз топал наверху, и кухня без него показалась мне теплой, яркой, радостной.

— Иона спит в листьях салата, — сказала я.

— Кошачья шерсть — лучшая приправа к салату, — ласково отозвалась Констанция.

— Пора завести коробку, — провозгласил дядя Джулиан. Он откинулся в каталке и сердито смотрел на свои бумаги. — Все пора сложить в коробку, немедленно. Слышишь, Констанция?

— Хорошо, дядя Джулиан, я найду тебе коробку.

— Сложу бумаги в коробку, поставлю коробку в своей комнате, и этот проходимец их не тронет. Констанция, он проходимец!

— Ну что ты, дядя. Чарльз хороший, добрый человек.

— Он бесчестен. И отец его был бесчестен. Оба мои брата были бесчестны. И не разрешай ему брать мои бумаги, я не позволю рыться в моих бумагах, я не потерплю, чтоб он совал сюда свой нос. Так ему и передай. Он выродок, незаконнорожденный ублюдок.

— Дядя Джулиан!

— В переносном смысле, разумеется. Оба моих брата женились на сильных женщинах; но так уж повелось у мужчин говорить о неприятных людях — для красного словца... Прости, что оскорбил твой слух, дорогая.

Констанция молча подошла к двери в подпол, лестница за дверью вела к бесчисленным банкам и баночкам. Констанция тихонько спускалась по лестнице; шаги Чарльза доносились сверху, шага Констанции — снизу.

— Вильгельм Оранский был незаконнорожденным, — пробормотал дядя Джулиан и, схватив обрывок бумаги, записал эту мысль. Констанция вернулась из подпола с коробкой для дяди Джулиана.

— Вот тебе чистая коробка.

— Зачем?

— Сложить бумаги.

— Этот молодой человек не смеет трогать мои бумаги. Констанция, я не потерплю, чтоб он трогал мои бумаги.

— Это я во всем виновата, — Констанция повернулась ко мне. — Надо

было положить его в больницу.

— Констанция, дорогая, я переложу бумаги в коробку, дай-ка мне ее, будь любезна.

— Но ему здесь хорошо, — сказала я.

— Все надо было сделать иначе.

— Бессердечно отдавать его в больницу.

— Придется, если я... — Констанция вдруг осеклась и отвернулась к раковине с картошкой. — Добавить грецких орехов в яблочное пюре?

Я застыла. Я вслушивалась в недосказанное. Время иссякает, оно тисками сдавило дом, оно губит меня... Пора разбить зеркало в прихожей. Шаги Чарльза слышны на лестнице — в прихожей — на кухне.

— О, я вижу, все в сборе, — произнес он. — Что на ужин?

Вечером Констанция играла в гостиной; длинная тень от арфы плавно изгибалась на мамином портрете, звуки лепестками осыпались со струн. Она играла «По морю на небеса», «Беги, река моя, беги», «Я видел женщину» — все, что когда-то играла мама, но никогда мамины пальцы не перебирали струн так легко, так согласно с мелодией. Дядя Джулиан старался не заснуть, то слушал, то задремывал; Чарльз не осмелился задрать ноги на диванную спинку, но он все время ерзал, а табачный дым клубился вокруг свадебного пирога на потолке.

— Нежнейшее туше, — произнес дядя Джулиан. — Все женщины в семье Блеквудов — прирожденные музыкантши.

Чарльз поднялся и выбил трубку о каминную решетку.

— Как мило, — он взял в руки фигурку из дрезденского фарфора. Констанция перестала играть, и он обратился к ней: — Ценная вещь?

— Нет. Но мама их очень любила.

Дядя Джулиан сказал:

— Больше всего мне нравятся «Шотландские колокольчики». Констанция, дорогая, сыграй...

— Хватит на сегодня, — оборвал его Чарльз. — Нам с Констанцией надо поговорить, дядя. Пора обсудить дальнейшую жизнь.

Четверг — день моего наивысшего могущества. Его-то я и выбрала, чтобы покончить с Чарльзом раз и навсегда. Поутру Констанция замесила тесто на пряное печенье — решила испечь к ужину; конечно, зря она эту возню затеяла: четверг-то оказался последним днем, только мы этого не знали заранее. Даже дядя Джулиан не подозревал; в то утро Констанция вывезла его на кухню, окутанную ароматами корицы и мускатного ореха, — ему было лучше, и он снова принялся запихивать бумаги в коробку. Чарльз взял молоток, нашел гвозди и доску и теперь нещадно колотил по крыльцу; из окошка я увидела, что бьет он неумело, и обрадовалась: пускай-ка саданет себе молотком по пальцу. Убедившись, что все при деле, я украдкой — чтобы не услышала Констанция — пробралась наверх, в папину комнату. Первым делом надо остановить папины часы, которые завел Чарльз. Он чинит крыльцо — значит, часы наверняка не надел, да и цепочка из его кармана с утра не свисала; часы, цепочка и перстень с печаткой обнаружили на папином комоду, там же валялся кiset и четыре коробка спичек. Спички мне вообще трогать запрещено, но уж эти — Чарльзовы — я и подавно не трону. Я поднесла часы к уху: послушать, как тикают; на прежнее место стрелки не вернуть, часы идут уже двое или трое суток, но я крутила и крутила стрелки назад, покуда не услышала жалобный хруст — часы встали. Уверившись, что Чарльзу их не завести, я бережно положила часы на прежнее место; по крайней мере одна вещь в доме освобождена от чар, панцирь Чарльза дал трещину. С цепочкой все в порядке — ломать не надо, и так сломана; а перстней я не люблю. Чарльз заколдовал все в доме — не выветришь; но если изменить, переиначить сперва папину комнату, потом кухню, гостиную, кабинет и, наконец, сад — Чарльз заплутает, растеряется, не узнает ничего вокруг, он решит, что это другой — не наш — дом, и уедет. И вот я переиначиваю папину комнату — быстро и бесшумно.

Еще ночью, в темноте, я принесла из леса в большой корзине коры, палок, листьев, а еще битого стекла и железок с опушки. Иона проводил меня до леса и обратно, его забавляло, что все спят, а мы бродим. Теперь, переиначивая папину комнату, я сняла со стола книги, а с кровати одеяла; вместо них набросала осколков, железок, коры, палок и листьев. Забрать папины вещи к себе в комнату нельзя; я прокралась на чердак, где лежат их вещи, и сложила все там. На кровать Чарльза я вылила целый кувшин воды

— не спать ему там больше! Зеркало над комодом уже разбито — в нем Чарльз себя не увидит. Он не найдет ни книг, ни вещей, он заплутает среди листьев и палок. Я сорвала занавески и оставила их на полу, теперь уж он волей-неволей выглянет из окна: на аллею и шоссе, что уводит далеко-далеко.

Я удовлетворенно оглядела комнату. Вряд ли такой разгром придется по душе демону-призраку. Я уже лежала на своей кровати и играла с Ионией, когда в саду заорал Чарльз:

— Это уж чересчур! — орал он. — Слышишь, чересчур!

— Что на сей раз? — Констанция подошла к кухонной двери; из глубины кухни дядя Джулиан сказал:

— Вели этому молодчику — пусть заткнется!

Я тут же выглянула: прибить гвоздь Чарльзу оказалось не по силам — молоток и доска на земле, а ступенька по-прежнему сломана; Чарльз шел от протоки и что-то нес; интересно, что?

— Ты представляешь! Я просто глазам своим не поверил! — Он подошел совсем близко, но продолжал орать. — Ты взгляни, Конни, ты только взгляни!

— Это Маркисино, — сказала Констанция.

— С какой стати Маркисино? Это же деньги!

— Да я помню, помню, — сказала Констанция. — Серебряные монеты. Я даже помню, когда она их закопала.

— Но здесь долларов двадцать или даже тридцать! Возмутительно!

— Она обожает закапывать.

Чарльз все орал и яростно размахивал шкатулкой с монетами. Вот бы уронил, представляю: Чарльз на четвереньках шарит по траве — мое серебро ищет.

— Это не ее деньги, — гремел он. — По какому праву она их прячет?!

И как его угораздило найти шкатулку? Наверно, они притягиваются — деньги к Чарльзу, а Чарльз деньгам, — притягиваются и вблизи, и вдали. А может, он методично перекапывает всю нашу землю в поисках сокровищ?

— Это чудовищно, — орал он. — Чудовищно! У нее нет никакого права!

— Да кому от этого хуже? — озадаченно спросила Констанция.

На кухне дядя Джулиан настойчиво требовал Констанцию и стучал кулаком об стол.

— А вдруг она еще где-то деньги зарыла? — Чарльз обвиняюще потрясал шкатулкой. — Вдруг эта чокнутая девица закопала сотни, тысячи долларов — да так, что ни тебе, ни мне не найти?!

— Она любит закапывать, — сказала Констанция. — Иду, дядя Джулиан.

Чарльз вошел на кухню следом за ней, нежно прижимая к себе шкатулку. Можно, конечно, закопать ее обратно — потом, когда он уедет, но все равно противно. Я вышла к лестнице и увидела сверху, как Чарльз направляется через прихожую в кабинет: он явно собирался засунуть мою шкатулку в папин сейф. Я тихонько сбежала по ступеням и — через кухню — на улицу. Констанция сказала:

— Глупышка Маркиска. — Она раскладывала пряное печенье ровными рядами — остывать.

Я задумалась: что сделать с Чарльзом? Может, превратить в муху и забросить пауку в паутину: пускай трепыхается, спутанный по рукам и ногам, пускай жужжит и умирает в мушином обличье; я стану желать ему смерти, и он непременно умрет. А может, привязать его к дереву навечно, чтобы тело вросло в ствол, а рот покрылся корой? Или закопать в землю вместо шкатулки? Монеты так надежно лежали там до его приезда; окажись Чарльз под землей, я с радостью пройду по нему, да еще и притопну вдобавок.

Он даже не потрудился закидать яму. Представляю: шел он, шел и вдруг заметил, что земля копаная; остановился, присмотрелся и принялся бешено рыть обеими руками, сердито озираясь, и наконец — задыхающийся, алчный, потрясенный — извлек мою шкатулку с монетами.

— Я не виновата, — сказала я яме.

Надо похоронить здесь что-нибудь другое, лучше всего — самого Чарльза. Яма для его головы как раз впору. Я нашла подходящий круглый камень и рассмеялась: нацарапала на нем нос, рот, глаза и похоронила в яме.

Прощай, Чарльз, — сказала я. — И впредь здесь не шастай и чужого не трогай.

У протоки я пробыла около часа; как раз в это время Чарльз наконец поднялся в комнату, которая была отныне не его и не папиной... На миг мне почудилось, что Чарльз и в убежище моем побывал, но нет — все на месте, а Чарльз наверняка все бы перерыл. Но поблизости он все-таки был — я чувяла его дух; пришлось заменить траву и листья с моего ложа и вытрясти одеяло. И плоский камень, иногда служивший мне столом, я отмыла дочиста, и ветку перед входом заменила. Интересно, вернется Чарльз сюда искать новые клады? А мои разноцветные стеклянные шарики ему тоже понравятся? В конце концов я проголодалась и отправилась домой. Чарльз по-прежнему кричал на кухне.

— Уму непостижимо! — пронзительно вопил он. — Просто уму непостижимо!

Сколько же он намерен так орать? Дом полнится черным колдовским звоном, голос Чарльза становится все выше. Он кричит все тоньше — вот-вот запищит, как мышь. Но до этого дело не дошло; увидев меня на ступенях, Чарльз умолк, а потом снова заговорил, но уже пониже и помедленней.

— Вернулась, значит... — С места он не сдвинулся, но произнес это так, будто пошел прямо на меня.

Я на него не глядела, я глядела на Иону, а он — на Чарльза.

— Я еще не решил, как с тобой расправиться, сказал Чарльз. — Но урок мой ты запомнишь крепко.

— Чарльз, не пугай ее. — Голос Констанции мне тоже не понравился — чужой и нерешительный. — Это же я виновата. — Она теперь постоянно винила себя во всем.

Мне захотелось помочь Констанции или хотя б рассмешить ее.

— *Amanita pantherina*, — сказала я, — чрезвычайно ядовита. *Amanita rubescens* — съедобна и вкусна. *Cicuta maculata* — одно из самых ядовитых диких растений. *Arosynum cannabinum* не относится к наиболее ядовитым растениям, но паслен сладко-горький...

— Замолчи, — сказал притихший Чарльз.

— Констанция, — сказала я. — Мы с Ионой пришли обедать.

— Сначала тебе придется объясниться с братом Чарльзом, — ответила она, и я похолодела.

Чарльз сидел за столом, чуть повернув стул к двери, — хотел видеть меня на пороге. За его спиной, облокотясь на раковину, стояла Констанция. Дядя Джулиан перекладывал бумажки за своим столом. Кухня была заставлена остывающим пряным печеньем, пахло корицей и мускатным орехом. Интересно, Ионе достанется пряное печенье? Нет, не досталось, ведь этот день оказался последним.

— Послушай, — начал Чарльз. Он притащил на кухню палок и мусора — сколько в руках унес, — хотел, видно, доказать Констанции, что они, в самом деле, были в его комнате; а может, он так и комнату собирается расчистить — пригоршня за пригоршней? Палки и грязь на чистейшем кухонном столе — картина удручающая, оттого-то Констанция такая грустная.

— Послушай, — повторил Чарльз.

— Я не могу работать — этот молодой человек болтает без умолку, — сказал дядя Джулиан. — Констанция, вели ему помолчать немного.

— Кстати, вас тоже касается, — Чарльз говорил по-прежнему тихо. — Довольно я терпел вас обоих, хватит. Одна в комнате гадит, деньги в землю закапывает, другой даже имени моего запомнить не может.

— Чарльз, — уточнила я его имя для Ионы. Деньги-то я закапывала, но имя его помню; а бедный, старый дядя Джулиан ничего не может: ни деньги закопать, ни имени вспомнить. Надо все-таки быть добрее к дяде Джулиану.

— Дашь дяде Джулиану пряного печенья на ужин? — спросила я Констанцию. — И Ионе дай.

— Мари Кларисса, — произнес Чарльз. — Тебе дается последняя возможность объясниться. Почему ты устроила в комнате хлев?

Отвечать ему незачем. Он же не Констанция; да и любое мое слово он использует, чтобы снова захватить власть над домом. Я сидела на ступеньке и чесала Иону за ушком, а ушко слегка подергивалось.

— Отвечай, — сказал Чарльз.

— Сколько раз повторять тебе, Джон, я об этом ровным счетом ничего не знаю, — дядя Джулиан ударил кулаком по столу, и бумажки разлетелись. — В женские дразги я не вникаю. Жены цапаются — пускай, нам в их склоки вступать не пристало. Попреки чужды мужчинам, тем более нельзя грозить друг другу, если повздорили жены. Ты мелочен, Джон, ты мелочен.

— Да заткнитесь! — закричал Чарльз; хорошо, что он снова кричит. — Констанция, — сказал он потише, — это какой-то кошмар. С этим надо кончать, немедленно кончать!

— ...не потерплю, чтобы родной брат затыкал мне рот. Мы покинем твой дом, Джон, если таково твое желание. Но одумайся, прошу тебя. Мы с женой...

— Это я во всем виновата, только я, — Констанция говорила так, будто вот-вот заплачет. Нет, нельзя, невозможно, она не плакала столько лет! Подбежать бы к ней, утешить, да ноги точно свинцом налились, и внутри все окаменело.

— Ты — черная сила, — сказала я Чарльзу. — Ты призрак и демон.

— Что? Какого черта?!

— Не обращай внимания, — сказала Констанция. — Маркиса несет чепуху.

— Я, Джон, все больше сомневаюсь в твоём благородстве. Ты корыстолюбец и, возможно, даже подлец, ты хочешь все в этом мире прибрать к рукам.

— Это психдом, — убежденно сказал Чарльз, — Констанция, это

психдом.

— Я сейчас уберу в твоей комнате, Чарльз, не сердись, умоляю тебя. — Констанция бросила на меня сердитый взгляд, но я сидела как каменная, не в силах пошевелиться.

— Послушайте, дядя Джулиан, — Чарльз встал и подошел к столу.

— Не прикасайся к моим записям, — дядя Джулиан попытался прикрыть бумажки руками. — Не тронь мои записи, выродок.

— Кто я?! — спросил Чарльз.

Дядя Джулиан обратился к Констанции:

— Прости, это не для твоих ушей. Но все же вели этому юному выродку держаться отсюда подальше.

— Хватит, — оборвал Чарльз дядю Джулиана. — Наслушался. Я не собираюсь трогать ваши идиотские бумаги, и я никакой не Джон.

— Разумеется, ты не Джон, ты и ростом не вышел. Ты просто юный выродок, и отправляйся-ка к своему отцу, который, к моему величайшему сожалению, приходится мне братом. Так ему и передай. И мать пусть слышит, она женщина сильная, да родных не жалует — это она порвала с нами родственные отношения. Если захочешь, повтори самые крепкие мои слова в ее присутствии, я разрешаю.

— Но все давно забылось, дядя Джулиан; мы с Констанцией...

— Это ты забылся, юноша, ты не смеешь говорить со мной таким тоном. Отрадно слышать, что ты раскаялся, но ты отнял у меня слишком много времени. И сиди теперь тише воды, ниже травы!

— Сначала я договорю с вашей племянницей Мари Клариссой.

— Моя племянница Мари Кларисса давным-давно умерла, юноша. Не пережила потери родных. Я полагал, тебе это известно.

— Что? — Взбешенный Чарльз повернулся к Констанции.

— Моя племянница Мари Кларисса умерла в приюте от тоски и одиночества, пока ее сестру таскали по судам по обвинению в убийстве. Но она в моей книге существенной роли не играет. Хватит о ней.

— Вот же она сидит! — Чарльз махнул рукой в мою сторону, лицо его налилось кровью.

— Молодой человек! — Дядя Джулиан отложил карандаш и развернулся к Чарльзу. — Я, по-моему, указывал вам на важность моей работы. Но вы продолжаете мне мешать. С меня довольно. Замолчите или выйдите вон!

Я хохотала без удержу, даже Констанция улыбалась. Чарльз оторопело глядел на дядю Джулиана, а тот, повернувшись к бумагам, ворчал себе под нос:

— Невоспитанный, бесцеремонный щенок... Констанция?
— Что, дядя Джулиан?
— Он вообще слишком много на себя берет. Когда он уезжает?
— Никуда я не уезжаю, — произнес Чарльз. — Я остаюсь здесь.
— Это невозможно, — сказал дядя Джулиан. — У нас нет места.
Констанция?

— Что, дядя Джулиан?
— Сделай мне на обед отбивную. Маленькую, в меру прожаренную. С грибами.

— Хорошо. — Констанция воспрянула духом. — Пора приниматься за обед. — И она с облегчением смела со стола мусор и палки, которые Чарльз притащил из комнаты, собрала в бумажный пакет и выбросила в мусорный бачок, потом вернулась к столу с тряпкой и вытерла его до блеска. Чарльз глядел то на нее, то на меня, то на дядю Джулиана. Совершенно сбитый с толку, он не знал, как себя вести, не верил ни глазам, ни ушам своим, а я ликовала, глядя на первые судороги попавшего в сети демона, и страшно гордилась дядей Джулианом, Констанция улыбнулась Чарльзу — от радости, что никто больше не кричит; плакать она уже не будет; она, видно, тоже почувствовала, как демон тщится вырваться из сетей, и сказала:

— Чарльз, ты устал, наверное. Пойди, отдохни до обеда.
— Где прикажешь отдыхать? — Чарльз был еще ох как зол. — Я с места не двинусь, пока мы не разберемся с этой девицей.

— С Маркисой? А что тут разбираться? Я же сказала, что вычищу комнату.

— Ты что — не собираешься ее наказывать?
— Меня наказывать?! — Я вскочила на пороге, дрожа от ненависти. — Меня наказывать? Отправите спать без ужина?

И я побежала. Я бежала, покуда не оказалась на поляне, в высокой-высокой траве — по самую макушку, здесь меня не найти... Но Иона меня все-таки отыскал и сел возле; трава надежно хранила нас от чужих глаз.

* * *

Я просидела так очень долго, но наконец встала; я знала, куда идти. Пойду в беседку. Последние шесть лет и близко к ней не подходила, но Чарльз испоганил все вокруг, только беседка осталась нетронутой. Иона за мной не пойдет, ему там не нравится; увидев, что я сворачиваю на

заросшую тропинку к беседке, он пошел своей дорогой, словно у него возникло вдруг неотложное дело, а со мной он встретится позже. Беседка, помнится, никому особенно не нравилась. Папа собирался повернуть сюда русло протоки и устроить водопадик, но что-то неладное случилось с деревом, камнем и краской, и беседка не удалась. Мама однажды увидела на пороге крысу, и ничем с той поры ее было туда не завлечь, а раз не ходила мама — не ходил никто.

Возле беседки я охранных сокровищ не закапывала. Земля вокруг черная, сырая, в такой земле и лежать-то неуютно. Деревья обступали беседку со всех сторон, нижние ветви теснили стены, а кроны тяжело дышали на крыше; несчастные цветы, некогда посаженные здесь, либо погибли, либо одичали, разрослись — безмерно и безвкусно.

Дойдя до беседки, я остановилась: все-таки уродливее сооружения я не встречала; вспомнилось, как мама всерьез просила ее сжечь.

Внутри сыро и темно. На каменном полу сидеть неприятно, но больше негде; когда-то здесь были стулья и, кажется, даже столик, но их не то унесли, не то они просто сгнили. Я устроилась на полу, а остальных мысленно рассадила вокруг обеденного стола. Папу с мамой друг против друга. Дядю Джулиана справа от мамы, а брата Томаса — слева; возле папы — тетю Дороти и Констанцию. Сама я уселась между Констанцией и дядей Джулианом — на свое собственное законное место. И стала вслушиваться в их беседу.

— ... купить книгу для Мари Клариссы. Люси, пора купить ей новую книгу.

— Мари Кларисса получит все, что захочет, дорогой. Наша возлюбленная дочь получит все, что только пожелает.

— Констанция, у твоей сестры нет масла. Положи скорей.

— Мари Кларисса, мы тебя очень любим.

— Тебя никогда не будут наказывать. Люси, проследи, чтобы Мари Клариссу, нашу самую любимую дочь, никто никогда не наказывал.

— Мари Кларисса не способна на скверные поступки, и наказывать ее не за что.

— Люси, я слышал, что непослушных детей порой отправляют спать без ужина. Я запрещаю наказывать Мари Клариссу подобным образом.

— Совершенно с тобой согласна, дорогой. Мари Клариссу нельзя наказывать. Ее никто не отправит спать без ужина. Мари Кларисса никогда не совершит дурного, ее не за что наказывать.

— Нашу возлюбленную, нашу драгоценную Мари Клариссу надо беречь и лелеять. Томас, отдай сестре свой обед, она не наелась.

- Дороти, Джулиан, встаньте, когда встает наша возлюбленная дочь.
- Склоните головы перед нашей обожаемой Мари Клариссой.

К ужину надо быть дома — это крайне важно. Я непременно должна сесть за стол вместе с Констанцией, дядей Джулианом и Чарльзом. Страшно представить, что они будут есть, разговаривать, передавать друг другу хлеб, а мое место пусто. Мы с Ионой шли по тропинке через сад; сумерки густели, а я, переполненная любовью и нежностью, смотрела на дом: наш дом прекрасен, он скоро очистится от скверны и тут вновь воцарятся лад и красота. На мгновение я остановилась, а Иона потерял мою ногу и недоуменно мяукнул.

— Я смотрю на дом, — объяснила я; он поднял мордочку, и мы стали смотреть вместе. Крыша нацелена в небо, стены крепки и сплоченны, глазницы окон черны — прекрасный дом, еще немного, и он будет чист. Окна светятся лишь на кухне и в столовой: время ужинать, пора домой. Мне хочется быть там, внутри, и плотно затворить за собой дверь.

Я открыла дверь на кухню, и дом дохнул на меня злобой Чарльза; и как только человеку удастся хранить в себе эту злобу так стойко? Его голос тек из столовой внятно и нескончаемо.

— ... с ней надо делать, — говорил он. — Так дальше нельзя, это невыносимо.

Бедная Констанция, каково ей слушать этот нескончаемый вздор, еда-то стынет! Иона, опередив меня, вбежал в столовую, и Констанция сказала:

— Вот и она.

Я настороженно остановилась на пороге: поглядеть на них. Констанция в розовом, волосы красиво зачесаны назад; мой взгляд она встретила улыбкой, хотя — по всему видно — устала она Чарльза слушать. Дядю Джулиана на каталке Констанция придвинула вплотную к столу, а за воротник ему сунула салфетку; плохо, что мучают дядю Джулиана — мешают есть как вздумается. Ел он мясо с зеленым горошком — горошек из припасов Констанции; нарезанное крохотными кусочками мясо он перемешивал с горошком, давил тыльной частью ложки и превращал в кашу, а потом пытался донести до рта. Чарльза он не слушал, но тот все бубнил:

— Решила вернуться? Что ж, барышня, давно пора. Мы с твоей сестрой как раз обсуждаем — как тебя проучить.

— Умойся, Маркиса, — ласково сказала Констанция. — И причешишь. Мы с такой замарашкой за столом сидеть не хотим, а брат Чарльз и так на

тебя сердит.

Чарльз нацелился в меня вилкой.

— К слову сказать, Мари, проделки твои отныне окончены — раз и навсегда. Мы с твоей сестрой сыты по уши, хватит с нас! То ты прячешься неизвестно где, то крушишь все вокруг, то норы свой показываешь.

Мне не понравилось, что в меня целятся вилкой, и безостановочно гудящий голос мне тоже не нравился; лучше бы Чарльз набрал на вилку еды, сунул в рот да подавился.

— Беги, умывайся, — сказала Констанция. — А то УЖИН стынет. — Она знала, что за стол-то я сяду, но есть все равно буду потом, на кухне; но она, верно, решила не напоминать об этом Чарльзу, не подливать масла в огонь. Я улыбнулась Констанции и вышла, а голос за спиной не умолкал. В нашем доме давно не звучало столько слов — не сразу от них отчистишься-отмоешься. Я поднималась по лестнице и топала вовсю: пусть слышат, что иду наверх; но по второму этажу кралась почти бесшумно, не хуже Ионы, который не отставал ни на шаг.

Констанция в его комнате убрала. Теперь тут пусто: мусор-то она вынесла, а вещей — положить назад — не оказалось, я все отнесла на чердак. Я знаю, что пусто везде — и в ящиках комода, и в шкафу, и на книжных полках. Зеркала вообще нет; только молчащие часы со сломанной цепочкой одиноко лежат на комодке. Мокрое постельное белье Констанция сняла, а матрас, видимо, высушила и перевернула: кровать застелена снова. Занавесок нет — наверное, в стирке. Постель смята: он недавно лежал, вон и трубка еще дымится на тумбочке возле кровати; он лежал здесь, когда Констанция позвала к ужину, лежал и всматривался в эту новую, чужую комнату, выискивал что-то привычное, надеялся, что вот он приоткроет дверцу шкафа или включит верхний свет — и все вернется, все станет по-прежнему. Жаль, что Констанции пришлось одной ворочать матрас, я ей обыкновенно помогала; может, на этот раз он сам его перевернул? Она даже поставила чистое блюдце для трубки; пепельниц у нас не водилось, и когда Чарльз стал оставлять повсюду трубку, Констанция достала из кладовки щербатые блюдца. Розовые, с золотыми листьями по ободочку — были они из старого-престарого сервиза, на моей памяти их на стол не ставили.

— Что это за блюдца? — спросила я Констанцию, когда она принесла их на кухню. — И где от них чашки?

— Не помню, чтоб ими пользовались, в детстве меня на кухню не пускали. Какая-нибудь прабабка привезла в приданое; сначала ели-пили из них, потом побили, заменили другими и поставили в кладовку, на верхнюю

полку, там из сервиза только эти блюда да три большие тарелки.

— В кладовке им и место, — сказала я. — Нечего по дому расставлять.

Но Констанция отдала их Чарльзу, и вместо того, чтобы чинно стоять на полке, они рассеялись повсюду. Одно в гостиной, одно в столовой, одно наверняка в кабинете. Блюда оказались очень выносливыми; вот это, в спальне, даже без трещинки, хотя на нем лежит раскуренная трубка. Задолго — с начала дня — я знала, что мне непременно повезет: и вот я смахиваю блюдо с трубкой в мусорную корзинку, они мягко падают прямо на газеты, которые он натаскал в дом.

С глазами у меня в этот миг творилось что-то неладное: один глаз, левый, видел все золотым, желтым и оранжевым, а другой — сине-серо-зеленым; может, один глаз предназначен для ясного дня, а другой — для темной ночи? Будь у всех на свете такие глаза, пришлось бы множество цветов изобретать заново. Я уже дошла до лестницы, направляясь в столовую, но вспомнила, что надо умыться и причесаться.

— Почему так долго? — спросил он, когда я уселась за стол. — Что ты там делала?

— Испечешь мне пирог с глазурью? — спросила я Констанцию. — Розовый, с золотыми листьями по ободочку? Мы с Ионой устроим праздник.

— Может, завтра? — сказала Констанция.

— Нам после ужина предстоит долгий разговор, — произнес Чарльз.

— *Solanum dulcamara*, — сообщила я ему.

— Что?

— Паслен, сладко-горький, — пояснила Констанция. — Чарльз, прошу тебя, не спеши с разговором.

— С меня довольно, — сказал он.

— Констанция?

— Что, дядя Джулиан?

— Я съел все до крошки. — Тут дядя Джулиан обнаружил на салфетке кусочек мяса и отправил его в рот. — Что ты мне еще дашь?

— Хочешь еще мяса с горошком? Приятно, что ты ешь с таким аппетитом.

— Мне сегодня вечером гораздо лучше. Давно не было такого прилива сил.

Я порадовалась за дядю Джулиана: он хорошо себя чувствует и счастлив, что нагрубил Чарльзу. Пока Констанция резала мясо, дядя Джулиан глядел на Чарльза, и глаза его злорадно поблескивали.

— Молодой человек! — начал он наконец, но в этот миг Чарльз

повернулся к двери в прихожую.

— Что-то горит, — сказал он. Констанция замерла.

— На плите? — Она побежала на кухню.

— Молодой человек...

— Точно, гарью пахнет. — Чарльз вышел в прихожую. — Запах отсюда, — сказал он. Интересно, кому он говорит. Констанция на кухне, дядя Джулиан обдумывает свою будущую тираду, а я Чарльза не слушаю. — Что-то горит.

— Это не на плите, — Констанция остановилась на пороге кухни и взглянула на Чарльза. Чарльз подошел ко мне.

— Ну, если это опять твоих рук дело...

Я засмеялась: Чарльз-то боится идти наверх, боится искать, что горит.

— Чарльз! Трубка... — ахнула Констанция, и он, сорвавшись с места, понесся вверх по лестнице.

— Я же столько раз просила... — вздохнула Констанция.

— Будет пожар? — спросила я, и тут сверху раздался крик Чарльза, он кричал пронзительно, как сойка в чаше.

— Там Чарльз кричит, — вежливо сообщила я Констанции; она выскочила в прихожую и подняла голову:

— Что? Чарльз, что случилось?!

— Пожар! — Чарльз с грохотом слетел по лестнице. — Бегите! Весь дом в огне! — кричал он Констанции прямо в лицо. — А у вас даже телефона нет!

— Мои записи, — забеспокоился дядя Джулиан. — Я сейчас соберу записи и помещу их в безопасное место. — Он оттолкнулся руками от стола, чтобы развернуть каталку. — Констанция?

— Бегите! — Чарльз уже рвал замок с парадных дверей. — Бегите, старый вы идиот!

— В последние годы я маловато упражнялся в беге, молодой человек. И не вижу причин устраивать истерику, я вполне успею собрать бумаги.

Чарльз открыл наконец парадные двери и обернулся к Констанции:

— Сейф поднять и не пытайся, переложи деньги в мешок. Я сбегая за помощью и тут же вернусь. Не волнуйся. — И бросился бежать. Он бежал к поселку и вопил: — Пожар! Пожар!

— Боже правый, — сказала Констанция почти беспечно. И повезла дядю Джулиана в его комнату, а я вышла в прихожую и посмотрела наверх. Чарльз не закрыл дверь в папину комнату: там, внутри, шевелился огонь. Огонь всегда стремится вверх, подумала я, значит — сгорят их вещи на чердаке. Парадные двери Чарльз тоже не закрыл — дым спускался вниз по

лестнице и выплывал наружу. К чему суетиться, бегать вокруг дома, кричать? Похоже, сам огонь не очень-то спешит. Не закрыть ли дверь в папину комнату, пусть огонь останется лишь там, пусть это будет Чарльзов огонь; но не успела я подняться на несколько ступеней, как огонь лизнул ковер в коридоре, а в папиной комнате упало что-то тяжелое. Там теперь и следа от Чарльза не останется — огонь, наверно, даже трубку сожрал.

— Дядя Джулиан собирает бумажки, — Констанция вышла в прихожую и встала рядом со мной. В руках она держала шаль дяди Джулиана.

— Нам придется выйти из дома, — сказала я и, зная, что она испугается, поспешно добавила. — Можно остаться на веранде, за плющом, там совсем темно.

— Мы же недавно убрали, — сказала Констанция. — Не имеет он права гореть. — Констанцию трясло, словно от злости, я за руку вывела ее на веранду, и мы оглянулись напоследок, но в этот миг противно завывли сирены, аллею залило светом фар, и острие света пригвоздило нас к порогу. Констанция испуганно уткнулась мне в плечо; Джим Донелл первым спрыгнул с пожарной машины и взбежал по ступеням.

— С дороги! — И ворвался в наш дом.

Я провела Констанцию к краю веранды, где столбы и перила густо заросли плющом и вьюном, и она забилась в самый угол. Я крепко держала ее за руку, мы глядели, как топчут порог нашего дома, как тащат шланги, как дом полнится мерзостью, сумятицей и становится страшен. Все новые и новые фары вспыхивали на аллее; фасад дома был залит бледным, мертвящим светом и виден весь как на ладони; никогда еще не был он обнажен так бесстыдно для чужих глаз. Шум стоял оглушительный, и среди этого шума нескончаемо звучал голос Чарльза:

— Сейф, сейф в кабинете не забудьте! — твердил он. Дым вываливался из парадных дверей навстречу рвущимся внутрь людям.

— Констанция, — шепнула я. — Констанция, не смотри на них.

— Они меня видят? — шепотом спросила она. — Кто-нибудь смотрит?

— Все смотрят на пожар. Стой тихо.

Я осторожно выглянула из-за листьев. У дома, почти вплотную, стояли вереницей машины и поселковая пожарка; здесь собрались все селяне и, задрав головы, смотрели на дом. Смеющиеся лица, испуганные лица; кто-то совсем рядом крикнул:

— А где женщины, где старик? Их кто-нибудь видел?

— Я им сто раз кричал, что пожар, — отозвался откуда-то Чарльз. — Пожар их распрях не застал.

Дядя Джулиан ловко управляетсЯ с каталкой, он сможет выбраться через заднюю дверь; к тому же ни кухне, ни его комнате огонь, кажется, не угрожает — шланги тянутся по лестнице к спальням наверху, и крики мужчин доносятся оттуда. Даже осмелюсь я бросить Констанцию, через парадные двери в дом не попасть — заметят, да и к задней двери незаметно не проберешься — придется выходить на слепящий свет, под их взгляды.

— Дядя Джулиан напуган? — спросила я шепотом.

— Скорей, рассержен.

Помолчав, она сказала:

— Столько грязи нанесли в прихожую — не отмоешь, — и вздохнула.

Я обрадовалась, что она думает о доме и позабыла о поселковых, которые толпятся на улице.

— А где Иона? — опомнилась я. — Где? В сумраке веранды я заметила на ее лице слабую улыбку.

— Он тоже рассердился. Когда я отвозила дядю Джулиана, он спускался с крыльца.

Значит, мы все в безопасности. Дядя Джулиан увлечется своими бумажками и вовсе пожара не заметит, а Иона наверняка следит за пожаром из-за деревьев. И когда потушат Чарльзов огонь, я проведу Констанцию обратно в дом, и мы возьмемся за уборку.

Констанция немного успокоилась, хотя к дому все подкатывали машины, а через порог сновали люди в огромных башмаках. Различить, кто есть кто, невозможно, только у Джима Донелла надпись на каске гласила, что он тут главный; неразличимы были и лица возле дома, все смеялись и тарасились на огонь.

Я попыталась рассуждать четко и ясно. Дом горит, там поселился огонь, но Джим Донелл и другие, безмянные люди в касках и плащах обладают над этим огнем непонятной властью, они могут уничтожить огонь, обгладывающий костяк нашего дома. Чарльзов огонь. Прислушавшись, я различила голос огня; он жарко пел там, наверху, но тут же терялся, затихал; в доме кричали пожарные, снаружи гудела толпа, вдалеке, на аллее, шумели машины. Рядом со мной замерла Констанция: взглянет порой на мужчин, что лезут и лезут в дом, и снова закроет лицо руками; конечно, она взволнована, но опасность ей не грозит. Изредка из общего гула выделялись возгласы: Джим Донелл отдавал приказы пожарным или кто-нибудь кричал из толпы.

— Пускай себе горит, — смеялась женщина.

— Принесите сейф из кабинета с первого этажа, — взывал Чарльз с безопасного места.

— Пускай себе горит, — напористо повторяла та же женщина.

Черный человек, из тех, что сновали через порог, обернулся и, ухмыльнувшись, помахал ей рукой:

— Мы пожарные. Наше дело гасить.

— Пускай горит, — повторяла женщина.

Мне ужасно хотелось есть, в столовой ждал ужин, а эти, наверно, нарочно волынку затеяли; когда же, наконец, они погасят этот огонь и уберутся отсюда, когда мы с Констанцией сможем вернуться в дом? Несколько поселковых мальчишек влезли на веранду совсем близко от нашего укрытия, но хотели они одного — заглянуть в дом; они вставали на цыпочки и тянули шеи, чтобы увидеть хоть что-то над головами пожарников, тащивших шланги. Я очень устала, хорошо бы все поскорее кончилось. Огонь утихал, и лица перед домом потускнели в сумраке, а шум обрел новые тона: голоса внутри зазвучали уверенней, спокойней, почти что радостно, а голоса снаружи — разочарованно.

— На убыль пошло, — произнес кто-то.

— Теперь уж не развернется.

— Хорошо погулял в дому, — хихикнул кто-то. — Там, небось, теперь сам черт ногу сломит.

— Давно пора было подпалить.

— С ними вместе.

Значит, с нами — с Констанцией и со мной.

— А их видел кто-нибудь? Может, они в доме остались?

— Ишь размечтался. Пожарники их сразу вытурили.

— А жаль.

Огонь почти погас. Люди толпились во тьме перед домом, их лица потемнели и удлинились, подсвеченные лишь автомобильными фарами; я различала чью-то усмешку, взмах руки. И вот остались только разочарованные голоса.

— Скоро погаснет.

— А здорово полыхало.

В парадных дверях показался Джим Донелл. Его узнали все: по высокому росту и каске главного пожарника.

— Эй, Джим, что ж вы ему сгореть не дали?

Он поднял обе руки, и толпа примолкла.

— Братва, пожар кончился, — произнес он.

Он поднял руки еще выше и бережно снял с головы каску с надписью; медленно сошел по ступеням, подошел к пожарной машине и положил каску на переднее сиденье. Люди глаз с него не сводили. Он наклонился,

что-то выискивая, — толпа всё глазела, — и поднял с земли камень. В полной тишине он повернулся к дому, размахнулся и запустил камнем в высокое окно маминой гостиной. За его спиной покатился смех — смеялись все громче, громче, и вот мальчишки с веранды, мужчины, женщины — все хлынули на дом огромной волной.

— Смотри, Констанция! — вскрикнула я. — Смотри же! — Но она не отнимала рук от лица.

Со звоном разбилось второе стекло в гостиной, на этот раз били изнутри — торшером, который всегда стоит у столика Констанции.

Но страшнее, ужаснее всего был их смех. Одна из фарфоровых фигурок вылетела из окна и разбилась вдребезги о перила веранды, другая уцелела — упала на землю и покатилась по траве. Жалобно и мелодично всхлипнула арфа; и еще звук — это хрястнули стулом о стену.

— Послушайте, — раздался откуда-то голос Чарльза. — Друзья! Помогите-ка мне сейф выволочь.

И тут сквозь смех стали проступать слова — ритмично, настойчиво: «Эй, Маркиса, — кличет Конни, — хочешь мармеладу?»

Я на Луне; ну пожалуйста, пускай я окажусь на Луне. Тут я услышала звук бьющейся посуды и поняла, что стоим мы под окнами столовой, а поселковые неумолимо приближаются.

— Констанция, бежим!

Она покачала головой, по-прежнему не отнимая рук от лица.

— Они же нас вот-вот найдут. Ну, Констанция, миленькая, бежим, ну пожалуйста!

— Не могу, — сказала она, и в этот миг прямо над головой, из окон столовой, заорали: «Эй, Маркиса, — кличет Конни, — не пора ли спать?»

Не успела я оттащить Констанцию, как вниз посыпались стекла: они, видно, угодили стулом в окно; наверно — папиным стулом, на котором сидел Чарльз.

— Скорей, — сказала я громко, я не могла больше сдерживаться среди этого шума; схватив Констанцию за руку, я бросилась к ступеням. Мы выбежали на свет, и Констанция закрыла лицо шалью дяди Джулиана — хоть как-то спрятаться.

Из парадных дверей выскочила девочка, а следом — ее мать; девочка что-то несла в сложенных ладонях — мать поймала ее за подол и ударила по рукам:

— Не смей класть отраву в рот! — И девочка выронила пригоршню пряного печенья.

Эй, Маркиса, — кличет Конни, — хочешь мармеладу?..
Эй, Маркиса, — кличет Конни, — не пора ли спать?..
Нет, — ответила Маркиса, — ты подсыпешь яду...

До спасения рукой подать: по ступеням и в лес, совсем близко, но площадку перед домом освещают фары, вдруг Констанция поскользнется и упадет? И все-таки — в лес, быстрее в лес, и другой дороги нет. Мы замерли на верхней ступени, не в силах двинуться дальше, а за спиной — разбитые окна, звон фарфора и хрусталя, звяканье столового серебра, глухие стоны кастрюль и сковородок — громили все подряд; мою табуретку на кухне уже, наверно, превратили в щепки. Мы так и стояли, когда на аллее снова показались фары: одна за другой подъехали две машины и резко затормозили возле дома, осветив площадку еще ярче.

— Что тут происходит, черт возьми?! — Из первой машины выкатился Джим Кларк; с другой стороны вылезла Хелен Кларк да так и застыла, разинув рот. Джим Кларк направился в дом, он кричал, толкался, а нас не замечал вовсе.

— Что у вас тут делается, черт бы вас всех побрал?! — повторял он, а Хелен Кларк все стояла как вкопанная и глядела на дом. Нас она тоже не увидела.

— Идиоты безмозглые, — орал в доме Джим Кларк. — Пьяные безмозглые идиоты!

Из второй машины выскочил доктор Леви и тоже поспешил к дому.

— Вы тут что все — с ума посходили?! — разорялся Джим Кларк. В ответ грохотал смех.

— Хочешь мармеладу? — загомосил кто-то, и снова загоготали.

— Мы этот дом по кирпичику разнесем!

Доктор взлетел по ступеням, мы посторонились, но он на нас не глядел.

— Где Джулиан Блеквуд? — спросил он у женщины в дверях.

Она ответила:

— Где скелет гремит костями — там его кровать!

Дольше медлить нельзя; я крепко схватила Констанцию за руку, и мы стали осторожно спускаться. Бежать я пока опасалась — вдруг Констанция упадет? — и медленно вела ее по лестнице; нас никто не мог видеть, кроме Хелен Кларк, но она неотрывно смотрела на дом. За спиной я слышала крики Джима Кларка, он пытался прогнать их из нашего дома; не успели мы сойти вниз, как голоса выплеснулись на улицу вслед за нами.

— Вот они! — закричал кто-то, по-моему, Стелла. — Вот они, вот они, вот они!!!

Я бросилась бежать, но Констанция споткнулась, и они нас окружили; они смеялись, толкались и пробирались вперед. Констанция закрывала лицо шалью дяди Джулиана, чтобы ее никто не разглядел; чем ближе надвигались люди, тем теснее мы прижимались друг к другу.

— Запереть их в доме да поджечь заново!

— Мы вам такой уют навели, девочки, век помнить будете!

Эй, Маркиса, — кличет Конни, — хочешь мармеладу?

Мне вдруг, как в бреду, почудилось: они возьмутся сейчас за руки и примутся петь и приплясывать вокруг нас. Вдалеке я увидела Хелен Кларк, она прислонилась к машине и, плача, что-то говорила; из-за шума ее слов не слышно, но она наверняка повторяла:

— Хочу домой, хочу домой.

Эй, Маркиса, — кличет Конни, — не пора ли спать?

Они старались до нас не дотрагиваться; чуть повернешься — подавались назад; за чьими-то плечами я увидела Харлера, он бродил по веранде, подбирал вещи для своей свалки и складывал в кучу. Я крепко сжала руку Констанции и повернулась — толпа подалась назад, и мы бросились к лесу, но нас опередили жена Джима Донелла и миссис Мюллер, они смеялись и растопыривали руки, преграждая путь; мы остановились. Я повернулась, дернула Констанцию, и мы побежали в другую сторону, но на дороге возникли Стелла и мальчишки Харрисы, они смеялись, а Харрисы кричали:

— Где скелет гремит костями — там твоя кровать!!!

Мы остановились. Я бросилась к дому, волоча за собой Констанцию, но нас перехватили лавочник Элберт и его скупердяйка жена, они приплясывали, раскинув руки; мы остановились. Я метнулась в сторону, но на нашем пути встал Джим Донелл; мы остановились.

— Нет, — ответила Маркиса, — ты подсыпешь яду, — ележно протянул Джим Донелл, и они снова окружили нас плотной стеной, стараясь не прикасаться.

Эй, Маркиса, — кличет Конни, — не пора ли спать?

Все звуки перекрывал смех, в нем тонули и пение, и крики, и улюлюканье мальчишек Харисов:

— Эй, Маркиса, — кличет Конни, — хочешь мармеладу?

Одной рукой Констанция вцепилась в меня, другой — прижимала к лицу шаль дяди Джулиана. Я вдруг заметила просвет в их рядах и снова ринулась к деревьям, но мальчишки Харрисы были тут как тут, один даже свалился на землю от смеха; мы остановились. Я снова повернулась и побежала к дому, но передо мной возникла Стелла; мы остановились. Констанция все время спотыкалась; только бы не упала сейчас, здесь, у них на глазах, — они просто растопчут ее в своей дикой пляске. И я больше не двигалась с места: невозможно, чтобы Констанция упала им под ноги.

— Довольно, — сказал с веранды Джим Кларк. Сказал негромко, но его услышали все. — Уймитесь.

Вежливая тишина продлилась недолго, кто-то сказал:

— Где скелет гремит костями — там твоя кровать. — И снова загрохотал смех.

— Послушайте, — Джим Кларк заговорил громче. — Послушайте меня. Умер Джулиан Блеквуд.

Все наконец замолчали. Потом из толпы, окружавшей нас, раздался голос Чарльза Блеквуда:

— Она его убила?

И они отошли, медленно отхлынули от нас. Мы стояли теперь в середине большого круга, и Констанция с шалью дяди Джулиана на лице была видна со всех сторон.

— Она его убила? — снова спросил Чарльз Блеквуд.

— Нет, — отозвался доктор с порога дома. — Он умер, как я и предполагал. Он долго ждал своего часа.

— Идите с Богом, — сказал Джим Кларк. Он брал людей за плечи, подталкивая в спины, разворачивал к машинам и к аллее.

— Расходитесь, да поживее, — говорил он. — Покойник в доме.

Стало тихо, хотя множество людей шли по траве к аллее; я услышала голос Хелен Кларк:

— Бедный Джулиан.

Я осторожно шагнула — ближе к темноте — и потянула Констанцию за собой.

— Сердце отказало, — говорил доктор на веранде.

Я сделала еще шаг. На нас никто не смотрел. Негромко хлопали дверцы машин, урчали моторы. Я оглянулась. На ступенях вокруг доктора осталась горстка людей. Машины поворачивали на аллею, и фары больше не светили на нас. Вокруг уже смыкались тени деревьев, шаг, другой — и мы в лесу. Там я заспешила, потащила Констанцию в чашу, во тьму; и вот под ногами уже не трава, а мягкая мшистая тропинка: значит, мы в надежном укрытии. Я остановилась и обняла Констанцию.

— Ну, вот и все, — я покрепче прижала ее к себе. — Все позади. Все хорошо.

* * *

День ли, ночь ли — дорогу я знала. Хорошо, что я прибрала в своем убежище и натаскала свежих листьев, — Констанции будет уютно. Накрою ее листьями, как в сказке, согрею и охраню. Стану ей песни петь и сказки сказывать, натаскаю ей румяных яблок, янтарных груш и сочных ягод, напою водицей из чашечки-лепестка. А в один прекрасный день мы улетим на Луну. Я нашла вход в убежище и провела Констанцию в уголок, к охапке свежих листьев и одеялу. Я подтолкнула ее тихонько, и она села, а я накинула шаль ей на плечи. Послышалось мурлыканье — Иона давно дожидался меня здесь.

Вход я закрыла ветками — нас не найдут даже с фонарями. Внутри не совсем темно, я различала черную тень — Констанцию, а над головой — две или три звездочки, они сияли вверху, вдалеке — за небом, листьями и ветками.

«Разбили мамину фарфоровую безделушку», — вспомнила я и громко сказала Констанции:

— Я подложу смерть им в еду и буду глядеть, как они умирают.

Констанция повернулась ко мне, зашуршали листья.

— Как в тот раз? — спросила она.

Мы об этом ни разу не говорили, ни разу за шесть лет.

— Да, — помолчав, ответила я. — Как в тот раз.

Посреди ночи приезжала санитарная машина — за дядей Джулианом; они, наверно, долго искали его шаль, а я укрыла ею Констанцию, когда та заснула. Я видела, как машина свернула с шоссе на аллею: яркие фары и красный фонарик наверху; я слышала, как она увозит дядю Джулиана, как тихо — при покойнике — разговаривают, как открывают и закрывают двери. Нас они окликнули дважды или трижды: должно быть, хотели спросить, можно ли увозить дядю Джулиана, но кричали негромко, а в лес идти побоялись. Я сидела на берегу протоки; жаль, что не всегда удавалось мне быть доброй к дяде Джулиану. Он считал, что я умерла, а теперь вот сам умер. «Склоните головы перед нашей возлюбленной Мари Клариссой — иначе тоже умрете», — подумала я.

Вода сонно журчала в темноте; каков-то теперь наш дом? Вдруг огонь уничтожил все; вдруг мы придем завтра к дому, а последние шесть лет сгорели дотла и за столом нас ждут они — ждут, чтобы Констанция подала ужин? Или мы окажемся вдруг в доме Рочестеров, или среди жителей поселка, или в плавучем доме посреди реки, или в башне на вершине горы; а может, я уговорю огонь повернуть вспять, и он покинет наш дом и набросится на поселок? Или все поселковые уже поумирали? А может, это и не поселок вовсе, а огромная игральная доска, расчерченная на клеточки, и я уже перескочила клеточку «пожар, начни игру сначала», я ее перескочила, и до спасительного дома всего несколько клеток и — последний ход?..

Ионина шерсть пропахла дымом. Сегодня день Хелен Кларк, но чая не будет — придется убирать в доме, хотя по пятницам мы никогда не убираем. Жаль, что Констанция не припасла нам бутербродов в дорогу; неужели Хелен Кларк заявится к чаю — дом-то к приему гостей не готов. А мне теперь, наверно, не разрешат разносить чай и бутерброды.

Светало. Констанция зашуршала листьями, зашевелилась, и я вошла в наше убежище, чтобы быть рядом, когда она проснется. Констанция открыла глаза, взглянула на деревья над головой, на меня и улыбнулась.

— Наконец-то мы на Луне, — сообщила я ей, и она опять улыбнулась.

— А я думала — мне все приснилось.

— Нет, все было на самом деле.

— Бедный дядя Джулиан.

— Они приезжали ночью и забрали его, а мы с тобой были здесь, на

Луне.

— Мне тут нравится, — сказала она. — Спасибо, что привела.

В ее волосах запутались листья, лицо вымазано сажей; Иона, вошедший в убежище вслед за мной, удивленно уставился на Констанцию: никогда прежде он не видел ее грязной. Констанция притихла и больше не улыбалась, она смотрела на Иону и читала в его глазах, что лицо ее запачкано сажей.

— Маркиса, что же нам теперь делать?

— Во-первых, убрать в доме, хотя по пятницам убирать не полагается.

— Дом... Ох, Маркиса.

— И я вчера не ужинала, — добавила я.

— Ох, Маркисонька, — она вскинулась и выбралась из-под шали и листьев. — Маркисонька, девочка моя бедная. Мы сейчас, мы быстро. — Она поспешно встала.

— Лучше умойся сперва.

Она пошла к протоке, смочила носовой платок и оттерла грязь с лица; я тем временем стряхнула листья с шали и, складывая ее, подумала: «Какое же сегодня странное, необычное утро, прежде мне никогда не разрешалось трогать шаль дяди Джулиана». Я поняла, что отныне вся жизнь пойдет по-иному, но все же непривычно складывать шаль дяди Джулиана. Надо будет потом вернуться сюда, в убежище, все прибрать и натаскать свежих листьев.

— Маркиса, скорей, ты же умрешь с голоду.

— Надо быть начеку. — Я взяла ее за руку, чтоб не спешила. — Иди тихо и осторожно, вдруг нас кто-нибудь подкарауливает.

Я молча пошла вперед по тропинке, Констанция и Иона — следом. Констанции не удавалось двигаться так тихо, как умела я, но она очень старалась, а Иона и подавно крался бесшумно. Я выбрала тропинку, которая выведет к огороду, к задней двери; на опушке я остановилась и задержала Констанцию, мы озирались: не притаился ли кто. Сад с огородом, дверь кухни — все как прежде, вдруг Констанция ахнула: «Маркиса!» — и с замиранием сердца я увидела, что крыши нет вовсе.

Только вчера с такой любовью я смотрела на дом, и был он высок, и крыша терялась в кронах деревьев. Теперь дом кончался сразу над кухонной дверью, а выше — как в страшном сне — обугленные бревна, искореженные балки, а вон свисает остаток рамы с чудом уцелевшим стеклом — это окно моей комнаты, отсюда я когда-то смотрела на сад.

Возле дома ни души, ни звука. Мы вместе двинулись вперед, не в силах постичь, что дом наш обезображен, разрушен и унижен. Золу и пепел

разметало по огороду, салат придется теперь перед едой отмывать, и помидоры тоже. Пожара тут не было, но все — и трава, и яблони, и мраморная скамейка в саду, — все пропахло гарью и покрылось копотью. Подойдя ближе, мы убедились, что первый этаж огонь пощадил, удовольствовавшись спальнями и чердаком. Перед кухней Констанция нерешительно остановилась. Она входила сюда тысячу раз, дверь наверняка признает хозяйку. Но дверь удалось лишь приоткрыть; дом зябко вздрогнул, хотя в нем и без того вольно гуляли сквозняки, — впрочем, остудить дом им удастся не скоро. Констанции пришлось толкнуть дверь сильнее. Обгорелые деревянные нам на голову не повалились, а я втайне боялась, что дом крепок только с виду и при первом прикосновении рассыплется в прах.

— Моя кухня! — ахнула Констанция. — Моя кухня.

Она оторопело замерла на пороге. А я подумала, что ночью мы перепутали дорогу, заплутали и теперь забрели в чужое время, к чужой двери, в чужую, страшную сказку. Констанция прислонилась к косяку и повторяла:

— Кухня, Маркиса, моя кухня.

— Моя табуретка цела, — сказала я.

Дверь открывалась с таким трудом оттого, что ей мешал кухонный стол, лежавший на боку. Я поставила его на ножки, и мы вошли. Два стула разбиты в щепки, на полу месиво осколков, обрывков, съестных припасов. На стенах подтеки повидла, сиропа и томатного соуса. Раковина, где Констанция моет посуду, доверху забита стеклом, точно в ней хладнокровно один за другим били стаканы. Ящики со столовым серебром и кухонной утварью вырваны из гнезд и разбиты о край стола и о стены; серебряные ножи, вилки, ложки, служившие многим поколениям блеквудских хозяев, валяются, погнутые, на полу. Скатерти и салфетки, аккуратно подрубленные блеквудскими женщинами, стиранные—перестиранные, глаженные—переглаженные, штопаные и заботливо хранимые, выдернуты из ящиков буфета и разбросаны по кухне. Казалось, все богатства, все потаенные сокровища нашего дома найдены, поломаны и осквернены. У моих ног — разбитые тарелки с верхней полки буфета и наша маленькая в розочках сахарница — без ручек. Констанция наклонилась и подняла серебряную ложечку:

— Это из бабушкиного приданого. — Она положила ложечку на стол. Потом вдруг опомнилась: — Консервы! — и шагнула к двери в подпол.

Дверь закрыта: могли просто не заметить или времени не было по лестницам ходить. Констанция пробралась к двери и, приоткрыв, заглянула

внутри. Я представила наши чудесные банки разбитыми — осколки в липком месиве на полу; но Констанция, спустившись на несколько ступенек, сказала:

— Тут, слава Богу, ничего не тронуту.

Констанция прикрыла дверь и прошла к раковине — помыла руки и вытерла их полотенцем, поднятым с пола.

— Во-первых, мы тебя накормим.

Иона остался на крылечке — там уже припекало солнце — и потрясение оглядывал кухню; вот он взглянул на меня — думает, верно, что это мы с Констанцией устроили такой погром. Я заметила уцелевшую чашку, подняла, поставила на стол; надо, пожалуй, поискать, что еще уцелело. Я вспомнила, что одна из маминых дрезденских фигурок упала в траву; интересно, удалось ей спастись? Потом схожу, посмотрю.

День был совершенно не похож на другие дни — все наперекосяк, все не по порядку. Констанция спустилась в подпол и вернулась с банками в обеих руках.

— Овощной суп, — она чуть не пела от радости, — клубничное варенье, куриный бульон и мясо в маринаде.

Она расставила банки на столе и медленным взглядом обвела пол.

— Нашла. — Она подняла в углу кастрюльку. И вдруг, словно ей понадобилось что-то срочно проверить, побежала в кладовку.

— Маркиса, — рассмеялась она. — Они муку в бочонке проглядели. И соль цела, и картошка.

«Зато сахар нашли», — подумала я. Пол под ногами скрипел и хрустел, шевелился, как живой; ну конечно, сахар они искали специально — как иначе повеселишься; они, верно, кидали его друг в друга пригоршнями и орали: «Здесь сахар, сахар с ядом, на, попробуй, отравись!»

— А вот до полок добрались, — сказала Констанция. — И крупы рассыпали, и специи, и банки раскидали.

Я медленно обошла кухню, глядя под ноги. Они, похоже, сгребали все, что под руку попадет, и бросали на пол; повсюду валялись металлические консервные банки с такими вмятинами, точно они брошены с большой высоты; пачки чая, круп, печенья были растерзаны, раздавлены каблуками. Невскрытые баночки со специями грудой лежали в углу; пахло вдруг пряным печеньем, и я увидела одно печенье — растоптанное — на полу.

Констанция показала из кладовки с буханкой хлеба.

— Гляди-ка, оставили. И яйца есть, и молоко, и масло на леднике.

Дверь в подпол они не заметили — значит, и ледник не нашли. Вот и отлично, хоть яичницу на полу не устроили.

Я обнаружила три целых стула и расставила по местам — вокруг стола. Иона устроился в углу на моей табуретке и наблюдал за нами. Я выпила бульон из чашки без ручки; Констанция вымыла нож и намазала масло на хлеб. Я этого еще не осознала вполне, но время и порядок нарушились навсегда: когда я нашла стулья? когда я ела хлеб с маслом? сперва нашла, а потом ела? сперва ела, а потом нашла? или одновременно? Констанция вдруг вскинулась и, отложив нож, бросилась к закрытой двери в комнату дяди Джулиана, потом, смущенно улыбаясь, вернулась на место:

— Мне показалось — он проснулся. — И снова села.

Дальше кухни мы пока не ходили. Мы еще не знали, что осталось от дома, что ждет нас в прихожей и в столовой. Мы тихонько сидели на кухне, благодарные за три стула, за бульон, за солнечный свет, льющийся с улицы, и не было сил двигаться.

— Что они сделают с дядей Джулианом? — спросила я.

— Устроят похороны, — печально ответила Констанция. — Как остальным, помнишь?

— Я была в приюте.

— А мне позволили пойти на похороны, я помню. И дяде Джулиану они устроят похороны, придут Кларки и Каррингтоны, и маленькая миссис Райт обязательно придет. И будут рассказывать друг другу, как они горюют. И будут искать нас.

Я представила, как они ищут нас, как зыркают по сторонам, — меня передернуло.

— А похоронят его вместе с остальными.

— И я что-нибудь похороню в память о дяде Джулиане, — сказала я.

Констанция умолкла, глядя на свои пальцы — длинные пальцы на столе.

— Нет больше дяди Джулиана, и других нет, — сказала она. — И от дома ничего не осталось, Маркиса, только мы с тобой.

— Еще Иона.

— Еще Иона. И мы теперь затаимся, даже носу не высунем.

— Но сегодня день Хелен Кларк, она к чаю придет.

— Нет, — сказала Констанция. — Сюда она больше не придет. Никогда.

Мы тихонько сидели на кухне, и казалось — успеется, подождем пока посмотреть, что случилось с домом, посидим так, вместе. Библиотечные книги по-прежнему на полке — нетронутые, — никто, видно, не рискнул трогать

библиотечную собственность, кому охота платить штраф?

Констанция обычно не холила, а летала, но сейчас сидела, не в силах пошевелиться, уронив руки на стол; на разоренную кухню не глядела, сидела точно в полусне, точно не веря, что это — наяву. Мне стало не по себе.

— Надо дом убирать, — напомнила я, но она лишь улыбнулась в ответ. Наконец ждать ее мне стало невмоготу.

— Пойду посмотрю, — сказала я и направилась в столовую. Констанция глядела, не шевелясь. Я распахнула дверь, и в лицо ударил запах сырости, гари и разорения; по полу разбросаны осколки огромных оконных стекол; серебряный сервиз сметен с серванта и растоптан, раздавлен — чудовищно, до неузнаваемости. Стулья здесь тоже переломаны; я вспомнила, что они крушили ими окна и били об стены. Через столовую я прошла в прихожую. Парадные двери распахнуты настежь, лучи раннего косого солнца узором рассыпались среди битого стекла на полу и на каких-то порванных тряпках; но это не тряпки — я узнала, — это занавески из гостиной, те самые, которыми хвасталась мама, больше четырех метров длиной. Снаружи никого не было; я постояла на пороге, разглядывая площадку перед домом, изуродованную следами шин и бесновавшихся ног; из шлангов натекали грязные лужи. Веранда загажена; в углу груды ломаной мебели, я помню, как старьевщик Харлер собирал ее вчера вечером. Неужели приедет сюда на своем фургоне и заберет все, что подвернется? А может, он просто любит кучи, вот и не устоял — принялся складывать? Я еще помедлила на пороге — вдруг чужие все-таки смотрят, — потом спрыгнула с крыльца, отыскала мамину дрезденскую безделушку — она лежала в траве под кустами — и понесла Констанции.

Констанция все еще тихонько сидела за столом; я поставила перед ней фигурку, она поглядела на нее, а потом взяла в руки и прижала к щеке.

— Это я во всем виновата, — сказала она. — Кругом виновата.

— Я люблю тебя, Констанция.

— И я тебя люблю, Маркиса.

— Так ты испечешь нам с Ионой пирожок? С розовой глазурью и золотыми листьями по ободочку?

Констанция покачала головой, мне даже показалось — не ответит, но она глубоко вздохнула, встала и сказала:

— Для начала я приведу в порядок кухню.

— А с этим что сделаешь? — Я коснулась пальцем дрезденской безделушки.

— Поставлю на место, — сказала она; я пошла за ней в прихожую, а

оттуда — в гостиную. В прихожей оказалось чище, чем в комнатах, тут нечего было бить, но под ноги попадались ложки и черепки из кухни. В гостиной нас встретила мама, она благосклонно глядела с портрета, а гостиная — ее гостиная — лежала вокруг в руинах. Белый свадебный орнамент на потолке почернел от сажи и дыма, нам его вовек не отчистить; в гостиной еще страшнее, чем на кухне и в столовой, — а ведь мы ее так холили, и это мамина любимая комната. У кого же из них поднялась рука на арфу? Я сразу вспомнила ее жалобный всхлип. Обивка с узорами роз порвана и перепачкана: они пинали стулья и прыгали по диванам в мокрых, грязных башмаках. Окна здесь тоже разбиты, занавески сдернуты — значит, снаружи мы видны как на ладони. Констанция нерешительно остановилась на пороге, она, похоже, боялась войти в комнату, и я предложила:

— Давай я ставни закрою.

Я вышла на веранду прямо через окно — прежде так наверняка никто не ходил; ставни отцепились очень легко. Они были так же высоки, как окна: изначально предполагалось закрывать их в конце лета, перед отъездом семьи в городской дом; кто-то должен был, встав на лестницу, запереть ставни на зиму; но их не трогали столько лет, что крючки проржавели, стоило чуть дернуть, как они выпали из гнезд. Ставни я захлопнула, но запереть смогла только на нижний шпингалет — до верхнего мне не дотянуться; приду как-нибудь вечером с лестницей, а пока обойдемся нижним. Закрыв ставни на обоих окнах, я прошла по веранде и вернулась в гостиную как положено — через дверь. Констанция стояла в полумраке, лучи солнца сюда уже не проникали. Констанция прошла к камину и поставила дрезденскую фигурку на место, на каминную полку под маминым портретом; на миг огромная сумрачная комната привиделась мне прежней, великолепной, но тут же видение исчезло — навсегда.

Ходили мы с опаской: под ногами хрустело, скрипело, трещало. Сейф лежал на боку возле двери в гостиную, — я засмеялась, даже Констанция улыбнулась: ни вскрыть, ни вытащить сейф из дома ему так и не удалось.

— Вот глупец, — сказала Констанция и дотронулась до сейфа носком туфли.

Мама радовалась, когда восхищались ее гостиной, но теперь туда не заглянуть даже через окна; гостиную больше никто никогда не увидит. Мы с Константицей закрыли за собой дверь — навсегда. Потом Констанция осталась на пороге, а я снова вышла на веранду и закрыла ставни на высоких окнах столовой; мы заперли парадные двери — всё, мы в безопасности. В прихожей темно, свет пробивается лишь сквозь узкие

боковые стекла парадных дверей, нам через эти стекла видно — что снаружи, а оттуда, даже если носом в стекло уткнуться, не видно ничего, потому что в прихожей совсем темно. Почерневшие ступени ведут в черноту, в сгоревшие комнаты, и там, наверху, видно небо — невероятно! Прежде нас защищала крыша, но с неба нам вроде бы ничего не грозит; я решила не думать о молчаливых крылатых существах, которые выберутся из листвы, усядутся на обломившиеся, обугленные стропила и станут заглядывать внутрь. Пожалуй, стоит загородить лестницу — хоть сломанным стулом. Матрац, грязный и насквозь мокрый, валялся на ступенях; как раз здесь они стояли со шлангами, отсюда заливали пожар. Я стояла у лестницы, глядя вверх, и не понимала: куда же делся наш дом — стены, полы, кровати, коробки с вещами на чердаке; сгорели и папины часы, и мамин черепаховый туалетный прибор. Я почувствовала на щеке дуновение — оттуда, с неба, — но пахло не свежестью, а дымом и разорением. Наш дом — замок: по углам башенки, а сверху небо...

— Пойдем на кухню, — сказала Констанция. — Сил моих больше нет.

Словно дети, что ищут ракушки у прибоа, или старушки, что ищут монетки в палой листве, мы шаркали по кухонному полу, поддевали ногами мусор в поисках целых и полезных вещей. Мы осмотрели пол вдоль и поперек, и на столе выросла кучка нужных предметов — нам на двоих вполне достаточно. Две чашки с ручками и несколько без ручек, полдюжины тарелок и три миски. Мы собрали все уцелевшие консервные банки и вернули на полку коробочки со специями. Погнутые ложки и вилки мы по возможности распрямили и разложили по ящичкам. Жены всех Блеквудов приносили в приданое столовое серебро, фарфор и белье; в доме было бесчисленное множество ножигов для масла, половников и лопаток для пирога; лучшее мамино серебро хранилось в столовой, в серванте, в особой коробке — чтоб не тускнело, но его тоже нашли и раскидали по полу.

Из двух наших чашек с ручками одна была снаружи зеленой, а внутри бледно-желтой. Констанция решила отдать ее мне.

— Не помню, чтоб из нее пили, — сказала она. Наверно, какая-нибудь двоюродная бабка этот сервиз в приданое. Там и тарелки были.

Себе Констанция оставила белую чашку с оранжевыми цветами, среди уцелевших тарелок одна попалась такой же расцветки.

— А вот этот сервиз я помню, — сказала Констанция. — С раннего детства. Тогда это была расхожая посуда — на каждый день. А для гостей ставили белые тарелки с золотым ободком. Потом мама купила новый сервиз, из белых с золотом тарелок стали есть каждый день, ну а эти — с

цветочками — отправились на полку в кладовку, к другим разрозненным сервизам. В последние годы я пользовалась маминой ежедневной посудой, только для Хелен Кларк ставила праздничную. Ну а мы с тобой будем пить чай, как благородные дамы, — из чашек с ручками, — заключила она.

Наконец мы собрали с пола все мало-мальски пригодное, и Констанция, взяв щетку, смела в столовую мусор, точно пустую породу.

— С глаз долой, — сказала она, тщательно подмела прихожую, чтобы ходить к парадным дверям, минуя столовую, и мы наглухо закрыли столовую — навсегда. Я подумала о дрезденской фарфоровой фигурке: крошечная и отважная стоит она под маминым портретом в темной гостиной, скоро совсем запылится, а мы не придем и пыль не сотрем. Констанция вымела и рваные тряпки, которые прежде были занавесками в гостиной, но я успела выпросить от них шнур: потянешь — занавески открываются, потянешь — закрываются; Констанция отрезала мне кусок шнура с золотой кисточкой на конце; вещь хорошая — не похоронить ли ее в память о дяде Джулиане?

Потом Констанция дочиста вымыла пол на кухне, и дом наш засиял, как новенький: от парадного входа до задней двери все отдраено и выскоблено. На кухне не хватало стольких предметов — совсем голая, но Констанция расставила на полке наши чашки, тарелки и миски, нашла Ионе плоску для молока; в доме вновь — покой и порядок. Парадные двери на замке, задняя — на засове, мы сидели у стола и пили молоко из чашек с ручками, а Иона — из плоски; в этот миг раздался стук — стучали в парадные двери. Констанция спустилась в подпол, и я, проверив засов на задней двери, последовала за ней. Мы сидели в темноте на лестнице и прислушивались. Далеко-далеко у парадных дверей все стучали и стучали, потом кто-то окликнул:

— Констанция?! Мари Кларисса?!

— Хелен Кларк, — шепнула Констанция.

— Она что — на чай пришла?

— Чая больше не будет. Никогда.

Хелен Кларк, как мы и ожидали, обошла вокруг дома, непрерывно окликая нас. Постучала в заднюю дверь, и мы затаили дыхание, боясь пошевелиться: верхняя половина двери стеклянная и заглянуть внутрь совсем легко, но мы, слава Богу, на ступенях, ведущих в подпол, а открыть дверь ей не удастся.

— Констанция?! Мари Кларисса?! Вы здесь? — Она подергала ручку, точно хотела застать дверь врасплох: вдруг откроется, вдруг невзначай пропустит ее.

— Джим, — сказала она. — Я уверена, что они здесь. На плите что-то варится. Ты должен открыть эту дверь, — потребовала она. — Констанция, выйди, поговори со мной, я хочу на тебя посмотреть. Джим, — обратилась она к мужу, — они там, и они меня слышат, я уверена.

— Немудрено. Тебя, наверно, и в поселке слышат.

— Но вчера они наверняка неправильно поняли людей, и Констанция, конечно, очень расстроилась; я должна объяснить, что никто не хотел их обидеть. Констанция, пожалуйста, послушай меня. Я хочу, чтобы вы с Мари Клариссой на время переехали ко мне, а там уж решим, что с вами делать. Ничего страшного не случилось, все хорошо, скоро все забудется.

— Она дом не опрокинет?! — шепнула я, и Констанция безмолвно покачала головой.

— Джим, ты сможешь выбить дверь?

— Нет, конечно. Оставьте их в покое, Хелен, они сами выйдут, когда захотят.

— Но Констанция все принимает слишком близко к сердцу. Я уверена, что она очень напугана.

— Оставьте их в покое.

— Их нельзя оставлять одних, хуже и придумать ничего нельзя. Я хочу, чтобы они вышли и поехали со мной, я о них позабочусь.

— Не похоже, чтоб они хотели выйти, — сказал Джим Кларк.

— Констанция?! Констанция?! Я знаю, ты здесь. Выйди, открой дверь.

Я сидела и думала, что стекло на двери надо занавесить или закрыть картонкой: не дело, чтоб Хелен Кларк беспрестанно проверяла, что там у нас кипит на плите. А шторы на окнах надо скотать булавкой, и когда Хелен Кларк примется снова колотить в двери, мы сможем посиживать за столом, а не прятаться в подпол.

— Пойдем, — позвал Джим Кларк. — Они не отзовутся.

— Но я хочу отвезти их к нам.

— Мы сделали, что могли. Приедем в другой раз; может, тогда им захочется с тобой поговорить.

— Констанция?! Констанция, пожалуйста, ответь мне.

Констанция, вздохнув, забарабанила пальцами по перилам лестницы — раздраженно, но почти бесшумно.

— Скорей бы ушла, — шепнула она мне на ухо. — У меня там суп выкипает.

Кларки пошли вокруг дома к машине. Хелен Кларк звала нас снова и снова, она неумоимо кричала: «Констанция?!» — будто мы скрываемся в лесу, или на дереве, или под листом салата, или вот-вот прыгнем на нее из

кустов. Услышав далекое урчанье мотора, мы выбрались из подпола, и Констанция сняла суп с огня, а я прошла к парадным дверям — убедиться, что они уехали и двери заперты надежно. Их машина сворачивала с аллеи на шоссе, но в моих ушах все еще звенел голос Хелен Кларк: «Констанция?! Констанция?!»

— Все-таки она приходила пить чай, — сказала я Констанции, вернувшись на кухню.

— У нас только две чашки с ручками, — сказала Констанция. — Ей тут чай больше не пить.

— Хорошо, что нет дяди Джулиана, а то кому-нибудь досталась бы чашка без ручки. Ты уберешь комнату дяди Джулиана?

— Маркиса, — Констанция повернулась от плиты и взглянула на меня. — Что же нам делать?

— Дом мы убрали. Еда у нас есть. От Хелен Кларк спрятались. А что нам еще делать?

— Где нам спать? Как узнавать время? Что носить? У нас нет одежды...

— А зачем узнавать время?

— Еда в доме есть, но она тоже когда-нибудь кончится, даже консервы.

— А спать мы можем в моем убежище на протоке.

— Нет. Прятаться там хорошо, но спать надо в постели.

— На лестнице матрас валяется. Наверно, с моей кровати. Можно стащить его вниз, вычистить, высушить на солнышке. Там один угол обгорел.

— Отлично, — сказала Констанция.

Мы отправились к лестнице и, ухватившись за отвратительно мокрый и грязный матрас, стащили его вниз, проволокли через прихожую на кухню и — по чистейшему кухонному полу — к задней двери; с матраса сыпались щепки и осколки. Засов я отодвинула не сразу, сперва осторожно выглянула в окошко, потом вышла и осмотрелась: все спокойно. Мы вытащили матрас на лужайку и оставили на солнце возле маминой мраморной скамейки.

— Как раз тут всегда сидел дядя Джулиан, — сказала я.

— Сегодня чудесный день, вот бы ему посидеть на солнышке.

— Он в тепле умер, — сказала я. — Может, и солнышко перед смертью вспомнил.

— А шаль была у меня. Надеюсь, он не замерз. Знаешь, Маркиса, я посажу здесь что-нибудь.

— А я что-нибудь похороню в память о нем. А ты что посадишь?

— Цветок. — Констанция наклонилась и нежно коснулась травы. —

Какой-нибудь желтый цветок.

— Смешно — вдруг цветок торчит посреди лужайки.

— Но мы-то будем знать, зачем он здесь, а больше никто не увидит.

— Я тоже похороню что-нибудь желтое, чтобы дяде Джулиану было потеплее.

— Но сперва, ленивица Маркиса, притащи-ка воды в кастрюльке и ототри этот матрац. А я пойду снова мыть пол на кухне.

Я подумала, что мы будем очень, очень счастливы. Предстоит много забот, предстоит заново налаживать нашу жизнь, но все-таки мы будем очень счастливы. Констанция осунулась — все горевала, что разорили ее кухню, но она скоблила каждую полку, терла и терла стол, мыла окна и пол. Наши тарелки браво выстроились на полке, а консервные банки и уцелевшие коробки со снедью образовали внушительный ряд в кладовке.

— Я обучу Иону таскать нам кроликов на рагу, — сказала я; Констанция засмеялась, а Иона оглянулся на нее и льстиво улыбнулся.

— Этот кот привык к сливкам, ромовым пирожным, яйцам да маслицу, он тебе и кузнечика вряд ли поймает.

— Но я вовсе не хочу рагу из кузнечиков.

— Ладно, кролики-кузнечики, я принимаюсь за пирог с луком.

Пока Констанция мыла кухню, я отыскала коробку из толстого картона и аккуратно ее разорвала; получилось несколько картонок — закрыть стекло на задней двери. Молоток и гвозди оказались в сарае, с прочими инструментами, Чарльз Блеквуд положил их обратно после неудачной попытки починить ступеньку; я прибила картон к кухонной двери, закрыв стекло наглухо, — сюда больше никто не заглянет. Другими картонками я забила окна, и в кухне стало совсем темно, но зато — безопасно.

— Окна будут грязные, зато жизнь спокойная, — сказала я, но Констанция в ужасе воскликнула:

— Я не смогу жить в доме с грязными окнами!

Наконец уборка закончена; кухня стала идеально чистой, только — увы! — не сияла, в ней было слишком мало света, и я знала, что Констанция недовольна. Она любит солнечный свет, любит все яркое, любит готовить в ослепительно чистой и светлой кухне.

— Можно держать дверь открытой, — предложила я. — Только надо всегда быть начеку. Как услышим, что машина едет, — сразу закроем. И я потом придумаю, чем завалить тропинки вокруг дома, чтобы к задней двери никто не прошел.

— Хелен Кларк наверняка заявится снова.

— Теперь уж она в кухню не заглянет.

День клонился к вечеру; дверь была открыта, но солнце едва заглядывало за порог. Иона подошел к плите и потребовал у Констанции ужин. На кухне тепло, уютно, привычно, чисто. Сюда бы еще камин — сидели бы мы с Констанцией у огня... ах нет, я забыла, огня у нас уже было предостаточно.

— Пойду проверю, заперты ли парадные двери, — сказала я Констанции.

Двери заперты, снаружи никого. Я вернулась на кухню.

— Завтра уберу в комнате дяди Джулиана, — сказала Констанция. — От дома осталось так мало — надо, чтобы везде было чисто.

— Ты будешь там спать? На кровати дяди Джулиана?

— Нет, Маркиса. Я хочу, чтобы там спала ты. Это наша единственная кровать.

— Но мне нельзя входить в комнату дяди Джулиана.

Она помолчала, испытующе поглядела на меня, а потом спросила:

— Даже теперь, когда его нет?

— К тому же я нашла матрац, вычистила его — это мой матрац, с моей кровати. И я положу его на пол в моем уголке.

— Маркиска—глупышка. Ладно, посмотрим. А сегодня нам обоим придется спать на полу. Матрац до завтра не высохнет, а у дяди Джулиана я еще не убирала.

— Я могу притащить из убежища веток и листьев.

— На мой чистый пол?

— Тогда хоть одеяло принесу и шаль дяди Джулиана.

— Ты пойдешь сейчас? Так далеко?

— Вокруг никого нет. Уже почти темно, и я запросто проберусь. Если кто-нибудь появится, запри дверь; я увижу закрытую дверь и пережду на протоке, а Иона пойдет со мной, будет охранять.

Всю дорогу до протоки я бежала, но Иона меня все равно обогнал и ждал в убежище. Пробежаться было приятно, и приятно, вернувшись к дому, увидеть открытую заднюю дверь и теплый свет, льющийся из кухни. Мы с Ионой вошли, и я задвинула засов — к наступающей ночи мы готовы.

— Тебя ждет вкусный ужин, — сказала Констанция, покрасневшая у плиты и счастливая. — Садись скорей, Маркиска.

Она зажгла верхний свет и любовно расставила на столе тарелки.

— Попробую завтра отчистить серебро, — сказала она. — И надо собрать овощи.

— Салат весь в пепле.

— И еще, — сказала Констанция, глядя на темные картонные квадраты

окон, — подыщу завтра занавески: прикрыть твой картон.

— А я завтра завалю тропинки по бокам дома. А Иона нам завтра поймает кролика. И завтра я научусь определять для тебя время.

Вдалеке, у парадного входа, остановилась машина; мы замолчали, глядя друг на друга; вот сейчас и выяснится, хорошо ли мы укрылись; я встала и проверила засов на задней двери; через картон мне улицу не видно — значит, и им не видно, что внутри. Стучать начали в парадные двери, но проверять замок уже некогда. Стучали недолго, словно знали, что в той части дома нас нет, и мы услышали, как они, спотыкаясь в темноте, пробираются к задней двери.

Раздался голос Джима Кларка и еще один — я узнала доктора Леви.

— Ничего не видно, — сказал Джим Кларк. — Черно, как в утробе.

— А в том окне полоска света.

Интересно, в каком? Где это я оставила щель?

— Они там, это точно, — сказал Джим Кларк. — Негде им больше быть.

— Я хочу только проверить, здоровы ли они, а то вдруг сидят там, запершись, без врача, без помощи.

— Ну, а мне велено привезти их домой, — сказал Джим Кларк.

Они подошли к задней двери и разговаривали совсем рядом. Констанция схватила меня за руку: если окажется, что они могут заглянуть внутрь, мы спрячемся в подпол.

— Проклятый дом, все досками заколочено, — произнес Джим Кларк, и меня осенило: доски! Ах, какой молодец — напомнил, а я забыла про доски, в сарае полно досок, они куда лучше — ведь мой картон проткнуть ничего не стоит.

— Мисс Блеквуд? — окликнул доктор, и кто-то из них постучал в дверь. — Мисс Блеквуд? Это доктор Леви.

— И Джим Кларк. Муж Хелен. Хелен за вас очень волнуется.

— Вы здоровы? Может, вы ранены или больны? Вам помощь не нужна?

— Хелен хочет, чтобы вы к нам приехали, она ждет вас.

— Послушайте, — сказал доктор; он, видимо, стоял вплотную к стеклу. Говорил он очень мягко и доброжелательно: — Послушайте, никто вас не обидит. Мы ваши друзья. Мы приехали вам помочь. Если вы живы — здоровы, докучать не станем. Мы даем слово вообще вас больше не тревожить, никогда, скажите только — здоровы ли вы. Только одно слово.

— Нельзя же, чтоб люди только и думали: как вы да что вы, — сказал Джим Кларк.

— Только одно слово, — повторил доктор. — Скажите только, что вы живы и здоровы.

Они ждали; я чувствовала — они прижимаются носами к стеклу, пытаюсь заглянуть внутрь. Констанция посмотрела на меня через стол и слегка улыбнулась, я улыбнулась в ответ; дом хранит нас надежно, внутрь им не заглянуть.

— Послушайте, — доктор заговорил громче. — Послушайте, завтра похороны Джулиана. Вы должны знать.

— У гроба очень много цветов, — сказал Джим Кларк. — Вам было бы приятно. Мы послали цветы, а еще Райты и Каррингтоны. Вы бы только посмотрели — сколько цветов; может, отнеслись бы к друзьям иначе.

Интересно, к кому и почему нам относиться иначе? Спору нет — дядя Джулиан, заваленный цветами, утопающий в цветах, мало похож на дядю Джулиана, которого мы привыкли видеть каждый день. Пускай эти цветы согреют его в гробу; я попыталась представить дядю Джулиана мертвым, но он все вспоминался мне спящим. И тогда я представила, как Кларки, Каррингтоны и Райты заваливают бедного, беспомощного мертвого дядю Джулиана охапками цветов.

— Глупо отваживать друзей от дома. Хелен велела передать, что...

— Послушайте, — они принялись толкать дверь. — Никто не собирается вас тревожить. Скажите только, что у вас все в порядке.

— ...мы больше приходить не намерены. И у друзей терпение не беспредельно.

Иона зевнул. В тишине Констанция медленно, осторожно повернулась к столу, взяла булочку, намазанную маслом, и тихонько откусила. Я чуть не расхохоталась, даже закрыла рот руками: Констанция жевала беззвучно, точно понарошку, как кукла, — ужасно смешно.

— Ну и черт с вами, — выругался Джим Кларк. И снова постучал в дверь. — Ну и черт с вами, — повторил он.

— В последний раз прошу вас ответить, — сказал доктор. — Мы знаем, что вы тут, в последний раз прошу вас...

— Ладно, пошли, — оборвал его Джим Кларк. — Нечего надрываться попусту.

— Послушайте, — доктор опять стоял у двери вплотную. — Когда-нибудь вам понадобится помощь. Заболеть может всякий, и вам понадобится помощь. Тогда-то вы не раздумывая...

— Пускай живут, как знают, — сказал Джим Кларк. — Пошли отсюда.

Они двинулись обратно вокруг дома — я слышала шаги; а вдруг обманывают, притворяются, будто уходят, а сами вернутся потихоньку и

молча встанут у задней двери, подстерегая нас? Я представила, как Констанция молча жуёт булочку, а Джим Кларк молча прислушивается за дверь, и по моей спине пробежали мурашки: вдруг это безмолвие воцарилось навеки? Машина у парадных дверей заурчала и уехала, Констанция звякнула вилок о край тарелки, я облегченно вздохнула и сказала:

— А где сейчас дядя Джулиан, как ты думаешь?

— Там же, — рассеянно отозвалась Констанция. — В городе. Маркиса, — она вдруг взглянула на меня.

— Что?

— Ты извини меня. Я вчера дурно поступила.

Я замерла и похолодела — я вспомнила.

— Я поступила очень, очень дурно. Никогда больше не буду напоминать тебе, отчего они умерли.

— Тогда и сейчас не напоминай. — Я не могла шевельнуться, не могла взять ее за руку.

— Я хотела, чтобы ты забыла. Никогда, никогда не собиралась напоминать тебе об этом. Прости, что так вышло.

— Я положила *это* в сахар.

— Я знаю. Я сразу поняла.

— Ты же не ешь сахар.

— Не ем.

— Вот я и положила *это* в сахар.

Констанция вздохнула:

— Маркиса, мы не будем больше говорить об этом. Никогда.

Меня забила дрожь, но Констанция ласково улыбнулась мне — и я очнулась.

— Я люблю тебя, Констанция.

— И я тебя люблю, Маркисонька.

Иона на полу и сидит, и спит — значит, и мы сможем. Вот Констанции надо бы подложить под одеяло листьев и мха, но пачкать пол больше нельзя. Свое одеяло я расстелила в углу возле табуретки — в самом родном месте, а Иона глядел на меня с табуретки. Констанция легла у плиты, ее лицо белело в темноте.

— Тебе удобно? — спросила я, и она рассмеялась:

— Я провела на этой кухне столько времени, а вот на полу лежать не пробовала. Уж так его мыла, так скребла — надеюсь, и пол мне добром оплатит.

— Завтра нарвем салата на огороде.

Жизнь наша потихоньку налаживалась и становилась все счастливей. Проснувшись поутру, я сразу отправлялась в прихожую и проверяла замок на парадных дверях. Мы старались переделать все дела в ранние утренние часы, когда вокруг никого не было. Поначалу-то мы позабыли, что ворота и калитка теперь нараспашку и тропинка снова станет торной, а у дома появятся дети; но однажды утром, подойдя к парадным дверям, я увидела детей через узкое боковое стекло: они играли на площадке перед домом. Возможно, родители послали их разведать дорогу, удостовериться, что и большим кораблям путь открыт; а может, детей так и тянет поиграть везде и всюду; впрочем, возле нашего дома они не очень-то веселились, даже говорили тише обычного. А вдруг они вовсе не играют, а притворяются — раз уж детям положено играть; на самом же деле это лазутчики, а никакие не дети, просто нарядились детьми, да и то кое-как? Я смотрела и находила в них все меньше и меньше детского: двигаются напряженно и на дом не глядят, ни один пока не взглянул, ни разу. Когда же они залезут на веранду и прижмутся к щелкам ставен? Подошла Констанция и заглянула через мое плечо.

— Дети чужаков, — сказала я ей. — У них нет лиц.

— Но есть глаза.

— Представь, что это птички. И нас они не видят. И никогда не увидят, хотя пока не догадываются об этом, и смириться с этим им будет непросто.

— Они теперь повадятся сюда ходить.

— Если бы только они. Но внутрь им не заглянуть. А мне давно пора завтракать.

По утрам на кухне было темно, но я отодвигала засов и впускала солнечный свет. Иона устраивался на ступеньке на солнцепеке, Констанция пела и готовила завтрак. После завтрака я подсаживалась к Ионе, а Констанция убирала кухню.

Загородить дом по бокам оказалось легче, чем я думала; Констанция вышла мне посветить, и я справилась за один вечер. Там, где деревья и кусты льнули к стенам и тропинка сужалась — такое место было по обе стороны дома, — я набросала ломаных досок и обломков мебели из кучи, собранной мистером Харлером на веранде. Конечно, такая преграда никого не удержит, даже дети запросто перелезут, но шум и грохот будет страшный, а мы как услышим, что падают доски, — быстро юркнем на

кухню и задвинем засов. Несколько досок я обнаружила возле сарая и кое-как прибила их крест-накрест на кухонную дверь, закрыв стекло. Доски на завалах по бокам дома я сколачивать не стала — не хотела показывать всем свое неумение. Но надо, пожалуй, попробовать починить ступеньку.

— Ты почему смеешься? — спросила Констанция.

— Да вот подумала: хоть мы и на Луне, а все здесь иначе, чем я себе представляла.

— Но живется нам счастливо.

Констанция накрывала стол к завтраку: омлет, гренки и ежевичное варенье, которое она сварила давним благодатным летом.

— Нам надо запастись как можно больше еды, — сказала она. — Огород заждался — пора урожай собирать, — да и мне спокойней, когда запасов побольше.

— Я отправлюсь на крылатом коне и привезу тебе корицы и тимьяна, самоцветов и гвоздики, золотой парчи и капусты.

— И ревень не забудь.

С огорода подходы к завалам просматривались хорошо, и мы оставляли заднюю дверь открытой: пояись чужие, мы успеем добежать до кухни.

Я таскала в дом корзины с посеревшим от пепла салатом, с редиской, помидорами и огурцами, а на переломе лета пошли ягоды и дыни. Прежде я любила есть фрукты прямо с ветки и овощи с грядки, с каплями росы, но есть пепел собственного дома мне было не по душе. Правда, почти всю грязь и золу уже сдуло, воздух в саду был чист и свеж, но земля, по-моему, пропиталась дымом навсегда.

Как только мы надежно устроились, Констанция открыла и убрала комнату дяди Джулиана. Она сняла с кровати простыни и одеяла, выстирала в кухонной раковине и вывесила на солнышко.

— А с бумагами дяди Джулиана что ты сделаешь? — спросила я; она задумалась, опершись о край раковины.

— Наверно, сложу все в коробку, — сказала она наконец. — А коробку, наверно, отнесу в подпол.

— Сохранишь навеки?

— Сохраню навеки. Ему ж приятно знать, что к его записям отнеслись уважительно. Пусть не сомневается — все сохраню.

— Пойду-ка проверю парадные двери.

Дети теперь часто появлялись перед домом, но на него не глядели: играли в свои бесшумные игры, неловкие и беспричинно грубые. Проверяя парадные двери, я всегда выглядывала — здесь ли дети. По тропинке

теперь часто холили и взрослые, сокращая путь, ходили там, где прежде были только мои следы; ходили они, впрочем, без особой охоты, будто на спор — доказать, что не трус; по-моему, лишь немногие, кто ненавидел нас открыто, появлялись на тропинке снова и снова.

Констанция убирала комнату дяди Джулиана, а я мечтала весь день, сидя на пороге возле спящего Ионы и глядя на безмятежный, не таящий угрозы сад.

— Гляди-ка, Маркиса, — Констанция вышла с ворохом одежды. — Гляди, у дяди Джулиана было два костюма, и пальто, и шляпа.

— Он же ходил когда-то, как все люди, своими ногами, он сам рассказывал.

— А я даже смутно помню, как давным-давно он отправился покупать костюм — наверно, один из этих, они не сильно поношены.

— А что на нем было в тот последний день? Какой галстук он надел к тому ужину? Он бы и это с удовольствием записал.

Она смотрела на меня долго и серьезно, без улыбки.

— Во всяком случае, костюм был другой; из больницы мне дядю Джулиана отдали в пижаме и халате.

— Может, сейчас пригодился бы один из этих?

— Его, скорее всего, похоронили в старом костюме Джима Кларка.

Констанция отправилась в подпол, но остановилась.

— Маркиса?

— Что?

— Ты понимаешь, что вещи дяди Джулиана — единственная одежда в доме. И мои вещи все сгорели, и твои.

— И их вещи на чердаке тоже.

— Мое единственное платье на мне — вот это розовое.

Я оглядела себя:

— А на мне коричневое.

— Твое пора стирать и чинить. Маркиса, ты свою одежду вмиг снашиваешь.

— Я сделаю себе костюм из листьев. Сейчас прямо и начну. А вместо пуговиц — желуди.

— Маркиса, я же не шучу. Нам придется носить одежду дяди Джулиана.

— Мне не разрешается трогать вещи дяди Джулиана. На зиму я сделаю себе подкладку из мха и шапку из птичьих перьев.

— На Луне носите на здоровье, мисс Глупышка. На Луне ходите в костюме из кошачьей шерсти, как Иона, я и слова не скажу. Но здесь, в

нашем доме, вы наденете старую рубашку дяди Джулиана и, может статься, даже его брюки.

— И купальный халат, и пижаму... Нет уж. Мне вещи дяди Джулиана трогать не разрешается, я буду носить листья.

— Теперь разрешается. Я тебе разрешаю.

— Нет.

Она вздохнула.

— Что ж, значит, их надену я. — Она вдруг остановилась и засмеялась, потом взглянула на меня и снова засмеялась.

— Констанция, ты что?

Она бросила вещи дяди Джулиана на спинку стула и, смеясь, побежала в кладовку. Она выдвинула ящик, и я тоже засмеялась, я поняла, что она хочет достать. Вернувшись, она свалила рядом со мной целую кучу скатертей.

— Вот что вам безусловно подойдет, модница Маркиса. Вот, смотри, эта годится — с каймой из желтых цветов? Или эта — клетчатая, красно-белая? А Дамаск, боюсь, жестковат, к тому же на нем видна штопка.

Я встала и приложила к себе скатерть в красно-белую клетку.

— Прорежь мне дырку для головы, — сказала я, очень довольная.

— Но у меня нет ни иголки, ни ниток. Придется тебе подвязаться веревкой, или пусть болтается, как тога.

— А дамасковую я возьму вместо плаща. Ну, скажи, у кого еще есть плащ из Дамаска?

— Ох, Маркисонька. — Констанция выронила из рук скатерть и обняла меня. — Что же я наделала? У моей девочки ни дома, ни еды. Вместо платья — скатерть. Что я наделала?

— Констанция, я тебя очень люблю.

— Девочка одета в скатерть, точно кукла.

— Констанция. Мы будем очень счастливы, слышишь?

— Ох, Маркиска, — она обняла меня еще крепче.

— Констанция, ну послушай же! Мы будем очень-очень счастливы.

* * *

Я сразу облачилась в скатерть, чтобы Констанция не успела передумать. Выбрала я клетчатую, красно-белую; Констанция прорезала дырку для головы, а я взяла золотой шнур с кисточкой — тот, срезанный с

занавески из гостиной, — и подвязала вместо пояса; получилось, на мой взгляд, очень красиво. Констанция сперва загрустила, печально отвернулась, увидев меня, и принялась отстирывать в раковине мое коричневое платье; но мне новое одеяние нравилось, я радостно закружилась по кухне, и скоро Констанция снова улыбнулась и даже засмеялась.

— Робинзон Крузо носил звериные шкуры, — заявила я. — У него не было ярких одежд с золотыми поясками.

— Должна признаться, яркое тебе очень к лицу.

— Вот и носи шкуры дяди Джулиана, а я предпочитаю мою скатерочку.

— Ее стелили для завтрака, когда выносили столы на лужайку. В столовой красное с белым, конечно, неуместно.

— Я теперь буду то завтраком на лужайке, то званым ужином при свечах, то...

— Маркиской—грязнулей. У тебя чудесный наряд, но грязная мордашка. Мы потеряли почти все, милая барышня, но чистая вода и расческа у нас пока остались.

Уборка в комнате дяди Джулиана оказалась неожиданно удачной: Констанция поддалась на уговоры и вытащила кресло-каталку на улицу — укрепить мои завалы. Констанция катила пустое кресло, и выглядело это ужасно нелепо; я попыталась представить, что в нем сидит дядя Джулиан, сложив на коленях руки; но о дяде Джулиане напоминали лишь потертая спинка каталки да носовой платок под подушечкой. Кресло-каталка будет в моей баррикаде могучей силой — мертвый дядя Джулиан отпугнет пришельцев грозной пустотой, которая от него осталась. Я очень боялась, что дядя Джулиан совсем исчезнет: бумаги спрятали в коробку, каталку выставили на баррикаду, зубную щетку выкинули, даже запах дяди Джулиана выветрился из комнаты; но на лужайке, где он обычно сидел, Констанция высадила куст желтых роз, а я однажды вечером сбегала к протоке и похоронила на берегу золотой карандашик с его инициалами: чтобы вода нашептывала его имя. Иона повадился в запретную прежде комнату дяди Джулиана, а я так и не зашла.

* * *

Хелен Кларк появлялась у наших дверей еще дважды: стучала,

кричала, звала, умоляла ответить, но мы затаились. Обнаружив, что из-за моих завалов дом не обойти, она сказала у парадных дверей, что больше не вернется; и впрямь — не вернулась. Однажды вечером — возможно, в тот день, когда Констанция посадила куст для дяди Джулиана, — мы, сидя за ужином, услышали робкий стук в парадные двери. На Хелен Кларк не похоже — стучат слишком робко; я молча встала и поспешила через прихожую — удостовериться, что парадные двери заперты; Констанция из любопытства пошла за мной. Мы прильнули к дверям и прислушались.

— Мисс Блеквуд, — тихонько позвали снаружи. Он, верно, и не подозревает, что мы совсем рядом. — Мисс Констанция? Мисс Мари Кларисса?

На улице еще не совсем стемнело, а здесь, в прихожей, мы едва различали друг друга, только лица наши белели у дверей.

— Мисс Констанция, — окликнул он снова. — Послушайте меня.

Должно быть, говорит и озирается — не подглядывает ли кто.

— Послушайте, — повторил он. — Я тут курицу принес. — Он тихонько постучал в дверь. — Я надеюсь, что вы меня слышите. Я принес курицу, жена сама готовила, жарила. Тут еще немного печенья и пирог. Я надеюсь, что вы меня слышите.

Глаза Констанции округлились от изумления. Мы оторопело глядели друг на друга.

— Я знаю, вы меня слышите, мисс Блеквуд. Я там у вас стул сломал, простите меня. — Он снова постучал в дверь, совсем тихо. — Ну, так я оставлю корзинку тут, на пороге. Надеюсь, вы меня услышали. До свидания.

Робкие шаги звучали все тише, спустя минуту Констанция сказала:

— Что будем делать? Откроем?

— Позже. Когда совсем стемнеет.

— Интересно, какой там пирог? Как думаешь, он не хуже моих?

Мы доели ужин и дождались темноты; наконец я решила, что нас уже никто на веранде не заметит; мы прошли через прихожую, я отперла двери и выглянула. Корзинка стояла на ступени, прикрытая салфеткой. Я внесла ее в дом и заперла двери, а Констанция забрала корзинку на кухню.

— С черникой, — сказала она. — На вид хорош и еще теплый.

Она нежно и любовно вынула курицу, завернутую в салфетку, и пакетик с печеньем.

— Все еще теплое, — сказала она. — Жена, должно быть, пекла и жарила после ужина, чтоб он сразу отнес. Интересно, она два пирога испекла: для нас и для домашних? Видишь, завернула все в салфеточки и

велела отнести сюда. Только печенье у нее не хрустящее.

— Я отнесу корзинку обратно на веранду, и он поймет, что мы все нашли.

— Нет-нет, — Констанция схватила меня за руку. — Сначала я постираю салфетки. Что его жена обо мне подумает?

* * *

Иногда приносили грудинку домашнего копчения, иногда фрукты или домашние консервы; они неизменно оказывались хуже, чем консервы Констанции. Чаще всего приносили жареную курицу, пироги или лепешки, очень часто — печенье, порой — картофельный салат или рубленую капусту. Однажды принесли в кастрюльке рагу из мяса и овощей — Констанция разделила все на составные части и соединила вновь, согласно своим собственным правилам приготовления этого блюда; иногда были кастрюльки с тушеной фасолью или с макаронами.

— Несут, как на приходской благотворительный ужин, — сказала как-то Констанция, когда я притащила на кухню каравай домашней выпечки.

Они приносили еду по вечерам, молча ставили на ступеньку и уходили. Мы представляли все это так: жены готовят корзинки к приходу мужей с работы, а те сразу берут их и несут сюда — чем позднее, тем лучше, чтоб не увидал кто: носить нам пищу, верно, очень стыдно, и делали они это втайне друг от друга. Констанция утверждала, что готовит не одна, а несколько женщин.

— Вот эта обожает томатный соус, — объясняла она, пробуя тушеную фасоль. — И вечно льет чересчур много. А вчерашняя предпочитает патоку.

Порой мы находили в корзинках записки: «Это за тарелки», «Простите за занавески», «Извините за арфу». Дверь мы открывали только глубоким вечером, когда поблизости наверняка никого не было, и всегда ставили корзинку обратно на ступеньку и тщательно запирали двери.

Обнаружилось, что к протоке мне больше дороги нет: во-первых, там теперь дядя Джулиан, во-вторых — слишком далеко от Констанции. Я теперь не ходила дальше опушки леса, а Констанция дальше огорода. Хоронить сокровища и брать в руки камни тоже больше нельзя. Зато я ежедневно осматривала доски на окнах в кухне и, заметив щелку, прибавала новые. По утрам я проверяла, крепок ли замок на парадных дверях, а Констанция мыла кухню. Мы подолгу просиживали у парадных

дверей, особенно в дневные часы, когда мимо ходили люди; боковые стекла я тоже забила картоном, оставив с обеих сторон по щели: мы видели всех, а нас — никто. Там играли дети, ходили мимо люди — мы слышали их голоса, чужие голоса, видели чужие злобные лица — они таращили глаза и разевали рты. Однажды к дому подъехали люди на велосипедах: две женщины, мужчина и двое детей. Оставив велосипеды на аллее, они разлеглись на траве — отдохнуть и поболтать. Дети как шальные носились по аллее, скакали по кустам и кружили меж деревьев. В тот день мы узнали, что вместо сгоревшей крыши разросся плющ: одна из женщин украдкой взглянула на дом и сказала, что за плющом и не видно, был тут пожар или нет. Они редко оборачивались к дому лицом, глядели краем глаза, из-за плеча или меж пальцев.

— Говорят, красивый был особняк, — сказала одна из женщин, сидевших на нашей траве. — Когда-то, говорят, он был местной достопримечательностью.

— Теперь он похож на надгробие, — отозвалась другая.

— Ш-ш-ш, — остановила ее первая и кивнула на дом. Потом она громко сказала: — Говорят, им резную лестницу в Италии делали. Очень, говорят, красивая.

— Они ж тебя не слышат, — удивилась другая. — Да и пусть слышат, какая разница?

— Ш-ш-ш!

— И вообще, никто не знает наверняка: есть там кто-нибудь или нет. Рассказням местных я не очень-то верю.

— Ш-ш-ш. Томми, — окликнула она мальчика. — Не подходи к ступеням.

— Почему? — Мальчик попятился.

— Там живут дамы. Они не любят, когда тут ходят.

— Почему? — Мальчик остановился у лестницы и со страхом взглянул на дом.

— Дамы не любят маленьких мальчиков, — отозвалась вторая. Эта из ненавистниц, ее рот был виден мне сбоку — точь-в-точь змеинный.

— А что они со мной сделают?

— Поймают и накормят конфетами с ядом; уж сколько неслухов не вернулись из этого дома. И все оттого, что подошли слишком близко. Поймают маленького мальчика и...

— Ш-ш-ш! Этель, ну в самом деле!

— А маленьких девочек они любят? — Девочка подошла ближе.

— Они ни мальчиков, ни девочек терпеть не могут. Девочек они

просто съедают.

— Этель, прекрати. Ты же пугаешь детей. Она просто дразнит вас, крошки, она все придумала.

— Не бойтесь, они выходят только по ночам, — уточнила женщина-змея, злобно глядя на ребяташек. — И в темноте охотятся на детей.

— Все равно, — вступил вдруг в разговор мужчина. — Нечего детям к дому подходить.

* * *

Чарльз Блеквуд появился лишь однажды. Приехал на машине с каким-то человеком, а мы как раз сидели у парадных дверей, сидели уже долго, день клонился к вечеру, и все чужаки разошлись; Констанция сказала:

— Пора картошку варить, — и собралась было встать, но в этот миг на аллее показалась машина, и мы остались посмотреть. Чарльз и его спутник вышли из машины и направились к лестнице; глядели они вверх, но нас видеть не могли. Я вспомнила, как Чарльз приехал сюда впервые и точно так же стоял, задрав голову и глядя вверх, на дом. Но на этот раз ему сюда проникнуть не удастся. Я дотронулась до замка — крепок ли? Констанция кивнула, она тоже знала, что Чарльзу сюда не проникнуть.

— Видите? — произнес Чарльз, стоя у лестницы. — Вот он, дом, все, как я рассказывал. Теперь уж не так страшно смотрится — плющ прикрыл, но крыша прогорела насквозь, и внутри все разграблено.

— А женщины там?

— Наверняка. — Чарльз засмеялся; я вспомнила его смех, его огромное белое лицо, вытаращенные глаза и прямо отсюда, из-за двери, принялась насыпать на него смерть. — Сидят как миленькие. На деньгах сидят, на бешеных деньгах.

— Вы точно знаете?

— У них там денег тьма-тьмуца, они и сами не знают сколько. У них золото повсюду закопано, и сейф битком набит, одному Богу известно, где они деньги хранят. Так и сидят взаперти со своими деньгами и носа на улицу не высунут.

— Послушайте, — сказал второй. — Они ведь вас знают?

— А то как же. Я им брат двоюродный. Я тут даже раз гостил.

— Вам удастся с ними поговорить, хоть с одной? Подойдите к окну или к двери, а я сфотографирую.

Чарльз задумался. Глядел то на дом, то на спутника — думал.

— Продадите это фото в журнал или еще куда — половина моя.

— По рукам.

— Что ж, попробую, — сказал Чарльз. — Вы за машиной лучше укройтесь, они ни за что не выйдут, если чужих увидят. — Вторым отошел к машине, вынул фотоаппарат и исчез.

— Готов, — закричал он, и Чарльз стал подниматься по ступеням.

— Конни? — окликнул он. — Эй, Конни! Это я, Чарльз! Я вернулся.

Я взглянула на Констанцию: никогда прежде не доводилось ей видеть Чарльза в его истинном обличье.

— Конни?!

Теперь она знает, что Чарльз призрак и демон, что он из тех, чужих.

— Давай все забудем, — сказал Чарльз. Он подошел вплотную к двери и заговорил вкрадчиво, заискивающе: — Давай снова станем друзьями.

Сквозь щелку я видела его ноги. Одной ногой он постукивал об пол веранды.

— Не знаю, за что ты на меня обиделась, — сказал он. — Я-то все жду, когда ты позовешь меня обратно. Если чем обидел, прости, Бога ради.

В метре над нашими головами он молил дверь о дружбе и прощении, он и не подозревал, что мы сидим на полу под дверью и слушаем его, глядя на его ноги.

— Открой, — говорил он проникновенно. — Конни, ну открой же, это я — братец Чарльз.

Констанция, подняв голову, поглядела на дверь, туда, где должно быть его лицо, и нехорошо усмехнулась. Видно, она давно приберегла эту усмешку на случай, если он появится снова.

— Я сегодня утром был на могиле старика Джулиана, — сказал Чарльз. — Я приехал на его могилу, и еще тебя повидать. — Он немного подождал и сказал изменившимся, трагическим голосом:

— Я положил цветы на его могилу... на могилу старика; он был очень хорошим человеком и так меня любил.

Вдалеке спутник Чарльза вышел из-за машины с фотоаппаратом.

— Эй, послушайте, — окликнул он. — Зря надрыгаетесь. И мне тут целый день торчать некогда.

— Вы что, не понимаете? — Чарльз отвернулся от двери, но говорил все так же надрывно. — Мне необходимо увидеть ее снова. Ведь всему виной я.

— Как так?

— А из-за кого, по-вашему, две старые девы похоронили себя

заживо? — спросил Чарльз. — Но Бог нас рассудит. Я не хотел, чтобы все так обернулось.

Я испугалась: вдруг Констанция не выдержит и заговорит или рассмеется вслух, я тронула ее рукой — сиди, молчи, но она и головы не повернула.

— Мне б хоть словечко ей сказать, — повторял Чарльз. — Впрочем, снимайте пока дом и меня на пороге. Я могу стучать в дверь. Снимите, как я отчаянно стучу в дверь.

— Да хоть умрите от отчаяния на этом пороге — мне-то что? — Спутник Чарльза отнес фотоаппарат в машину. — Трата времени.

— Там же столько денег! Конни! — громко позвал Чарльз. — Да открой же ты дверь наконец!

— Знаете, — второй уже сел в машину, — боюсь, не видать вам этих денег, как своих ушей.

— Конни, — взывал Чарльз. — Что ты со мной делаешь! Я не заслужил, это жестоко! Конни, ну пожалуйста!

— Хотите пешком до города идти? — спросил второй. И захлопнул дверцу. Чарльз отошел было от двери, но вернулся.

— Ладно, Конни. Но знай: если ты меня сейчас отпустишь — больше не увидишь. Так и знай.

— Я уезжаю, — сказал из машины второй.

— Так и знай, Конни, я больше не вернусь. — Чарльз начал спускаться с лестницы, но все говорил через плечо. — Смотри же, ты видишь меня в последний раз. Я ухожу. Но одно твое слово — и я останусь.

Я испугалась: вдруг он не успеет уйти? Вдруг Констанция не выдержит? Ну же, Чарльз, быстрее!..

— Прощай, Конни, — сказал он, спустившись, и побрел к машине. Казалось, сейчас вытащит платок и вытрет слезу или высморкается, но его спутник сказал:

— Поторапливайтесь.

Чарльз снова оглянулся, печально махнул рукой и сел в машину. Только тогда Констанция рассмеялась и я тоже; Чарльз быстро обернулся, точно услышал наш смех, но машина тронулась и укатила по аллее к шоссе, а мы хохотали в обнимку в темной прихожей; слезы текли по нашим щекам, а эхо смеялось в пролете сгоревшей лестницы и устремлялось ввысь, в небо.

— Я так счастлива, — наконец вымолвила Констанция в изнеможении. — Маркиса, я так счастлива.

— Я же говорила, что тебе понравится на Луне.

* * *

Однажды в воскресенье около дома остановилась машина Каррингтонов, они возвращались из церкви; Каррингтоны тихонько сидели в машине и смотрели на дом, точно считали, что мы обязательно выйдем и попросим их о каком-либо одолжении. Иногда я вспоминала о навеки закрытых гостиной и столовой; о чудесных маминых вещицах, беспорядочно разбросанных по полу; о пыли, что бесшумно сеется на них сверху; но в доме нашем появились новые достопримечательности, подобно тому, как дни наши обрели новый порядок. Изуродованный, обугленный пролет прежней чудесной лестницы стал нам столь же привычен, сколь некогда и сама лестница. И доски на кухонных окнах стали частью нашего дома, мы с ними сроднились. Мы были очень счастливы, хотя Констанция постоянно боялась, что разобьется одна из наших чашек с ручками и придется кому-то взять чашку без ручки. У нас появились излюбленные места: стулья у стола, кровати, щелки у парадных дверей. Констанция стирала мою красно-белую клетчатую скатерть и рубашки дяди Джулиана, которые носила сама; они сохли в саду, а я пока надевала скатерть с желтой каймой — с золотым пояском просто загляденье. Мамины коричневые туфли мирно стояли в моем уголке на кухне, поскольку в теплые летние дни я ходила босиком, как Иона. Констанция не любила срезанных цветов, но на столе в кухне все-таки стояла ваза с розами или маргаритками; только с куста дяди Джулиана она цветов не срезала. Я иногда вспоминала о голубых стеклянных шариках, но на длинную поляну мне теперь пути не было; наверно, этим шарикам нечего больше охранять, дома-то нет, а к нашему нынешнему дому они отношения не имеют — мы живем тут очень, очень счастливо. Моими новыми охранными сокровищами стали замок на парадных дверях, доски на окнах и баррикады около дома.

По вечерам перед домом слышались шорохи и шепот:

— Перестань, вдруг дамы увидят!

— Что они, в темноте, что ли, видят?

— Говорят, они все вокруг видят и знают.

Потом слышалось хихиканье, тающее в теплом мраке.

— Скоро нашу аллею назовут «дорожкой влюбленных», — сказала Констанция.

— Несомненно, в честь Чарльза.

— Жаль, не пустил он себе пулю в лоб прямо на аллее, — задумчиво и

серьезно проговорила Констанция. — Хоть малостью искупил бы.

Из разговоров чужаков мы поняли, что снаружи видны лишь бесформенные руины, перевитые плющом; принять их за дом было очень трудно. Руины эти высились ровно на полпути от поселка к шоссе, на самой тропинке; наших глаз за листвой никто не видел.

— Только к двери не подходи, — стращали друг друга дети. — А то дамы сцапают.

Однажды какой-то мальчуган встал у лестницы лицом к дому, другие его подзадоривали, а он трясся, почти плакал и чуть не убежал, но потом закричал дрожащим от страха голосом:

— Эй, Маркиса, — кличет Конни, — хочешь мармеладу?

И тут же унесся прочь, остальные следом. В тот вечер я обнаружила на пороге корзинку со свежими яйцами и запиской: «Простите, он не хотел вас обидеть».

— Бедняга, — Констанция перекладывала яйца в миску, чтобы нести на ледник. — Наверно, забился со страху под кровать.

— А может, его выпороли хорошенько, чтоб знал, как себя вести.

— На завтрак будет омлет.

— Интересно, могу я съесть ребенка?

— Я вряд ли смогу его приготовить.

— Бедные чужаки, всего на свете боятся.

— И я боюсь — пауков, например.

— Мы с Ионой охраним тебя, ни один не сунется, — сказала я. — Констанция, до чего ж мы счастливые!

Table of Contents

[Ширли Джексон «Мы живём в замке»](#)

[1](#)
[2](#)
[3](#)
[4](#)
[5](#)
[6](#)
[7](#)
[8](#)
[9](#)
[10](#)